

ISSN 2312-377X

***СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА***

НАУЧНЫЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (40)

2018

Сургут

Учредитель и издатель:
бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС 77-63200 от 1 октября 2015 г.

Издается с марта 2000 г.
Выпускается 4 раза в год.

Главный редактор:
С.М. Косенок, д.пед.н., профессор

Редакционная коллегия:
Абрамовских Н.В., д.пед.н., профессор
Баканов С.А., д.ист.н., доцент
Бахмутский А.Е., д.пед.н., профессор
Гагай В.В., д.психол.н., профессор
Исаев В.И., д.ист.н., профессор
Исупов В.А., д.ист.н., профессор
Ищенко О.В., д.ист.н., профессор
Карпов В.П., д.ист.н., доцент
Кирилюк Д.В., к.ист.н., доцент
Лашкова Л.Л., д.пед.н., доцент
Логвин В.Н., д.ист.н., профессор
Насырова Э.Ф., д.пед.н., профессор
Повзун В.Д., д.пед.н., профессор
Прищепа А.И., д.ист.н., профессор
Пузанов В.Д., д.ист.н., профессор
Разуваева Т.Н., д.психол.н., профессор
Рассказов Ф.Д., д.пед.н., профессор
Семенов Л.А., д.пед.н., профессор
Синявский Н.И., д.пед.н., профессор
Солодкин Я.Г., д.ист.н., профессор
Степанова Г.А., д.пед.н., профессор
Хадынская А.А., к.филол.н., доцент
Яковлев Б.П., д.психол.н., профессор

Выпускающий редактор:
А.В. Аширова

Переводчик:
М.О. Бенская

Полные тексты статей размещаются в базе данных Научной электронной библиотеки
на сайте elibrary.ru и включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Адрес редакции:

628412, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1.
Тел. (3462) 76-29-88, факс (3462) 76-29-29, e-mail: science.journals@surgut.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	4
------------------	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Солодкин Я. Г. Первые военные экспедиции сургутских служилых людей	5
Тебякина А. В. Развитие маслодельных артелей в Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.	10
Томилов И. С. Город Березов на рубеже XIX–XX вв.: описание, демография, инфраструктура	15
Задорожная О. А. Специфика формирования и состав непарового флота «Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли» (1898–1917 гг.)	23
Маленьких М. А. Досоветская историография крестьянского хозяйства Иркутской губернии в годы аграрной реформы П. А. Столыпина	29
Чудаков О. Б. Досуг горожан в деятельности сибирских органов городского самоуправления в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.)	33
Иванов А. С. Режимная идентичность спецпереселенцев (1930–1950-е гг.): базовые характеристики	40
Тимошенко А. И. Индустриальное освоение Сибири в 1950–1980-е гг.	47
Попок В. А. Формирование структуры предприятий-подразделений треста «Сургутгазстрой».....	52
Веселов С. И. Техническое оснащение автодорожных предприятий на севере Западной Сибири в 1960–1970-е гг.	59
Кузнецова А. А. К вопросу об основных направлениях деятельности диссидентов Западной Сибири в 1960–1980-х гг.	65
Давыдова А. О. Организация чтения жителей трассовых и вахтовых поселков Тюменского Севера в 1970–1980-х гг.	69
Прищеп А. И. Эволюция оценки источников победы и людских потерь СССР в Великой Отечественной войне как особенность исторического познания в учебной литературе	73

Urbi et Orbi

Кондакова Л. Ю. Портрет на фоне эпохи (о директоре Сургутской централизованной библиотечной системы Н. В. Жуковой).....	77
Наши авторы	82
Требования к оформлению материалов	84

Дорогие друзья!

Четвертый номер журнала «Северный регион» посвящен исторической тематике. В номере целостно представлена история развития Сибири как торгового и индустриального центра России с конца XVIII века до наших дней. Описываются проблемы культурного досуга и просвещения в отдаленных районах Севера, специфика диссидентства в Западной Сибири, особенности быта и тяготы спецпереселенцев. Отдельного внимания заслуживают статьи, посвященные освоению северного края, «белым пятнам» в истории сибирских городов. Также рассматривается досоветская историография крестьянского хозяйства Иркутской губернии в годы аграрной реформы П. А. Столыпина, анализируются сущностные характеристики современных научных оценок источников победы СССР в Великой Отечественной войне.

В отдельной рубрике представлена статья, посвященная Заслуженному деятелю культуры России, директору Центральной библиотечной системы г. Сургута *Надежде Васильевне Жуковой*, которая внесла большой вклад в развитие библиотечного дела северного региона.

Среди авторов ученые Института истории Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Новосибирск), Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук, преподаватели и аспиранты Сургутского государственного университета, Нижневартковского государственного университета, Краснодарского государственного института культуры, а также преподаватели и учителя средних и среднеспециальных общеобразовательных учреждений – Иркутского технологического колледжа, Сингапайской средней общеобразовательной школы, специалисты методических и культурных центров г. Сургута.

Надеемся, что материалы номера будут полезны для всех, кто интересуется сибирским краем, его историей, многовековыми традициями и культурой.

С уважением
редакция журнала «Северный регион: наука, образование, культура»

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(571.122Сургут)«16/17»

*Солодкин Я. Г.
Solodkin Ya. G.*

ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ СУРГУТСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

THE FIRST MILITARY EXPEDITIONS OF SURGUT SERVICEMEN

В течение первой четверти века существования Сургута местные служилые люди приняли участие в разгроме Пегой орды, в сооружении Нарымского и Кетского острогов, разведывательном походе на Томь и закладке Томска, в двух экспедициях в «Мангазейскую землю», а с возобновлением русского градостроительства в Сибири – в «поставлении» Маковского и Енисейского острогов.

During the first quarter of a century of Surgut's existence, local servicemen took part in the defeat of the Pegaia Orda; the construction of Narym and Ket ostrogs; the reconnaissance campaign on the Tom River and the founding of Tomsk; two expeditions to the Mangazeya Land; and with the renewal of Russian town planning in Siberia, in the erection of Makovskiy and Yenisei ostrogs.

Ключевые слова: Сургут, служилые люди, военные экспедиции, разгром Пегой орды.

Keywords: Surgut, servicemen, military expeditions, the defeat of the Pegaia Orda.

Вскоре после основания Сургута отрядом письменного головы В. В. Аничкова (лето 1594 г.) местные служилые люди, большинство которых составляли казаки и стрельцы, приняли участие в ряде военных экспедиций, ставших важными вехами ранней русской колонизации Западной Сибири.

К 1597 г. относится долго готовившийся поход войска, включавшего сургутян (годом ранее в царской грамоте, посланной в Сургут, предполагалось, что их будет сотня), березовцев, тоболяков, кодских остяков под началом сургутского письменного головы И. И. Колемина против верхненарымского князя Вони. Близ его главной резиденции, взятой штурмом, был заложен Нарымский острог, в котором стали «годовать» служилые из первого русского города Среднего Приобья.

В. И. Кочадамов приписывал сооружение Нарымского и Кетского острогов (якобы в 1596 г.) князьям Ф. П. Барятинскому и В. В. Аничкову, которых по традиции считал основателями Сургута. В представлении В. Д. Назарова, первый из этих острогов «ставили» только сургутяне. Нарым, однако, строили вовсе не годовальщики из заложенной в устье Сальмы крепости, как полагала Н. Н. Симачкова [1, с. 22; 2, с. 114; 3, с. 74, с. 26, 58].

Считать (как зачастую поступали историки, следуя Книге записной – старшей из сохранившихся редакций Сибирского летописного свода) основателем Нарымского острога Тугарина Федорова, самого известного среди сургутских атаманов, не приходится: если он и участвовал в экспедиции к «Вышнему Нарыму», то будучи подчиненным И. И. Колемина. (Утверждение, будто Т. Федоров являлся сургутским воеводой, заложившим Нарымский и Кетский остроги [4, с. 270], – явное заблуждение).

Известно, что назначенному в Тобольск в феврале 1608 г. разрядному воеводе окольничему М. М. Салтыкову предписывалось послать оттуда в Нарым нового голову взамен прежнего [5, с. 140]. Это делает сомнительными летописные известия о Т. Федорове как непосредственном предшественнике первого нарымского воеводы М. Т. Хлопова. Возможно, «властодержателем» Нарыма тогда оказался определенный вначале в письменные головы сибирской столицы А. И. Шаплыкин (Шаплыгин, Шаблыкин, Щерблыкин). Т. Федоров же, согласно его челобитной за 1626 г., посылался сургутским воеводой князем С. М. Лобановым-Ростовским из Сургута на Томь. Вероятно, зная по личным впечатлениям или рассказам сослуживцев казаков и стрельцов, «годовавших» в Нарымском и Кетском острогах, Т. Федоров и другие сургутяне – П. Колпашник «с товарищи» – в первые недели 1611 г. высказали в Казанском приказе предложение (которое тогда было отклонено, но признавалось Б. О. Долгих разумным [6, с. 91]) о закладке вместо этих острогов какого-то одного другого или же города.

Заметим, что «объясачивание обитателей бассейна Чулыма началось» не после сооружения Кетского (Кунгопского) острога, как представлялось Л. И. Шерстовой [7, с. 205], а раньше, в первые годы существования «Сургуцкого города» [8, с. 25; 9, с. 21; 10, с. 34, и др.]. В 1600 г., после «проведывания» севера Енисейского края отрядом Ф. Дьякова, туда двинулись со служилыми людьми письменный голова князь М. М. Шаховской и сын боярский Д. П. Хрипунов, в распоряжении которых помимо 50 тоболяков и 50 березовцев находились и сургутяне [11, с. 31] (их было значительно меньше, возможно, не более двух десятков). С огромным трудом добравшись до среднего течения Таза, они заложили острог (на взгляд Е. В. Вершинина, не на месте какого-то городка поморов, как ранее представлялось [12, с. 112, 158]). В начавшейся в 1601 г. следующей экспедиции в «Мангазею и Енисею» (письменных голов князя В. М. Рубца Мосальского и С. Т. Пушкина) кроме сотни тоболяков и 70 березовских казаков и «литвы» участвовали 30 служилых людей из Сургута [13, с. 304, 389]. Достигнув «Тазовского городка», они вместе с теми земляками, которые «рубил» этот острог (вскоре превратившийся в город), в том же году двинулись в обратный путь; в Мангазее остались на «годовой службе» полсотни тоболяков и столько же березовцев.

Царская грамота от 18 сентября 1601 г., посланная в ответ на челобитную «всего Сургуцкого города» во главе с десятником И. Ладогой, содержит указание на отправку 50 местных служилых «ставить острог» «на Енисею» [14, с. 34; 9, с. 20; 15, с. 231, и др.], быть может, Кетский (по наблюдению А. Т. Шашкова, в то время «Енисеей» называли главным образом верховья Кети [9, с. 21; 10, с. 34]). Допустимо полагать, что этот отряд возглавлял Т. Федоров, а «начальным человеком» ратных людей, выстроивших еще один острог в Сургутском крае (вскоре Кетск сделался центром самостоятельного уезда), являлся М. В. Лодыгин, направленный в Пегую орду из Березова. (А. Е. Ульянова отождествила расположенный на Енисее острог, который сургутяне были посланы «ставить» в 1601 г., и Енисейский острог, появившийся в 1619 г.; там якобы «годовал» Т. Федоров [16, с. 50, 52]). Тем не менее вряд ли оправданно вслед за Д. Я. Резуном и Р. С. Васильевским думать, что русские достигли Енисея только в начале XVII столетия [17, с. 135; ср. 18, с. 122; 19, с. 200]).

В самом конце XVI в. Т. Федоров со своими казаками собрал ясак с жителей бассейна Томи, а в начале 1604 г. сургутяне сопровождали решившего принять русское подданство эштинского князца Тояна в Москву, а затем в его «улус», где выяснили, есть ли возможности для строительства там крепости. В сентябре того же года при участии сургутских, березовских, тобольских, тюменских, пелымских служилых людей и «кодичей» князя Онжи Юрьева был основан Томск (его первыми администраторами стали возглавлявшие «экспедиционный отряд» письменный голова Г. И. Писемский, накануне занимавший такую же должность в Сургуте, и тобольский сын боярский В. Ф. Тырков) [8, с. 31, 32, 42; 20, с. 13–16, и др.]. Десятки жителей города, «поставленного» десятилетием

прежде в устье Сальмы, влились в ряды гарнизона крепости, «срубленной» перед самым наступлением московской Смуты [21, с. 82, 83; 22, с. 16–19]. (Утверждение, будто Томск строили лишь тобольские казаки [23, с. 168], должно считаться неточным). В «Томском городе», превратившемся в уездный, а четверть века спустя и в разрядный центр, время от времени сургутяне несли «годовую службу» [24, с. 69, 105, 107, 108].

По указанию Д. О. Скульмовского, в 1605 г. на «годовой службе» в Кетске находился томский стрелец С. Иевлев [25, с. 15; 26, с. 8]. Благодаря опубликованным еще Г. Ф. Миллером документам, однако, выясняется, что этого стрельца лишь посылали «из Томи с грамоты ... в Кецкой острог» в 1604 г. (вскоре после 27 сентября) и декабре 1605 г. [13, с. 403, 405]. (Летом 1605 г. кетский письменный голова П. А. Бельский направил отписку в Томск со стрельцом Г. Бутровым и двумя остяками [13, с. 407]).

В 1611 г., будучи в Москве, Т. Федоров и казак (возможно, из станицы этого атамана) П. Колпашник предложили оставить Нарымский и Кетский остроги и взамен построить «на Роздоре» один острог или даже город. (Затем более удобным для этого посчитали другое место – на Тогурском устье Оби). Сургутяне, в том числе «годовавшие» в названных острогах, порой в течение полутора лет [15, с. 216], должны были принять участие в сооружении новой крепости [13, с. 428–431]. (Данный замысел тогда остался неосуществленным). Накануне же сургутяне, в частности десятник И. Кайдалов, Л. Донской, О. Родюков, посылались кетским воеводой Г. Ф. Елизаровым против тунгусского князя Данула, отказывавшегося признавать власть переживавшей «великое разорение» Москвы [14, с. 35–36; 27, с. 49, 247, 281].

А. Е. Ульянова почему-то считала, что сургутские служилые в 1611 г. участвовали в строительстве тех острогов, которые сменили Нарымский и Кетский [16, с. 49]. Кстати, вопреки утверждению ряда тюменских историков [27, с. 35, примеч. 2], никаких острогов в пору тобольского воеводства стольника князя И. М. Катывева-Ростовского (1608–1612 гг.) устроено не было.

В 1618 г., когда (со времени закладки Кузнецкого острога) возобновилось русское градостроительство в «Сибирской стране», служилые из основанного под началом В. В. Аничкова города наряду с березовцами, тоболяками, пелымцами, кодскими остяками «ставили» у края волока с Кети на Енисей Маковский (Макуцкий, Макуццкий, Намаковский и т. п.) острог, а через год у противоположного края того же волока, соединявшего бассейны Оби и Енисея, – Енисейский (Тунгусский, Кузнецкий) острог. (А. П. Ярков подобно писал Н. И. Никитину, что Енисейский острог заложили тобольские казаки под началом атамана Ч. Рукина [28, с. 532]. Последний, кстати, являлся стрелецким сотником, а его «товарищем» при основании этого острога был пелымский сын боярский П. Албычев).

Известно, что в «проведывании» дороги в «Верхнюю Тунгуску» участвовал сургутский казак Д. Городчиков (ранее являвшийся кетским годовальщиком), а в строительстве Маковского и Енисейского острогов – его сослуживцы литвин Я. Сергунов и новокрещен С. Тумач (Тумачев), накануне бывший толмачом в Кетске [27, с. 253, 254, 280, 281, 290, 297]. По мнению Н. А. Миненко, отряд сургутян в походе 1618 г., во время которого служилым людям удалось заложить Енисейский острог, возглавлял М. Перфирьев – в будущем атаман этого острога, прославившийся как землепроходец, поскольку Перфирьевы жили и в Сургуте, и в Енисейске [29, с. 85]. Такой взгляд, разделяемый и многими другими историками [30, с. 215, 216; 18, с. 121; 19, с. 199; 17, с. 117; 22, с. 20], – не более чем допущение, точными данными об участии М. Перфирьева в сооружении Енисейского острога, но в 1619 г., мы не располагаем, как и о проживании каких-либо представителей широко известной сибирской служилой «династии» в Сургуте до этого времени. В остроге же, который позднее приобрел статус разрядного центра, М. Перфирьев появился, возможно, не сразу, а в начале 1620-х гг. [31, с. 216]. Там сургутяне на первых порах несли «годовую службу» [14, с. 37; 24, с. 70, 106].

(Е. В. Вершинин и А. Т. Шашков писали об участии в походе «в Тунгусы», во время которого возник Маковский острог, «команды сургутских казаков», не указывая, кто ее возглавлял [9, с. 25]).

Стало быть, в течение первой четверти существования Сургута входившие в состав его гарнизона казаки, стрельцы, «литва», новокрещены, возможно, и черкасы вместе со служилыми людьми нескольких других сибирских городов «ставили» стены и башни Томска, Нарымского, Мангазейского, Кетского, Маковского, Енисейского острогов. (Нельзя утверждать, как поступил Д. О. Скульмовский, будто годовальщики принимали участие в строительстве Томска и Нарымского острога [32, с. 68], так как, вероятно, большинство ратных людей, «рубивших» эти крепости, по завершении их сооружения вернулись в те города, где несли постоянную службу). Возведение названных городов и острогов можно считать важными вехами ранней русской колонизации «Сибирской страны», ставшей на рубеже XVI–XVII столетий самым обширным «царством» московских государей.

Литература

1. Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М. : Стройиздат, 1978. 190 с.
2. Назаров В. Д. Зауральская эпопея XVI века // Вопросы истории. 1969. № 12. С. 103–116.
3. Симачкова Н. Становление воеводской системы управления в Сибири (конец XVI – начало XVII вв.). Тюмень : Мандрика и К°, 2006. 111 с.
4. Зиновьев В. П., Лбова Л. В. Томская область // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 267–273.
5. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / сост. Н. Н. Оглоблин. М., 1901. Ч. 4. 287 + I с.
6. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. LV М. : Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.
7. Шерстова Л. И. Тюркоязычные народы Сибири в контексте международных отношений XVII – XIX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири: седьмые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина (Барнаул, 9–10 октября 2009 г.). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 205–207.
8. Бояршинова З. Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 1953. Сб. 3. С. 21–48.
9. Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут : Диорит, 2004. С. 10–32.
10. Шашков А. Т. Строительство русских острогов в Сургутском уезде в конце XVI – начале XVII в. // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях : тез. окруж. научно-практ. конф., посвященной 40-летию Сургутского краеведческого музея (24–27 ноября 2003 г., г. Сургут). Сургут : Дефис, 2003. С. 32–35.
11. Солодкин Я. Г. Служилые люди Сургута в первые годы его существования // Очерки истории Сургута / науч. ред. А. И. Прищепа. Сургут : Диорит, 2002. С. 24–35.
12. История Ямала: в 2-х т. / отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : Баско, 2010. Т. 1: Ямал традиционный. Кн. 2: Российская колонизация. 323 с.
13. Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. I. 630 с.
14. Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв. (Енисейский край). М. : Наука, 1964. 303 с.

15. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / сост. Н. Н. Оглоблин. М., 1900. Ч. 3. 389 с.
16. Ульянова А. Е. Функции сургутских казаков в конце XVI – XVII вв. // Проблемы истории Сибири XVI–XX вв. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. пед. ин-та, 2005. Вып. 1. С. 46–64.
17. Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск : Новосибирское книжное изд-во, 1989. 304 с.
18. Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург : Тезис, 1994. 327 с.
19. Очерки истории Югры. Екатеринбург : НПМП «Волот», 2000. 407 с.
20. Бояршинова З. Я. Основание русского города на Томи (к 375-летию г. Томска) // Томску – 375 лет. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 1979. С. 11–20.
21. Березово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург : Сократ, 2008. 471 с.
22. Скульмовский Д. О. Томская разборная книга 1680–1681 гг. как источник по ранней истории сургутского казачества // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: колл. моногр. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2008. Ч. 3. С. 15–24.
23. Сафронов А. В. Семилужки – казачья крепость под Томском // Присоединение Сибири к России: новые данные : мат-лы Всерос. научно-практ. конф. с междунар. участием (Тюмень: 9–10 декабря 2014 г.). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. С. 167–173.
24. Пузанов В. Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут : ООО «Таймер», 2011. 223 с.
25. Скульмовский Д. О. Гарнизон Томска в первые годы своего существования // Малоизученные и дискуссионные проблемы отечественной истории. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2007. Вып. 2. С. 11–18.
26. Скульмовский Д. О. Стрельцы в сибирских гарнизонах на рубеже XVI–XVII вв. // «Мира не узнаешь, не зная края своего»: мат-лы 9-х краеведческих чтений. Нижневартовск : Нижневартовская типография, 2005. С. 7–9.
27. Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. II. 796 с.
28. Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. 182 с., ил.
29. Ярков А. П. Тобольск – духовная ось Сибири (Тобольский тип культуры) // Духовная судьба России и цивилизация XXI века (V Рождественские образовательные чтения) : мат-лы Всерос. научно-практ. конф. 6–7 февраля 2006 г. Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2006. С. 532–535.
30. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. : историко-этнографический очерк / отв. ред. М. М. Громыко. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1975. 308 с.
31. Бродников А. А. Сибирский служилый человек Максим Перфирьев (опыт биографического исследования) // Книга и литература в культурном контексте : сб. научных статей, посвященный 35-летию начала археографической работы в Сибири: 1965–2000 / сост. и отв. ред. Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев. Новосибирск : РИО ГПНТБ СО РАН, 2003. С. 213–227.
32. Скульмовский Д. О. «Годовая служба» в сибирских городах и острогах на рубеже XVI – XVII вв. // Научные труды аспирантов и соискателей Нижневартовского государственного гуманитарного университета. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2007. Вып. 4. С. 63–69.

УДК 338.431.4:637.2(091)

Тебякина А. В.

Tebyakina A. V.

РАЗВИТИЕ МАСЛОДЕЛЬНЫХ АРТЕЛЕЙ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

DEVELOPMENT OF BUTTER ARTELS IN TOBOLSK GOVERNORATE IN THE SECOND HALF OF THE 19th – THE BEGINNING OF THE 20th CENTURIES

В статье рассматриваются тенденции развития маслодельных артелей во второй половине XIX – начале XX вв. Особое внимание уделяется деятельности Союза сибирских маслодельных артелей и влиянию иностранного капитала на развитие маслодельного производства.

The article considers tendencies of development of butter manufacturing artels in the second half of the 19th and the beginning of the 20th centuries. Special attention is paid to the activity of the Union of the Siberian Butter Artels and influence of the foreign capital on the development of butter production.

Ключевые слова: маслодельные артели, Союз сибирских маслодельных артелей, иностранный капитал, Тобольская губерния.

Keywords: butter manufacturing artels, Union of the Siberian Butter Artels, foreign capital, Tobolsk Governorate.

Появление маслодельных артелей в Российской империи приходится на пореформенный период. Среди лидеров этого процесса в начале XX в. можно назвать Тобольскую губернию. Это связано с тем, что хозяйственная специализация южных уездов привела к быстрому развитию не только земледелия, но и мясомолочного скотоводства [1].

В крестьянских хозяйствах занимались разведением крупного рогатого скота, свиней, коз, тем самым складывалась сельскохозяйственная специализация района, чему способствовало отсутствие помещичьего землевладения, тарифная политика правительства и т. д. Дело в том, что действовавшие повышенные тарифы на транспортировку зерна препятствовали продвижению местного хлеба в Европейскую Россию, что делало для крестьян приоритетным развитие молочного скотоводства.

Развитие в Тобольской губернии различных видов транспорта втягивало регион в товарно-денежные отношения всероссийского рынка. Так, продукция предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции стала поставляться на местные (Ишимскую) и всероссийские (Ирбитскую и Нижегородскую) ярмарки, откуда товар попадал в центральную Россию. Но длительные перевозки значительно ухудшали качество продукции, а высокая стоимость перевозок увеличивала себестоимость масла. Поэтому появление вагонов-ледников в специальных «масляных поездах» привело к вывозу сибирского масла на Лондонскую биржу: в 1894 г. – 400 пудов, в 1896 г. – 150 тыс. пудов, в 1912 г. – 4 млн 500 тыс. пудов [2]. На следующей стадии крестьянство Тобольской губернии перешло к промышленной переработке молока и производству масла. В «Обзоре Тобольской губернии за 1896 г.» указывалось на оживление торговли и появление возможности отправлять железнодорожным путем в европейскую Россию сливочное масло и различные продукты скотоводства [3].

Именно на этот период приходится появление новой формы объединения – маслодельных артелей, которые представляли собой одну из самых распространенных и эффективных форм сельской кооперации. В Тюменском уезде Тобольской губернии

появление первого маслоделательного завода Панфиловых приходится на 1886 г., а в Курганском уезде – на 1894 г.

Создание артелей первоначально вызывало недоверие у крестьянского населения в условиях перехода от натурального хозяйства к товарному. Поэтому инициаторы организации кооперативов стремились наглядно показать преимущество подобных объединений, что нашло отражение в появлении целой сети артелей в различных отраслях [1]. Как правило, артели могли быть созданы двумя путями: после принятия устава или подписания договора между потенциальными участниками организации. Для управления артелью выбиралось правление, которое работало на общественных началах [4]. Маслоделательное производство крестьян могло работать самостоятельно, тогда объединение происходило только для организации вывоза произведенной продукции, или предприятия использовали для переработки сырья из крестьянского хозяйства. Но в обоих случаях руководил производством или контролировал весь процесс мастер маслоделия.

Как отмечали специалисты, на рубеже столетий приготовление сливочного масла для экспорта за границу развивалось «с лихорадочной поспешностью». При этом нельзя говорить, что, прибавляя количеством, маслоделие отличалось и качеством. Большинство заводов, находившихся в очень тесных помещениях, содержалось грязно, чувствовался такой недостаток в мастерах, что на многих заводах их заменяли простые рабочие, проработавшие иногда всего несколько месяцев с мастером на заводе [5]. Для того чтобы повысить производительность предприятия и контролировать процесс выработки масла, на должность мастеров часто ставили ближайших родственников хозяев маслоделен. Так, в Ишимском уезде, по данным на 1901 г., мастерами являлись 9 сыновей владельцев заводов. Кроме того, мастерами иногда становились сами хозяева, приглашенные специалисты, священники. В предпринимательство активно вовлекались женщины. Анализируя данные по маслоделию на рубеже XIX–XX вв., видим, что в 1901 г. хозяйками 6 таких предприятий из 112 являлись женщины [6].

По данным ведомости о фабриках и заводах в Тобольской губернии, в 1895 г. насчитывалось 3 маслодельных артели, прибыль которых составила 650 рублей, а число рабочих равнялось 6 [7]. И. К. Степановский отмечает, что в 1896 г. в Курганском и Ялуторовском уездах Сокульским было создано 4 артели [8]. К 1904 г. в Тобольской губернии их насчитывалось всего 728, из них 190, или 26 %, приходилось на артели, а остальные принадлежали единоличным владельцам [9]. До 1906 г. в маслоделии преобладали единоличные предприятия, но в годы столыпинских реформ положение резко меняется. Правительство начинает поощрять маслоделательные артели выдачей ссуд на устройство заводов и поставкой оборудования в кредит. Благодаря этому происходит значительный рост артелей. В 1906 г. в Тобольской губернии их число составило уже 354, а в 1908 г. – 541 [4].

О росте маслодельного производства свидетельствуют данные поставок на экспорт: в 1900 г. они составили 1 млн 82 тыс. пудов; в 1904 г. – 2 млн 234,5 тыс.; в 1910 г. – 3 млн 195 тыс. и в 1913 г. – 4 млн пудов масла. Начиная с 1909–1913 гг. Сибирь поставляла более 16 % мирового экспорта масла и 61,3 % – российского. Примерно половина приходилась на всю Тобольскую губернию [2].

В конце XIX в. во многих городах Тобольской губернии появились отделения для организации вывоза сибирского масла в Европу, в том числе датские – «Поллизен» и «Эсман». Иностранцы стремились захватить все рынки сбыта сливочного масла, став главными конкурентами только зарождавшихся в России кооперативов. На 1902 г. только в Кургане действовало 13 экспортных контор, большая часть которых была иностранной. Одним из главных экспортеров стала датская фирма «Сибирская компания», которая располагала 50 пунктами покупки и продажи масла, из которых было вывезено 35,1 тыс. (1913 г.) бочек масла, в то время как «Союзом сибирских маслодельных артелей» – только 32,6 тыс. бочек.

Массовое заполнение иностранцами местных рынков вызывало недовольство местных предпринимателей, поскольку иностранный капитал не финансировал сельскохозяйственное производство, а вывозился из Сибири. Однако имелись и положительные стороны. Во-первых, иностранное присутствие способствовало развитию конкуренции и созданию местных экспортных организаций. Во-вторых, кредиты, выдававшиеся иностранцами, помогли финансировать создание множества маслоделен. Кроме того, большую роль играл тот факт, что местные предприниматели перенимали у них опыт [1]. Иностранный капитал проникал в Тобольскую губернию разными путями. Например, через вступление зарубежных предпринимателей в качестве пайщиков, открытие отделений иностранных фирм, учреждение за границей акционерных обществ. Крупные компании учреждали здесь свои филиалы [10].

Для противостояния проникновению иностранного капитала в 1907 г. был создан Союз сибирских маслодельных артелей, который взялся организовывать весь процесс сбыта маслодельной продукции за границу. Для вступления в общественную организацию мелких производителей требовалось составить и подписать специальный договор, который предусматривал равные права для всех членов; обязательную сдачу произведенной продукции в пункты приема Союза; возможность покупки в лавках Союза припасов и материала по сниженным ценам; обязательство в случае нарушений выплатить штраф размером 500 рублей; выполнение всех решений общих собраний организации; делегирование выбранного члена на общие собрания и т. д.

Артели, входившие в состав Сибирского союза, были основаны по договору. Основные его пункты заключались в следующем: по всем обязательствам артель отвечала взаимным поручительством; все дела велись по обоюдному согласию; для ведения дел избирался доверенный; мастера нанимались артельным сходом; права и обязанности всех нанимаемых и избираемых лиц определялись артельным сходом; с желающих вступить в артель бралась вступительная плата с каждой коровы; выход из артели допускался при смене места жительства; артель могла вести другие торговые дела. Таким образом, можно сделать вывод, что Союз усиливал контроль над деятельностью маслодельных кооперативов и их централизацию [11].

Свыше 70 % масла сибирских крестьян проходило через Сибирский союз маслодельных артелей. На 1910 г. Союз объединял 181 артель, к 1918 г. их численность возросла более чем в 11 раз. Общий оборот Союза за 5 лет составил более 21 млн руб. К 1914 г. он объединял всю территорию маслоделия четырех губерний и областей с площадью, равной европейской части России, и населением 8 млн человек [4]. С созданием Союза улучшилось качество сибирского масла, и в результате цена на союзное масло на иностранных рынках была выше, чем у других, на 50 копеек за пуд. Это объясняется постоянным усовершенствованием технической оснащенности. Ускорялась доставка масла, что позволяло сохранить его качество. Обработка состояла из трех ступеней: в конторе при приемке, в Виндаве при перегрузке на пароход и, наконец, в Лондоне, на складах «Юниона». При этом не просто сообщались недостатки производителям, но и назывались их причины [1]. Так, в письме из Лондона от 29.11.1911 г. сообщается, что последняя партия в 800 бочек не может быть продана в связи с запахом лука. Качество превосходное, но лук не дает возможности выручить основную цену [12].

Большую роль сыграли артельные лавки, которые создавались для снабжения артелей всем необходимым. В 1912 г. их количество достигало 170, а в 1913 г. – 502 с прибылью в 4,5 млн рублей.

По данным доклада В. Ф. Сокульского и проекта сметы на 1912 г., в Тобольской губернии в 1910 г. в ведении молочной организации состояли 1 104 маслодельных завода, на которых было выработано 753 976 пудов экспортного масла на сумму 10 317 000 руб.

[13]. К 1917 г. половина всех заводов Сибири принадлежала кооперации, а, например, в Курганской губернии – все заводы [4].

Зарубежное партнерство Союза Сибирских маслодельных артелей представляет собой отдельный интерес. Следует сказать, что продвижение сибирского масла за рубеж поначалу шло трудно: этому активно препятствовали иностранные экспортеры. Например, все просроченное масло специально именовалось «сибирским».

Первым успехом стало заключение в 1909 г. договора с английским торговым домом «Лонсдэйль и К^о». Условия были следующие: 1) союз соглашался платить 1/10 процента комиссии с оборота на все масло, которое будет продано «Лонсдэйлом» за твердую цену; 2) прибыли и убытки от продажи масла на английском рынке делились поровну; 3) в случае если какая-либо другая фирма в Сибири предлагала англичанам на продажу масло, они были обязаны сообщить фирму, цену сорта и качество масла.

Кроме того, 2,5 % от стоимости масла шло на содержание конторы и услуги агента в Лондоне. При этом Союз получил право частичного контроля над продажами своего масла мелкооптовым покупателям через собственного агента. На таких условиях сотрудничество с «Лонсдэйль и К^о» продолжалось в течение трех лет [12].

В письме от 13.02.1910 г. «Лонсдэйль» сообщил Союзу сибирских маслодельных артелей о том, что цены стали слишком высокими для местного рынка. Поэтому они просят Союз продавать масло через Германию, пока цена не понизится до 13,50–14 рублей за пуд, чтобы сдержать убытки. При этом в письме отмечалось, что сибирского масла очень мало, большинство из Австралии. Как отмечалось выше, рост цен был связан с улучшением технической обработки масла, а кроме того, с отсутствием урожая за этот год [12].

23 июня 1910 г. также приходит письмо из Лондона с жалобами по поводу несоблюдения Союзом условий договора: «Балакшин уже нарушил контракт, заключенный им с нами, во-первых, тем, что не заключает контракта более чем на один год, как он тогда условился сделать, а во-вторых тем, что открыл контору в Германии для продажи Бийского масла, между тем как наш контракт ясно постановляет, что все масло, отправляемое Союзом, должно быть посылаемо только «Лонсдэйль и К^о» [12].

Такая позиция со стороны Союза говорит о том, что данный контракт переставал быть для него интересным и он пытался выйти самостоятельно на зарубежные рынки. Тем самым 30 сентября 1912 г. на Общем собрании Союза Сибирских маслодельных артелей договор с английским домом «Лонсдэйль и К^о» на прежних условиях был расторгнут.

В 1913 г. по инициативе А. Н. Балакшина в Лондоне был организован Союз сибирских кооперативных товариществ «Юнион», основными членами которого стали Союз сибирских маслодельных артелей и английская фирма «Лонсдэйль».

По поручению «Юниона» за каждую партию масла сибирские банки выплачивали Союзу 90 % стоимости продукта на иностранных рынках, оставшуюся сумму артельщики получали после продажи всей партии.

За пользование своими складами и персоналом «Лонсдэйль и К^о» получала 72 коп. с каждой бочки экспортного масла, что составляло большую прибыль. «Юнион» продавал сибирское масло мелким торговцам, получая за пуд от 30 копеек до 3 рублей – больше, чем получали оптовые фирмы за масло сибирских скупщиков. Его конторы открывались в США, Китае и других европейских странах, сеть насчитывала в общей сложности 16 филиалов.

Таким образом, Россия к 1912 г. вышла на второе место по экспорту, уступив только Дании. Экспорт масла достигал 2,4 миллионов пудов в год [1]. В целом можно говорить о том, что развитие маслодельных артелей накануне Первой мировой войны проходило быстрыми темпами. Это видно, исходя из статистических данных по их количеству, а также по поставкам на экспорт. Если в начале XX в. рынок Тобольской губернии был заполнен иностранными экспортерами, то уже после 1910 г., благодаря

деятельности Союза сибирских маслодельных артелей, Россия смогла выйти на второе место по экспорту этого продукта в мире.

Литература

1. «Картина маслом» : К столетию Союза Сибирских маслодельных артелей. URL: <http://gako.archives.kurganobl.ru/maslo2> (дата обращения: 25.10.2018).
2. Чеудорова Е. М. Западносибирская кооперация в период реформ и революции начала XXв.: идеология, законотворчество, агротехнологии. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2014. 272 с.
3. Обзор Тобольской губернии за 1896 г. Тобольск : Тобольская губернская типография, 1897. 104 с.
4. Бурнашев Э. Г. Маслодельческая кооперация в Тобольском округе в первой трети XX в. URL: <https://refdb.ru/look/2043926-p16.html> (дата обращения: 05.11.2018).
5. Ермачкова Е. П. Кооперативное маслоделие в исторической локалистике Приишимья рубежа XIX в. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. №. 9 (162). С. 167–172.
6. Государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 417. Оп. 1. Д. 103.
7. Обзор Тобольской губернии за 1895 г. Тобольск : Тобольская губернская типография, 1897. 104 с.
8. Степановский И. К. Маслоделие – богатство Севера. Вологда : Типография т-ва «Знаменский и Цветов», 1912. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/ste/pan/ovs/kiy/index.htm> (дата обращения: 25.10.2018).
9. Захарова Н. В. Развитие маслоделия в Тобольской губернии в начале XX века // Историко-педагогические чтения. 2005. № 9. С. 102–104.
10. Горюшкин Л. М. Иностранный капитал в Сибири: история и современность. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/science/schools/goryush/works/1995.ssi> (дата обращения: 25.10.2018).
11. Бикина А. А. Маслоделие в Западной Сибири в начале XX в.: факторы развития, роль Союза сибирских маслодельных артелей // Исторический журнал: Научные исследования. 2014. № 3 (21). С. 344–356.
12. Государственный архив Курганской области в г. Кургане (ГАКО ГА в г. Кургане). И-154. Оп.1. Д. 28.
13. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 185. Оп. 1. Д. 340.

УДК 94(571.12)

Томилов И. С.
Tomilov I. S.

**ГОРОД БЕРЕЗОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.:
ОПИСАНИЕ, ДЕМОГРАФИЯ, ИНФРАСТРУКТУРА**

**BERYOZOV AT THE TURN OF THE 19th–20th CENTURIES:
DESCRIPTION, DEMOGRAPHY, INFRASTRUCTURE**

В статье рассматриваются важные аспекты, касающиеся развития города Березова Тобольской губернии на рубеже XIX–XX вв. Пространственный и образный облик населенного пункта имеет весомое значение для урбанистических исследований в рамках концепций городоведения. Характеристика демографической ситуации дает представление об изменении численности горожан, о трансформациях в социальном и национальном составах. Инфраструктура Березова включает в себя экономику, средства связи, социальные заведения и др.

The article considers important aspects related to the development of the city of Beryozov in the Tobolsk Governorate at the turn of the 19th–20th centuries. The spatial and descriptive appearance of the settlement is of significant importance for urban studies. The population demographics gives an idea of the change in the number of citizens, the transformations in the social and national composition. The infrastructure of Beryozov includes economy, means of communication, social institutions, etc.

Ключевые слова: Березов, город, население, экономика.

Keywords: Beryozov, city, population, economy.

На рубеже XIX–XX вв. город Березов располагался на севере Тобольской губернии и был административным центром самого обширного уезда. Он являлся связующим звеном между малонаселенными северными территориями и более развитым югом региона. Являясь одним из самых небольших и малонаселенных городов губернии, Березов находился в стороне от оживленных путей сообщения и с течением времени подвергался гораздо меньшей территориально-демографической трансформации. Несмотря на определенную застойность, отдельные стороны жизни горожан продолжали развиваться. Прогрессивные тенденции в Березове к началу XX в. проступали все яснее и постепенно обретали черты урбанизации.

Окружной (с 1898 г. уездный) центр – г. Березов был основан воеводой Н. В. Траханиотовым в 1593 г. на левом берегу р. Сосьвы при устье речки Вогулки. О географическом положении Березова в воспоминаниях очевидцев говорится следующее: «город с востока обтекает р. Сосьва, с запада окружен еловым лесом и можжевелевым кустарником, с севера граничит с протоком Вогулкой, с юга – глубоким буераком Колтушным» [1, с. 24]. Для сравнения, другой крупный пункт уезда – село Обдорск (рис. 1) – был заложен на месте существования самодийских поселений. Самоеды (ненцы) называли его Сале-Хард (или Саленгар), в переводе – «Город на мысу» (от этого историко-топонимического названия он и получил свое нынешнее название).

Название «Березов», по одним данным, поселение получило от лежащей неподалеку березовой рощи, по другой версии – от бывшего на месте основания остяцкого селения Сугмут-вож (в переводе с остяцкого – «березовый городок»). В 1782 г. Березову присвоен статус уездного города. Герб окружного города Березова Тобольского наместничества

Высочайше утвержден 17 марта 1785 г.: «В верхней части щита герб Тобольский. В нижней, в серебряном поле, три дерева берез, в знак имени сего города» [3] (рис. 2).

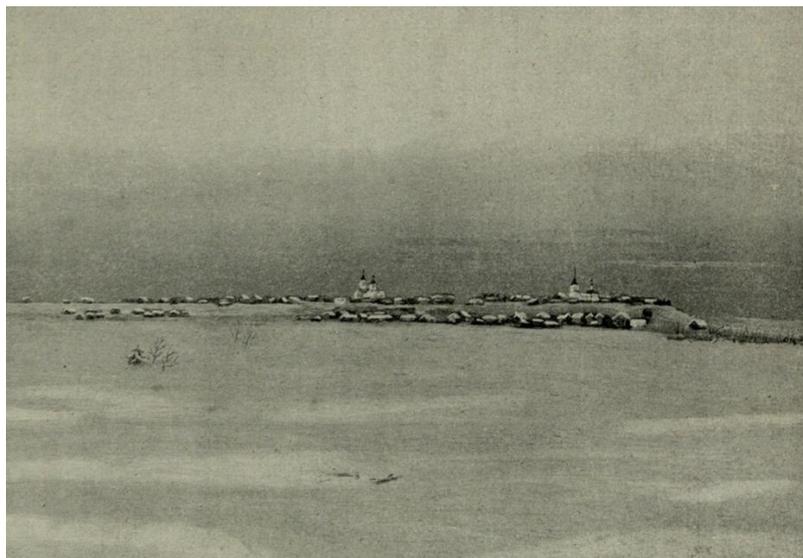

Рис. 1. Общий вид Обдорска [2, с. 99]

Рис. 2. Герб г. Березова [3]

Такие малые города губернии, как Березов и Сургут, расположенные на севере региона (как правило, в поймах рек), учеными считались аграрными поселениями: их жители в основном занимались традиционными, нетипичными для горожан занятиями (охота, рыболовство, земледелие, собирательство, скотоводство) [4, с. 21, 32].

Среди причин, крившихся в необходимости основания города именно в этом месте, было установление сбора ясака с коренного населения. Размер и сроки сдачи «пушной рухляди» установлены практически сразу же после присоединения края к Российскому государству в конце XVI в. Для удержания в повиновении остяков и вогулов, а также для

обложения выплатами самоедов требовался постоянный форпост с военным контингентом и гражданскими жителями. Кроме этого, создание нового поселения, несмотря на суровые природно-географические условия и полное отсутствие инфраструктуры, было важно и для наблюдения за местной торговлей, приезжими предпринимателями.

В XIX в. описания Березова были противоречивы (рис. 3). Согласно свидетельствам одних современников, город «не велик, некрасив и может быть назван самым бедным из городов Тобольской губернии. Строения его деревянные, неправильные и большей частью ветхие; посреди города находится непроходимое гнилое болото и делает воздух летом невыносимо тяжелым. <...> Строения вообще ветхи и вид города довольно печальный, чему много способствует окружающая его постоянно летом и зимой унылая местность» [5, с. 125, 127]. Двойное впечатление, связанное с сезонностью, город произвел на известного краеведа и публициста Н. А. Абрамова: «Березов, особенно при въезде в него в зимнее время, походит на пустынное место, окруженное горами снега и хвойными лесами. Напротив, летом местоположение его очень приятно, особенно если смотреть на него из-за реки Сосьвы. Две каменные церкви красивой архитектуры, порядочные дома жителей города, окруженного лесами и открытого к Сосьве, представляют его как бы в саду» [6, с. 330]. Его точку зрения поддерживал геолог и педагог И. В. Гурский, побывавший в Березове в 1892 г. Отмечая хорошее местоположение, уютность и миниатюрность населенного пункта, он также писал, что сами жители «недовольны своим городом» [7, с. 10–11]. Путешественник Ф. М. Белявский, посетивший край еще в 1820-е гг., заострял внимание на планировке Березова: «...улицы без всякой правильности и весь город, простирающийся в длину почти на версту, состоит из одних переулков» [8, с. 24].

Рис. 3. Вид города Березова в XVIII в. (с гравюры XVIII в.) [9]

Численность населения Березова в течение полувека росла очень медленно и находилась, по официальным данным, в пределах 800–2 300 чел. (см. табл.).

Согласно приведенной статистике, тенденция к небольшому количеству населения сохранялась на протяжении всей второй половины XIX – начала XX вв. К концу XIX в. Березов стал самым малочисленным городом губернии, уступив предпоследнее место Сургуту (для сравнения, в 1914 г. в Сургуте проживало 1 435 чел., что на 28 % больше, чем в Березове). В целом на протяжении 60 лет сохранялись невысокие (число жителей с 1851 по 1914 гг. увеличилось всего на 232 чел.), но устойчивые темпы прироста населения. Исключения составляют незначительные спады 1904 и 1914 гг. Также из статистики выделяются данные за 1891–1892 гг. и последовавший за этим значительный спад в 1897 г. (спустя всего 5 лет). Вероятно, это было связано с более адекватным подсчетом жителей в

ходе знаменательного мероприятия общегосударственного масштаба в 1897 г. При этом ежегодные рутинные отчеты уездных исправников содержали весомое количество неточностей: чиновники зачастую самовольно приписывали произвольное число жителей в сторону увеличения, не производя реальный подсчет количества березовцев. С точки зрения верификации статистические источники, составленные вне пределов губернии, были более точны в фактологическом материале, чем местные.

Таблица

Численность населения г. Березова, Тобольская губерния, 1851–1914 гг.

[5, с. 126; 10, с. 120, 123; 11, с. 12–13; 12, с. 2; 13, с. 16;

14, с. 7; 15, с. 4, 16, с. 108; 17, с. 41; 18, с. 116]

Год	Численность, чел.	Прирост / убыль к предыдущему показателю	
		чел.	%
1851	890	–	–
1861	1 451	+ 561	+ 63
1862	1 462	+ 11	+ 0,8
1874	1 702	+ 240	+ 16,4
1891	2 117	+ 415	+ 24,4
1892	2 296	+ 179	+ 8,5
1897	1 070	– 1226	– 53,4
1903	1 169	+ 99	+ 9,3
1904	1 124	– 45	– 3,9
1905	1 179	+ 55	+ 4,9
1909	1 227	+ 48	+ 4,1
1911	1 280	+ 53	+ 4,3
1913	1 306	+ 26	+ 2
1914	1 122*	– 184	– 14,1

Примечание: * – 1 211 чел., по данным Сибирского торгово-промышленного ежегодника за 1914–1915 гг.

О естественном приросте свидетельствует следующий пример. В 1891 г. в Березове родился 91 (в одноименном округе – 1 264) чел., умерло 38 (999) чел. [19, с. 41–42].

По итогам Первой всероссийской переписи 1897 г. в окружном центре проживало всего 5 % населения уезда и 1,2 % горожан губернии. К 1913 г. процент городского населения в уезде остался неизменным (5), доля от численности всех горожан Тобольской губернии сократилась до 0,9 %. В 1914–1915 гг. эти показатели еще уменьшились (4,7 % и 0,085 % соответственно) [15, с. 127; 16, с. 108].

В отличие от центра, численность населения Березовского уезда в начале XX в. изменялась более интенсивно: к 1 января 1900 г. – 22 194 чел., 1903 г. – 19 227, 1904 г. – 24 730, 1909 г. – 25 755, к 1 января 1913 г. – 27 608, в 1914 г. – 25 740. Как видим, количество жителей за 15 лет варьировалось в пределах от 19,2 до 27,6 тыс. чел. В 1913 г. основную часть горожан составляли русские – свыше 85 %, остальную часть составляли зыряне и инородцы [2, с. 76; 11, с. 4–5; 12, с. 2, 59; 14, с. 7; 15, с. 4; 20, с. 5–7; 21, с. 124].

Сословный состав города на 1862 г. был следующим: 141 потомственный и личный дворянин, 28 представителей православного духовенства, 57 купцов, 387 мещан, 188 крестьян, 542 военных и членов их семей, 85 инородцев, 25 – другие категории [10, с. 120, 123].

Здания в городе в основном были деревянные, несмотря на то, что за свою дореволюционную историю Березов трижды страдал от серьезных пожаров (в 1719, 1808 и 1887 гг.). Например, в 1820-е гг. в городе размещалось около 200 зданий, из которых только 2 (церкви) были каменными, а также насчитывалось 3 улицы, 20 переулков, 1 мост, 141 обывательский дом [8, с. 24].

К 1912 г. застроенная часть города занимала площадь в 36 дес. 11 кв. саж. (0,39 км²) и оставалась неизменной с 1903 г. Для сравнения, Тобольск с предместьями размещался на площади в 6,71 км², Тюмень – 36,4 км², Сургут – 0,75 км². В Березове имелось всего 6 немощеных улиц общей протяженностью чуть более 1 км, 5 переулков суммарной длиной около 0,5 км, 3 моста, пароходная пристань. В городе располагались 3 православных церкви, 2 часовни, общественная библиотека, метеорологическая станция, 1 начальное (церковно-приходская школа) и 2 низших (городское мужское 3-классное, с 1913 г. 4-классное, и женское приходское училища) учебных заведения, 1 каменный и 182 деревянных дома, а также Общество трезвости, 1 казенная винная лавка и 9 торговых магазинов, 3 кузницы, государственная сберегательная касса, почтовая контора, уездное полицейское управление, казначейство, общественная библиотека, метеорологическая станция, пожарное депо, местная воинская команда, тюремный замок, 2 инородные управы и волостное правление, инородческий хлебозапасный магазин [22, с. 9]. Штатный городской медперсонал включал доктора (уездный врач), 3 фельдшеров, акушерку, ветеринарного врача. Учреждения здравоохранения были представлены одной больницей с 36-ю койками стационара, а также инородческой богадельней и расположенной при ней аптекой. Кроме этого, в уездном центре на постоянной основе работали 11 ломовых (транспортировавших тяжелые грузы) извозчиков, функционировали 2 кладбища и помещение для арестов. По сравнению с 1903 г. в Березове прибавилась одна церковь, появились 3 фельдшера и ветеринарный врач. Город освещался всего тремя керосиновыми фонарями. Главным занятием горожан считалось рыболовство, к побочным относилась доставка дров на швартующиеся пароходы. Среднемесячная заработная плата наемных рабочих не превышала 8–10 руб., чернорабочий в день получал 1–1,5 руб. (для сравнения, в Тобольске соответственно 3–12 и 0,3–1 руб., в Сургуте – 5–20 и 0,5–1 руб.). В то же время средняя стоимость предметов первой необходимости составляла (за 1 фунт, или 410 г): ржаного хлеба – 3 коп. (в Тобольске – 2 коп., Сургуте – 3 коп.), мяса – 10–12 коп. в зависимости от сорта (в Тобольске – 9–15, Сургуте – 8–12), соли – 1,5 коп., сахара – 20 коп. Сажень дров (4,5 м²) стоила 2–3 коп., фунт керосина – 7 коп., стеариновых свечей – 35 коп., сальных свечей – 20 коп. [12, с. 2; 19, с. 91–92, 103; 23, с. 21–22, 24–33]. Для сравнения, в Обдорске в 1908 г. цены были следующие: мука ржаная (казенный магазин) – 5 коп. за 1 кг; розничная частная торговля (за 1 кг): гречневая крупа – 9 коп., хлеб – 4 коп., рис – 37 коп., соль – 2,5 коп., масло – 1 руб., кирпичный чай – 2,7 руб., осетрина – 37,5 коп. Такие невысокие цены объяснялись удобством водного сообщения по Оби в летнее время. Напротив, на порядок дороже стоили дефицитные и некачественные изделия обрабатывающей промышленности [24, с. 22].

Имелись в Березове и постоянные торгово-промышленные заведения. Так, к 1913 г. в городе функционировали: 4 предприятия по продаже бакалейных товаров (С. П. Карпов, И. Е. Петров, П. А. Плеханов, А. Н. Седельников), 4 предприятия виноторговли (Н. М. Давыдовская, П. Е. Конева, Ф. О. Раевский, А. Л. Цесес), 9 мануфактур (Я. А. Ерлыков, И. И. Карпов, П. И. Козлов, А. Н. Нижегородцев, Т. В. Новицкий, А. Т. Новицкий, В. А. Оленев, П. А. Плеханов, Д. А. Чурков). Кроме этого, еще в 3 предприятиях занимались пушниной, в 4 – галантереей, в 15 – рыбой, в 1 – мучным товаром (хлеб и зерно А. М. Сибирякова), в 1 – готовыми платьями [25, с. 61–62].

В Обдорске в 1880-е гг. имелись «деревянная церковь, 67 дворов, 150 лавок и амбаров, больница и школа» [26, с. 134]. Всего в Березовском уезде (без учета города) к 1912 г. располагались 17 церквей, 11 часовен, 1 библиотека-читальня, 8 учебных заведений, 5 школ грамотности, 5 хлебных магазинов, 6 постоянных дворов, 1 чайная, 6 винных и 68 торговых лавок, 1 маслодельня, 11 кузниц, постоянно открывались 2 ярмарки [23, с. 280–281]. Больных в уезде принимали окружной врач, фельдшер в с. Шаркальском, лекарский ученик и повивальная бабка в с. Кондинском. Кроме того, в Обдорске имелись

объездной врач, повивальная бабка, фельдшер, был открыт приемный покой, а в с. Мужа размещались на постоянной основе лекарский ученик и сельская повивальная бабка.

Острым в крае был и вопрос средств связи. В 1879 г. одним из первых поднял вопрос об устройстве телеграфной линии Тобольск – Самарово генерал-губернатор Западной Сибири Н. Г. Казнаков. Более того, на эти цели были даже пожертвованы средства от местных купцов и рыбопромышленников, но в Санкт-Петербурге проект не получил поддержки. Проблема отсутствия телеграфа стояла остро. В 1891 г. корреспонденты «Сибирского листка» писали: «При замерзании рек Иртыша и Оби и при вскрытии их с. Обдорское, Березов, Кондинск, Самарово и Сургут делаются для нас terra incognita [лат. «неизвестная земля». – прим. И. Т.] и что там творится, известно только им самим» [27, с. 2].

Необходимость проведения телеграфа на огромных пространствах Тобольского Севера особенно наглядно проявилась во время путешествия по Сибири в 1891 г. наследника престола Николая Александровича. Продвигаясь на пароходе по Оби и Иртышу, он останавливался в Сургуте и Самарово. В течение 4–5 дней окружение наследника не могло связаться с Санкт-Петербургом, так как на этом участке пути не было телеграфа, хотя разговоры о его устройстве периодически возникали.

Первая телеграфная линия между губернским Тобольском и с. Самарово (ныне Ханты-Мансийском) была построена только в 1909 г. По поручению губернской администрации смету на устройство телеграфа от Самарово до Сургута и от Березова до Обдорска составлял А. А. Дунин-Горкавич. К 1915 г. самаровский телеграф работал по трем направлениям – тобольскому, сургутскому и березовскому. За смену здесь принимали и передавали не более 50 телеграмм [28].

Лишь в 1912 г. Березовский уезд соединился телеграфной линией с общеимперской сетью России. Вот как об этом событии написала «Сибирская торговая газета»: «...Ожидается открытие действия телеграфа в Березовском уезде: линия Самарово – Кондинск протяженностью 227 верст вполне готова и со дня на день ожидается разрешение приобщить ее к общероссийской сети. Эта линия составляет первое звено телеграфного сообщения с Обдорском» [29, с. 3]. В Обдорск, располагавшийся севернее Березова, телеграф планировалось довести в 1914 г. для того, чтобы «соединить Обдорск с побережьем и Архангельском радиотелеграфными станциями» [29, с. 3]. Однако до 1917 г. этого сделано не было.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. в развитии г. Березова Тобольской губернии прослеживаются противоречивые тенденции. С одной стороны, современники отмечали удобное местоположение и грамотную планировку, позитивные сдвиги в росте населения, увеличение городской территории, числа культурно-образовательных объектов и иных общественных заведений. С другой стороны, в описаниях Березова все чаще встречались указания на его небольшие размеры относительно других уездных городов, удаленность от основных трактов и рынков сбыта, ветхость зданий. К негативным моментам можно отнести микроскопические (в данных условиях) демографические колебания (незначительный рост числа жителей чередовался с такой же невысокой убылью населения), падение доли городского населения относительно всех горожан губернии. Инфраструктура Березова также оставляла желать лучшего: в экономическом плане уездный центр все больше уступал селу Обдорскому с его популярной ярмаркой. Несмотря на увеличение количества торговых, медицинских и учебных заведений, их было явно недостаточно для удовлетворения возросших потребностей жителей. Некоторые заведения и ведомственные филиалы, присутствовавшие в других городах региона (отделения банков, государственных учреждений по различным делам и др.), в Березове так и не были открыты. Сообщение с «внешним миром» по-прежнему осуществлялось по водным (в теплый период) и сухопутным (зимой) путям, и состояние этих трактов считалось неудовлетворительным и малоудобным. Среди средств связи в начале XX в.

в городе появился только телеграф: лишь перед Первой мировой войной Березов, последний из всех городов Тобольской губернии, соединился со всероссийской сетью. Описание, демография и инфраструктура города были противоречивы, но не являлись уникальным явлением в рамках изучаемого региона: аналогичные процессы наблюдались и в других городских пунктах губернии.

Литература

1. Гурский И. В. Поездка на Северный Урал: (из дневника). Тобольск : Тип. Тобольского губ. правления, 1893. 69 с.
2. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север : в 3 т. Т. 1 : общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1904. 281 с.
3. Казенное учреждение «Государственный архив Югры». URL: http://www.gahmao.ru/index.php?option=com_content&view=article&layout=edit&id=1021 (дата обращения: 31.10.2018).
4. Гончаров Ю. М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул : АЗБУКА, 2012. 214 с.
5. Ильин В. Краткие статистические описания окружных городов Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. Тобольск : Тип. Тобольского губернского правления, 1864. С. 77–130.
6. Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Записки Императорского русского географического общества. Кн. XII. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1857. С. 329–448.
7. Гурский И. В. Поездка на Северный Урал (из дневника) // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1893. Вып. 1. С. 10–11.
8. Белявский Ф. М. Поездка к Ледовитому океану. М. : Тип. Лазаревых Института восточных языков, 1833. 289 с.
9. Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. Таллин; Москва : Скиф-Алекс, 1994. 638 с.
10. Список населенных мест Тобольской губернии по сведениям 1868–1869 гг. Т. LX. Тобольская губерния. СПб. : Изд. Центрального статистического комитета МВД, 1871. 276 с.
11. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 89 т. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 78. Тобольская губерния. 1899–1905. СПб., 1905. 247 с.
12. Список населённых мест Тобольской губернии / сост. Губерн. стат. ком. по распоряжению Тобольского губернатора по сведениям, доставленным волостными правлениями в 1903 г. и провер. переписным материалом. Тобольск : Губ. Тип., 1904. 341 с.
13. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1906 г. / изд. Тоб. Губернского стат. комитета. Тобольск : Губ. тип., 1906. 146 с.
14. Памятная книжка Тобольской губернии на 1909 г. / изд. Тоб. Губернского стат. комитета. Тобольск : Тип. Губ. упр., 1909. 300 с.
15. Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 г. / изд. Тоб. Губернского стат. комитета. Тобольск : Губ. тип., 1914. 313 с.
16. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1914–1915 гг. Ч. 2. Отд. III. Обзоры губерний и областей Сибири, Степного края и Русского Туркестана / изд. Д. Р. Юнга. Пг. : Тип. акционерного общества «Аргус» т-ва «Труд», 1914–1915. 653 с.
17. Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 г. / изд. Тоб. Губернского стат. комитета. Тобольск : Губ. тип., 1915. 291 с.

18. Аблажей А. М., Багашев А. Н., Бойко В. А., Зенько А. П., Канакин И. А., Кучер В. В., Матвеев А. В., Муратов П. Д. Ямал – знакомый и неизвестный : колл. монография. Тюмень : Институт проблем освоения Севера СО РАН, 1995. 238 с.

19. Календарь Тобольской губернии на 1893 г. / изд. Тоб. губерн. тип. Тобольск : Тоб. губ. тип., 1893. 372 с.

20. Дунин-Горкавич А. А. Этнографический состав населения Тобольской губернии в 1904 г. // Тобольские губернские ведомости. 1906. 7 февраля. С. 5–7.

21. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1913 г. Ч. 2. Отд. III. Обзоры губерний и областей Сибири, Степного края и Русского Туркестана / изд. Э. Ф. Мекса. СПб. : Тип. т-ва «Наш век», 1913. 755 с.

22. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север : в 3 т. Т. 3 : Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск : Губ. Тип., 1911. Прил. 2. Город Березов – его прошлое и настоящее. С. 1–15.

23. Список населенных мест Тобольской губернии. 1912 г. / изд. Тоб. губ. стат. ком. Тобольск : Губ. тип., 1912. 366 с.

24. Житков Б. М. Полуостров Ямал. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. 349 с.

25. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1913 г. Ч. 2. Отд. IV. Торгово-промышленный указатель населенных пунктов Сибири, Туркестана и пр. / изд. Э. Ф. Мекса. СПб. : Тип. т-ва «Наш век», 1913. 755 с.

26. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П. П. Семенова. СПб. : Тип. М. О. Вольф, 1881–1901. Т. 11: Западная Сибирь. СПб. ; М., 1884. 370 с.

27. Сибирский листок. 1891. № 22.

28. Патранова В. 105 лет назад в Березовский уезд пришел телеграф // Ugra-news.ru. URL : <https://ugra-news.ru/article/21032017/45705> (дата обращения: 31.10.2018).

29. Сибирская торговая газета. 1912. № 45.

УДК 656.612«1898/1917»

Задорожная О. А.
Zadorozhnyaya O. A.

**СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ И СОСТАВ НЕПАРОВОГО ФЛОТА
«ТОВАРИЩЕСТВА ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО ПАРОХОДСТВА И ТОРГОВЛИ»
(1898–1917 ГГ.)**

**ASPECTS FOR FORMATION AND COMPOSITION OF NON-STEAMSHIP FLEET
OF THE “PARTNERSHIP OF THE WESTERN-SIBERIAN SHIPPING AND TRADE”
(1898–1917)**

В статье рассматривается состав непарового флота крупнейшего речного перевозчика Обь-Иртышского водного бассейна, прослеживается тенденция увеличения численности этой группы недвижимой собственности и описываются ее критерии. В ходе исследования выяснилось, что формирование парка непаровых судов связано как с тактической линией компании, так и особенностями региона эксплуатации, условиями конкретной навигации. Большое внимание уделяется характеристике основных видов непаровых судов «Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли».

The article describes the composition of the non-steamship fleet of the largest river carrier of the Ob-Irtysh water basin. The tendency to the increase in number of this group of immovable property and its criteria is observed. As a part of the study it became clear that the formation of a fleet of non-steam vessels is connected both with the tactical line of the company, and with the peculiarities of the region of operational activity, and the conditions of specific navigation. Much attention is paid to the characteristics of the main types of non-steam vessels of the “Partnership of the Western-Siberian Shipping and Trade”.

Ключевые слова: Обь-Иртышский водный бассейн, речная компания, пароходство, непаровой флот, баржа, речной транспорт.

Keywords: Ob-Irtysh water basin, river company, shipping company, non-steamship fleet, barge, river transport.

Становление транспортной системы в Российском государстве было тесно связано с развитием промышленного производства, формированием рабочего класса и буржуазии, расширением направлений коммерческой деятельности и т. д. Перевозка грузов и пассажиров по рекам Западной Сибири становилась частью бизнес-проектов различных предпринимательских компаний. Со второй половины XIX в. пароходства стремились обеспечить каждое речное направление транспортными средствами для решения конкретной проблемы. Так как возможности пароходов были ограничены из-за технических характеристик и особенностей речной системы, дополнительный груз перевозился непаровым флотом. Если паровой флот исполнял роль перевозящего, тянущего средства, то непаровой использовался для размещения груза. Основная задача судов – доставить как можно больше товара в период навигации, поэтому количество непарового транспорта различных типов могло колебаться от нескольких единиц до нескольких десятков. Каждая группа непаровых судов (баржи, барки, баркасы, гусянки, дощаники, карбасы, катера, каюки, лодки, паромы, паузки, шаланды дебаркасы) обслуживала отдельные маршруты, перевозя определенный товар. Именно грузоперевозки становились с 1880-х гг. самым прибыльным видом деятельности.

Так, «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли» (далее – Товарпар) в соответствии с уставными документами занималось перевозкой грузов и

пассажиров по рекам Западной Сибири. При этом компанией гарантировалась «целостность и сохранность доверенных ему грузов как в пути, так и при нагрузке и выгрузке, а равно за подмочку мест и вещей, происшедшие от небрежения служащих у него лиц...» [1, с. 8; 2]. В изучаемый период у Товарпара по речным маршрутам следовали: баржи, гусянки, паузки, шаланды, конторки, баржевые лодки и т. д.

Таблица 1

**Динамика численности непарового транспорта
«Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли» (1900–1916 гг.)**
[3, с. 6–7, с. 15–16; 4, с. 20–23, с. 28–29, с. 38–41, 42–43; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]

Тип судна	1900	1902	1904	1906	1907	1914	1916
баржа	78/74	83/74	77/69	64/64	71	106/94	109/105
гусянка	1/-	2/-	*	*	*	1/1	*
паузок	28/26	31/25	25/23	15/20	22	10/10	3/3
шаланда/дебаркадер	2/2	5/1	1/1	*	*	*	2/2
непаровое судно - пристань	12/4	7/2	9/4	8/8	10	3/3	5/5
<i>всего</i>	<i>121/106</i>	<i>128/102</i>	<i>112/97</i>	<i>87/92</i>	<i>103</i>	<i>120/108</i>	<i>119/115</i>
лодка	есть	есть	7/7	есть	16	есть	есть

Примечания: Числитель – заявленное число непаровых судов, знаменатель – эксплуатируемое число. * – данные не упоминаются.

В указанный период численность непарового транспорта компании колебалась от 80 до 128 судов, из которых эксплуатировалось около 80 % (таблица № 1). Разница между числом заявленных и эксплуатируемых судов связана с различными факторами: часть непарового флота выполняла только частные и казенные перевозки, на грузообъем оказывали влияние конъюнктура рынка, политическая ситуация в стране, урожайность сельскохозяйственных районов и т. д. В 1902 г. к навигации были допущены 128 судов, но постоянно на линии выходили 100 – это 74 баржи, 25 паузков и 1 шаланда; еще 21 транспортное средство использовалось для обслуживания договоров: 9 барж, 6 паузков, 4 шаланды, 3 конторки; остальные сдавались в аренду [13]. Соответственно, из заявленных судов на правильные маршруты вышло 79,7 % без учета договорных обязательств или сданных в аренду судов. Учитывая, что часть судов не эксплуатировалась, в 1906 г. были заявлены 87 грузовых судов, которые уже в начале навигации не справлялись с перевозками, поэтому были задействованы с согласия местной администрации еще 5 паузков. Впоследствии механизм оставался прежним: Правление заявляло большее число, чем выходило на маршруты. Преимущество Товарпара перед конкурентами состояло в том, что ему принадлежало 19,7 % (1906 г.) и 17,7 % (1916 г.) непаровых судов от общего числа в Обь-Иртышском водном бассейне [4; 14].

Спецификой непарового флота являлся установленный законодательно крайний срок его эксплуатации даже при регулярно проводимом ремонте. В 1902 г. на построенные во второй половине XIX в. суда приходилось более 90,5 % от общей численности, из которых только 8 были непосредственно заказаны Товарпаром (1899 г.), остальные составляли вносимые пай. В навигацию 1906 г. на линии вышло 37,5 % флота конца XIX в., 25 % построенных в период 1900–1905 гг. Из-за ветхости и окончания сроков эксплуатации приходилось регулярно обновлять парк непаровых судов: после объединения Товарпара с Торговым Домом «Корнилова наследники», «Русско-китайским акционерным обществом» состав флота пополнился относительно новыми судами, среди которых восемь барж с большой грузоподъемностью (Иртыш, Нарым, Русалка, Семипалатинск, Усока, Курчум, Серебрянка, Шульбинка) и три железных дебаркадера в Семипалатинске, Тюмени и Омске [15]. На 1915 г. Товарпар эксплуатировал 17 %

непарового флота, построенного до 1900 г., около 72 % построенного до 1912 г., остальные – после 1912 г.

В целом процесс обновления состава непарового флота определялся рекомендациями технического отдела Правления компании и контролирующими учреждениями. Допуск транспортного средства к навигации налагал серьезную ответственность на руководство как главной конторы в Тюмени, так и речных агентств на местах. Учитывалось то, что паровые суда могли быть заменены транспортом с других рейсов, а непаровой флот «был «раскидан» по всему водному бассейну, имел ограниченную грузоподъемность, требовал наличия технических приспособлений для погрузки и разгрузки и т. д. В связи с расширением региона деятельности Товарпара и увеличением численности парового флота, для сохранения большого числа годных судов регулярно стал проводиться текущий и капитальный ремонт или реконструкция с учетом будущего маршрута, вида перевозимого груза. Компания ежегодно проводила переоценку имущества, что позволяло не только сохранить недвижимое имущество, но и способствовало планомерному пополнению флота.

Важным показателем рентабельности непарового флота была его грузоподъемность, показатель которой на протяжении указанного времени постоянно менялся: в 1902 г. составлял 4 млн 771 тыс. пудов, в 1906 г. – 4 млн 864,5 тыс. пудов, в 1914 г. – 8 млн 409 тыс. пудов, в 1916 г. – 8 млн 880 тыс. пудов, т. е. увеличился на 186,1 % [3, с. 6–7]. Отметим, что на непаровых судах стало возможным перевозить объемные и большие по весу грузы.

Таблица 2

Грузоподъемность непаровых судов «Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли» 1900–1917 гг. (пудов)

[3, с. 6–7, с. 15–16; 4, с. 20–23, с. 28–29, с. 38–41, 42–43; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]

тип судна	1902 год	1906 год	1914 год	1916 год
баржа	3 864 000	4 327 000	8 192 000	8 475 000
гусянка	29 000	*	*	45 000
паузок	878 000	537 500	217 000	360 000
<i>всего</i>	<i>4 771 000</i>	<i>4 864 500</i>	<i>8 409 000</i>	<i>8 880 000</i>

Примечание: *не упоминается.

Наличие непарового флота разной грузоподъемности позволяло обслуживать любого потребителя: частного клиента, казну, местные органы власти или юридическое лицо. При этом непаровой флот являлся одной из значимых категорий недвижимого имущества Товарпара, которая могла быть сдана в аренду или продана. В среднем стоимость новой баржи с оборудованием и приспособлениями для погрузки и выгрузки колебалась от 10 до 15 тысяч рублей. В 1913/1914 гг. было построено 5 барж на общую сумму 69 409 руб. 30 коп., т. е. в среднем одна баржа обошлась заказчику в 13 881 руб. 86 коп. [16].

Основным видом непаровых судов для крупнейшего речного перевозчика Обь-Иртышского бассейна были большемерные плоскодонные баржи. В основном эти суда строились первоначально в сельской местности вблизи Тюмени или по рекам Тавде около Тары, на верхних плесах Оби хозяйственным способом, а впоследствии на судостроительных заводах по специальному заказу. При этом первый вариант был более выгодным для частного заказчика из-за низкой себестоимости судна, но для крупной компании важным было качество изделия и его технические показатели. Кроме того, близко расположенная строительная база позволяла осуществлять разные виды ремонта на месте. Первоначально капитальному ремонту подвергались суда, построенные ранее 1900 г., что отразилось на сокращении количества старых судов, например, число старых барж уменьшилось с 90,5 % (1902 г.) до 37,5 % (1906 г.), до 14,1 % (1914 г.), до 7,3 %

(1916 г.) [17]. По данным источников, в 1906 г. еще преобладали суда, построенные до 1899 г. (37 %), в 1917 г. – построенные до 1909 г. (12,8 %). После 1910-х гг. началась реконструкция судов 1903–1906 гг. изготовления [14]. Но даже в случае решения о ремонте преимущество имели железные баржи, на которые уже в первый год было потрачено около 1 тысячи рублей [18; 19].

Таблица 3

**Критерии эксплуатации непарового судна
«Товариществом Западно-Сибирского пароходства и торговли»**

тип судна	срок эксплуатации	район эксплуатации
баржа	8-15	Обь, Иртыш, Тобол, Тавда, Тура, Ница, Тара, Сосьва, Кеты, Томи, Чулым, Бия
гусянка	8-15	Обь, Иртыш, Тобол, Тура, Ница, Томи, Чулым, Бия
паузок	8-15	Обь, Иртыш, Тобол, Тура, Ница, Сосьва, Тавда
шаланда/дебаркадер	10	Чулым, Ница, Тура, Тобол, Обь, Томь
непаровое судно – пристань	*	Обь, Иртыш, Тура
лодка	6-12	Обь, Томь

В Обь-Иртышском водном бассейне Товарпаром эксплуатировалось три вида барж: железные, деревянные и деревянные с железным резервуаром. Именно материал, из которого были изготовлены непаровые суда, определял срок эксплуатации, стоимость и регион обслуживания (таблица № 3). Так, железные баржи были самыми дорогими, поэтому их заказывали крупные собственники, которые пользовались поддержкой как делового мира, так и местной администрации. Товарпару принадлежало 55,6 % от общего числа железных барж Обь-Иртышского водного бассейна – «Тура», «Обь», «Тобол», «Кривошеково», «Вера», «Омск» [2, с.7; 20].

Большинство барж были деревянными, поэтому срок их возможного применения колебался от 8 до 15 лет, а для железной баржи – до 40 лет (табл. 3) [3, с. 2–3]. За годы деятельности в компании выработался механизм эксплуатации: после 6–8 лет службы баржа обслуживала ближние рейсы, а затем проводилась реконструкция или она использовалась для размещения пристанской конторки, грузовой пристани и т. д. Например, в навигацию 1903 г. три баржи были отправлены для проведения капитального ремонта, две баржи проданы компании «Курбатов-Игнатов» и судовладельцу Буркову, еще четыре стали на ремонт в ходе навигации. В следующую навигацию две баржи были проданы и три «назначены к слому, но до конца он не был доведен», а одна баржа стала конторкой в Бийске [21].

В связи с активным освоением водной системы, усовершенствованием парового флота баржи проходили реконструкцию, например, деревянные были с «острым носовым образованием» для облегчения буксировки по рекам с сильным течением. Еще одной характерной чертой этого вида непарового судна было наличие палубы, которая позволяла перевозить продовольствие, керосин, дрова, лесной материал и т. д. [22, с. 6–7] В целом баржи стали использоваться для перевозки разных грузов – 85,7 %, угля – 5,9 %, арестантов – 4,7 %, керосина – 3,7 %; в 1909 г. для перевозки разных грузов – 85,4 %, керосина – 9,7 %, хлеба – 4,9 % [23, с. 246–247].

Безусловно, для судовладельца важными являлись технические показатели непарового судна и его проходимость. Так, размеры судна во многом зависели от предполагаемого региона деятельности и категории перевозимого груза. Первоначально самыми востребованными для Товарпара были деревянные баржи длиной 35–36 саженей, шириной 4–5 саженей, грузоподъемностью от 30 до 100 тысяч пудов, осадкой с полным грузом 20–30 саженей. После обновления парка непарового флота в 1910-е гг. средние размеры барж в целом мало изменились: длина колебалась от 35 до 38 саженей, но

появилось более десятка барж размером от 40 до 45 сажений, что увеличивало возможности грузоперевозок. Грузоподъемность барж медленно менялась в сторону увеличения: в 1902 г. можно было загрузить около 5 млн 785 тыс. пудов, или на одно судно приходилось около 69 тысяч пудов груза; в 1909 г. – всего 4 млн 426 тыс. пудов и на одну баржу – более 71 тысячи пудов; в 1915 г. – 8 млн 192 тыс. пудов и 77 тысяч пудов соответственно, в 1916 г. – 8 млн 475 тыс. пудов и 78 тысяч пудов (подсчет по таблицам № 1 и № 2). В то же время после 1912 г. в составе непарового флота Товарпара появились деревянные баржи грузоподъемностью от 55 тысяч до 180 тысяч пудов, которые могли перевозить не только грузы, но и людей – от 50 до 1 500 человек, лошадей – от 60 до 100 животных, повозок от 30 до 60 штук и т. д. [17] Это позволяло как ускорить срок выполнения заказа, так и разнообразить ассортимент оказываемых услуг в различных районах. Кроме того, в составе флота появились различные типы судов: товарные баржи, пассажирская баржа «Нина», три угольных баржи, что привлекало разнообразного потребителя [14, с. 88–94].

Обязательными непаровыми судами на всех речных линиях Товарпара были паузки, которые использовались как для перегрузки товара с больших барж на другие суда или на берег, так и в качестве вспомогательных судов на мелководных участках по всем судоходным путям Обь-Иртышского речного бассейна. По данным статистики, в среднем один паузок в 1902 г. мог перевезти 27,43 тыс. пудов, в 1909 г. – 35,7 тыс. пудов, в 1915 г. – 42 тыс. пудов, в 1917 г. – 120 тыс. пудов груза [14, с. 94; 17, с. 90, с. 91, с. 96]. Паузки в основном использовались для перевозки разных товаров, а также по одному для специальных перевозок – хлеб, лес, рыба. Наблюдалась тенденция к увеличению числа паузков большой грузоподъемности: в 1902 г. преобладали суда грузоподъемностью до 30 тыс. пудов – 21 штука, в 1909 г. до 50 тыс. пудов – 8 штук. Старые паузки использовались в качестве пристаней или пристанских конторок, а также парома между удаленными населенными пунктами с небольшой численностью населения.

Интенсивность эксплуатации этого вида непарового транспорта во многом определялась объемами перевозок в конкретную навигацию и установленными сроками эксплуатации: на 1902 г. – 93,7 % было построено до 1899 г., в 1909 г. 46,7 % паузков было построено после 1900 г., в 1916 г. 25 % приходилось на непаровые суда, построенные после 1912 г. При этом был установлен крайний срок эксплуатации паузков на воде – от 6 до 20 лет, но преодолеть десятилетний рубеж могло судно только с капитальным ремонтом, что было невыгодным для потребителя. Этот фактор зависел от основного строительного материала – дерева, из которого были изготовлены суда. После 1912 г. в составе флота Товарпара появились два самоходных железных паузка «Ницца» и «Барнаул» со следующими параметрами: длина колебалась от 22 до 40 сажений, ширина – 4 сажени, высота – более 1 сажени [14; 17].

В составе непарового флота Товарпара использовались гусянки, срок эксплуатации которых колебался от 1 до 5 лет. Они, как и большинство непаровых судов этого типа, были деревянными и служили для перевозки груза объемом до 20 тысяч пудов. Численность выходящих на линии судов во многом зависела от предварительных заказов, а также от интенсивности навигации. Отметим, что маломерные суда Товарпар использовал редко, так как для их содержания требовалось наличие постоянных заказов.

Кроме того, на балансе Товарпара находились пять судов с несколькими назначениями – шаланды. Во-первых, они использовались в качестве вспомогательного транспорта во время землечерпальных работ по извлечению грунта из-под воды и углублению подводных котлованов; во-вторых, небольшое судно с малой осадкой служило для перевозки грузов при погрузке и разгрузке барж. Общая грузоподъемность этой группы судов колебалась от 2 до 55 тыс. пудов и составляла 125 тыс. пудов после 1912 г. [4, с. 40–41]. Также у перевозчика было несколько десятков однолетних и многолетних лодок со сроком эксплуатации до 12 навигаций [24; 25].

Таким образом, будучи крупной речной компанией, Товарпар владел значительным количеством различных видов непаровых судов разной вместимости. В указанный период наблюдалась тенденция к увеличению грузоподъемности данных групп судов для доставки товара в удаленные районы. Отличительной чертой непарового флота было отсутствие утвержденного местной властью расписания, так как они полностью зависели от правильного расписания буксирных пароходов, от предварительных заказов, от потребностей самого перевозчика или его партнеров. На некоторых участках Обь-Иртышского водного бассейна непаровые суда могли использоваться в качестве самостоятельных единиц. В указанный период сложилась схема рентабельности при эксплуатации непарового флота: в конце XIX в. 3 баржи должны приходиться на одно паровое судно, в начале XX в. – по 5 барж на 1 пароход. Немаловажным фактом для компании было то, что непаровые суда представляли собой вид недвижимости, который можно было продать, заложить или сдать в аренду. Втягивание Товарпара в рыночные отношения требовало рационального и организованного использования средств производства, которыми и выступали суда данной группы.

Литература

1. Устав «Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли». СПб., 1899. 47с.
2. Российский Государственный Исторический Архив СПб. (далее РГИА). Ф. 23. Оп. 14. Д. 227. Л. 16.
3. Речной флот (паровой и непаровой) Азиатской России. СПб., 1906. 86 с.
4. Речной флот (паровой и непаровой) Азиатской России СПб. : Типография Министерства Путей Сообщения, 1902. 85 с.
5. Государственный архив Новосибирской области (далее ГАНО). Ф. 145. Оп. 1. Д. 12. Л. 2 об.–3.
6. ГАНО. Ф. 145.Оп. 1. Д. 49. Л. 3–5.
7. ГАНО. Ф. 145.Оп. 1. Д. 8. Л. 7–9;
8. ГАНО. Ф. 145.Оп. 1. Д. 41. Л. 3 об.
9. ГАНО. Ф. 145.Оп. 1. Д. 4. Л. 4.
10. ГАНО. Ф. 145.Оп. 1. Д. 17. Л. 3 об.–4.
11. ГАНО. Ф. 145.Оп. 1. Д. 33. Л. 3–4;
12. ГАНО. Ф. 145.Оп. 1. Д. 45. Л. 3 об.–4.
13. ГАНО. Ф. 145.Оп. 1. Д. 15. Л. 84 об.
14. Список паровых и непаровых судов, плавающих по рекам составленный по ведению Томского округа Путей сообщения. Томск, 1917. 106 с.
15. РГИА. Ф. 23. Оп. 14. Д. 227. Л. 84.
16. РГИА. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 546. Л. 5.
17. Список паровых и непаровых судов, плавающих по рекам, состоящим в ведении Томского округа Путей сообщения. Томск: Т-во «А. Усачев и Г. Ливен», 1915. 105 с.
18. РГИА. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 546. Л. 7.
19. РГИА. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 546. Л. 6.
20. ГАНО. Ф. 145.Оп. 1. Д. 19. Л. 1.
21. ГАНО. Ф. 145.Оп. 1. Д. 37. Л. 4, Л. 5–7.
22. Статистический сборник Министерства путей сообщения. Выпуск 98. 1909 г. С. 6–7.
23. Задорожная О. А. Речные компании Западной Сибири (1860–1917 гг.). Сургут : Издательский центр СурГУ, 2012. 254 с.
24. ГАНО. Ф. 145.Оп. 1. Д. 37. Л. 11.
25. ГАНО. Ф. 145.Оп. 1. Д. 51 Л. 8.

Маленьких М. А.
Malenkikh M. A.

**ДОСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА
ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ П. А. СТОЛЫПИНА**

**PRE-SOVIET HISTORIOGRAPHY OF PEASANT ECONOMY
OF IRKUTSK GOVERNORATE DURING AGRARIAN REFORM BY P. A. STOLYPIN**

В статье рассматривается досоветская историография крестьянского хозяйства Иркутской губернии в годы аграрной реформы П. А. Столыпина. Отмечается, что данный период историографии представлен тремя направлениями: официальным, либеральным и народническим. Рассмотрены представители каждого из направлений. Указаны основные вопросы, интересовавшие этих авторов. В заключении дана краткая характеристика всего периода.

The article discusses the pre-Soviet historiography of the peasant economy of the Irkutsk Governorate during the agrarian reform by P. A. Stolypin. It is noted that the given period is presented by three directions: official, liberal and populist. Representatives of each of the directions are considered. The main questions that interested these authors are indicated. In conclusion, a brief description of the entire period is given.

Ключевые слова: историография, крестьянское хозяйство, аграрная реформа, П. А. Столыпин, Иркутская губерния.

Keywords: historiography, peasant economy, agrarian reform, P. A. Stolypin, Irkutsk Governorate.

Сто один год назад в России произошла Февральская революция, а в последующем началась Гражданская война. Одной из главных причин революции был аграрный вопрос. Разрешить его в начале XX века пытался П. А. Столыпин. Его аграрная реформа оказала огромное влияние не только на Центральную Россию, но и на Сибирь. Крестьяне, переселявшиеся сюда, зачастую ущемляли интересы коренного населения и старожилов, что порождало дополнительную социальную напряженность, которая проявила себя в годы революции.

Особую актуальность изучение этого периода приобрело после того, как в 2010 г. в России была разработана «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации», а в ее рамках принята «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы». Безусловно, любое изучение исторических событий и явлений нужно начинать с изучения историографии этой проблемы. Данная работа посвящена изучению дореволюционной историографии крестьянского хозяйства Иркутской губернии в годы аграрной реформы П. А. Столыпина.

Обозначенный этап историографии по объективным причинам в большей мере представлен не историческими исследованиями, а статистическими работами и трудами экономистов, живших в то время. Зачастую оценка тех или иных процессов, происходивших в деревне, зависела от политических предпочтений автора.

Официальную точку зрения выразила трехтомная работа «Азиатская Россия». В первом томе рассказывается об аграрной реформе П. А. Столыпина и переселении крестьян в Сибирь [1]. В основном отмечают только положительные аспекты переселенческой политики: рост числа переселенцев, увеличение государственных

кредитов для переселенцев, строительство школ, больниц, ветеринарных учреждений. Из проблем переселения отмечена только одна: возвращение части переселенцев обратно, но не больше 10–15 % от общего числа. Характеризуя крестьянское хозяйство во втором томе, авторы работы дают подробное описание географических, климатических условий Сибири [2]. В «Азиатской России» очень много говорится об успехах сельского хозяйства в Сибири: росте посевных площадей, увеличении вывоза хлеба за границу, расширении агрономической помощи населению, увеличении поголовья скота, лучшей обеспеченности сибирского крестьянина сельскохозяйственными орудиями. Отмечено огромное влияние Транссибирской магистрали, благодаря которой Сибирь стала все больше вовлекаться в мировой торговый оборот.

К официальной историографии также относятся исследования, посвященные роли Транссибирской магистрали, и статистические обзоры, описывающие процесс крестьянского переселения [3; 4]. Эти работы содержат обширную информацию о социальном и экономическом положении в регионе. При этом, как и «Азиатская Россия», работы говорят о достижениях и умалчивают о проблемах.

Либеральное направление историографии главным образом представлено в работах А. А. Кауфмана [5; 6]. В них он рассматривал широкий круг вопросов, связанных с крестьянским хозяйством: землепользование, землеустройство, системы полеводства и животноводства, крестьянское переселение, особенности Сибирской общины. Благодаря использованию обширного статистического материала А. А. Кауфман смог показать действительное положение переселенцев на новом месте, чего не отражали работы официального направления. Он считал, что аграрный кризис происходит не из-за наличия помещичьего землевладения, а из-за низкого агротехнического уровня крестьянских хозяйств.

Относительно Иркутской губернии А. А. Кауфман писал о значительном проценте переселенцев, уехавших обратно [5, с. 307]. Еще в 1906 г. автор обращал внимание на то, что переселенческая политика будет ущемлять интересы старожильского и в большей степени коренного населения Сибири. По его мнению, 15 десятин, оставленных на одно бурятское хозяйство, не позволяли им вести привычное хозяйство [5, с. 219].

Либеральное направление в трудах П. М. Головачева было окрашено областническим оттенком [7; 8]. Автор отрицал наличие общих закономерностей в развитии крестьянского хозяйства Европейской России и Сибири. Решающим фактором, оказывающим влияние на хозяйственную жизнь Сибири, по мнению П. М. Головачева, были природные условия региона. Однако уровень развития сельского хозяйства он считал достаточно слабым, объясняя это низкими агрономическими познаниями населения. Важную роль для развития сибирской экономики сыграло строительство Транссибирской магистрали, которая вывела продукты крестьянских хозяйств на мировой рынок.

Указывая на значительную важность переселенческого вопроса для государства и на то, что правительство старалось все больше упорядочить и облегчить его, П. М. Головачев отмечал сохранение процесса незаконного, самовольного переселения крестьян. Также он подмечал, что между старожилами и новоселами были нередки раздоры из-за земли, что переселенцы все больше и больше стесняли бурят в отношении их пастбищных угодий. Говоря об Иркутской губернии, автор указывал на весьма ограниченный колонизационный фонд ввиду неровности рельефа и большой высоты местности над уровнем моря.

Еще одно направление было представлено работами народников С. П. Швецова [9; 10] и Н. П. Огановского. С. П. Швецов писал, что в степных районах Иркутской губернии свободных земель не осталось и поэтому переселенцев направляют в тайгу. Многие не выдерживали и бежали с таких участков, прожив на них лишь 2–3 года [10, с. 17–18]. Много внимания автор уделил вопросу общины, отмечая ее извечность в Сибири и критикуя правительство за ее разрушение.

Н. П. Огановский в 3 томе работы «Закономерности аграрной эволюции» говорил о том, что переселенческая политика не может разрешить аграрного вопроса в центральной России, т. к. количество переселенцев доходит лишь до четверти естественного прироста сельского населения [11, с. 62]. Относительно переселения крестьян в Иркутскую губернию автор замечает, что постепенно оно увеличивается ввиду исчерпания удобных земель в Западной Сибири и повышенных ссуд. Однако, по мнению автора, переселение в губернию не могло превысить 70–80 тысяч человек [11, с. 173–174]. Крестьянские хозяйства Н. П. Огановский относил к трудовым и считал, что они более производительны, чем крупные капиталистические хозяйства.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Практически все работы дореволюционной историографии уделяют большее внимание переселению крестьян в Сибирь, влиянию на переселение строительства Транссибирской магистрали, природно-климатическим условиям региона. Работы данного периода можно разделить на три направления историографии: официальное, либеральное и народническое. Работы, написанные в официальном тоне, полезны тем, что содержат обширную информацию о социальном и экономическом положении Сибири, в них приведено множество статистических данных. Но при этом авторы данных работ закрывают глаза на проблемные вопросы. Исследователи либерального направления А. А. Кауфман и П. М. Головачев в своих трудах старались показать действительное положение переселенцев. Исследователи отмечали слабую роль Иркутской губернии в переселенческом деле из-за ограниченного колониционного фонда и неблагоприятных природно-климатических условий. Однако даже эти переселенцы ущемляли интересы старожильского и в первую очередь коренного населения Сибири. Народническая историография акцентировала внимание на том, что переселенческая политика в Сибири не может решить аграрного вопроса в центральной России. С. П. Швецов указывал на слабую пригодность Иркутской губернии для переселения, а Н. П. Огановский отмечал, что со временем переселение крестьян в губернию увеличивается, ввиду исчерпания удобных земель в Западной Сибири. В целом же авторы всех направлений историографии указывали на незначительное количество переселенцев, уехавших в Иркутскую губернию в годы Столыпинской реформы.

Литература

1. Азиатская Россия : в 3 т. / под ред. Г. В. Глинки. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб. : Изд-е Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. 710 с.
2. Азиатская Россия : в 3 т. / под ред. Г. В. Глинки. Т. 2. Земля и хозяйство. СПб. : Изд-е Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. 629 с.
3. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. (включительно) / сост. Н. Турчанинов. СПб. : Изд-е Переселенческого управления, 1910. 85 с.
4. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно) / сост. Н. Турчанинов, А. Домрачев. Пг., 1916. 81 с.
5. Кауфман А. А. Община. Переселение. Статистика. М. : Изд-е Г. А. Лемана, Б. Д. Плетнева, 1915. 512 с.
6. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 81 с.
7. Головачев П. М. Сибирь, природа, люди, жизнь. М. : Изд. Ю. И. Базановой, 1902. 300 с.
8. Головачев П. М. Экономическая география Сибири. М. : Т-во И. Д. Сытина, 1914. 183 с.

9. Швецов С. П. Крестьянская община. Схема ее возникновения и развития. СПб. : Книгоиздательство «Библиотечное дело», 1906. 28 с.

10. Швецов С. П. Сибирь, кто в ней живет и как живет: беседы о сибирских «вольных землях» и переселении на них. СПб. : Печатня т-ва «Ш. Буссель. Наследники», 1909. 64 с.

11. Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Т. 3. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. 1. Население. Переселенческий вопрос. Саратов : Электротиполиитография Б. Л. Рабинович, 1914. 335 с.

УДК 379.81(091)

Чудаков О. В.
Chudakov O. V.

**ДОСУГ ГОРОЖАН В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКИХ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ИЮЛЬ 1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 ГГ.)**

**LEISURE OF CITIZENS IN ACTIVITIES OF SIBERIAN CITY GOVERNMENTS
DURING THE FIRST WORLD WAR
(JULY 1914 – FEBRUARY 1917)**

В статье рассматривается деятельность сибирских органов городского самоуправления, направленная на организацию досуга горожан в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). Особое внимание уделяется устройству городскими властями досуговых и культурных учреждений, а также вопросам внешкольного образования.

The article considers the activity of the Siberian bodies of city government in the organization of leisure for citizens during the First World War (July 1914 – February 1917). Special attention is paid to the arrangement of leisure and cultural institutions as well as issues of out-of-school education by the city authorities.

Ключевые слова: городское самоуправление, досуг, внешкольное образование, Первая мировая война, городская политика, Сибирь.

Keywords: city government, leisure, out-of-school education, First World War, city policy, Siberia.

В связи с реформированием политической системы и развитием современной российской государственности в настоящее время актуализировался вопрос, связанный с организацией деятельности органов местного самоуправления, который является частью более общей проблемы взаимодействия центра и регионов. Органы городского самоуправления дореволюционной России являлись одним из наиболее своеобразных институтов существовавшей тогда в стране политической системы. Но в условиях Первой мировой войны представители муниципалитетов с особой остротой почувствовали несоответствие между чрезвычайно возросшими задачами и ограниченными правами городского самоуправления.

Одним из основных направлений в деятельности органов городского самоуправления было формирование досуга городского населения. Горожане, которые столкнулись с проблемами, вызванными обстоятельствами военного времени, тем не менее нуждались в организации досуга. Согласно Городовому положению 1892 г. органы городского самоуправления ведали вопросами внешкольного образования, а также «попечением об устройстве общественных библиотек, музеев, театров и других подобного рода общепользовательных учреждений» [1, с. 434–435]. Несмотря на то, что расходы городских бюджетов были ориентированы на обеспечение военных нужд, городские власти стремились по мере своих финансовых возможностей совместно с общественными организациями решать вопросы досуга городского населения.

В первую очередь органы городского самоуправления пытались организовывать различные просветительные мероприятия (устройство народных домов, профессиональные и общие курсы, кинематограф и др.). Однако расходы на такие нужды были небольшими по сравнению с выделяемыми из городских бюджетов суммами на народное образование.

Как отмечалось на одном из заседаний Курганской городской думы, закрытие пивных и казенных винных лавок благотворно отразилось на сельском и городском населении, так как «у бедных доселе рабочих... появились сбережения» [2, л. 285].

На совещании врачей и представителей врачебно-санитарных организаций земств и городов по вопросу о борьбе с алкоголизмом, которое состоялось в Москве 9–12 мая 1915 г., было признано необходимым создать правовые условия общественной жизни, «при которых возможна широкая самодеятельность трудящихся масс», а также «устройство библиотек, читален, устранение существующих стеснений в области внешкольного образования, реформа школы на основании свободного развития личности ребенка и юноши и его самоопределения» [3, с. 19–20].

В Омске еще до начала войны на заседании городской управы было решено выделить средства на постройку народного дома. Под этим названием подразумевалось такое учреждение, в котором бы сосредоточился ряд культурно-просветительных заведений – библиотека, читальня, аудитория для народных чтений и лекций, народный театр, школы для взрослых, музей и пр. Но так как этот проект в годы войны не был реализован, пустую нишу заполнило общество трезвости, именуемое «Утоли моя печали», которое было учреждено в ознаменование 300-летнего юбилея царствования Дома Романовых и состояло при Омском епархиальном братстве. Деятельность общества трезвости в 1915 г. выражалась в постоянной «проповеди трезвенных идей на обычных братских «ежевоскресных» беседах и чтениях, в сближении между собой трезвенников для более верной и успешной борьбы с пьянством, в раздаче трезвенной листовки литературы, в привлечении народа к общенародному церковному пению и разумному проведению им воскресных досугов на братских беседах и чтениях» [4, с. 74]. Число членов общества достигало 500 человек.

Перед Курганским городским общественным управлением встал вопрос: чем заполнить праздничный досуг народных масс? В связи с отсутствием Народного дома, 29 августа 1914 г. при содействии Тобольской духовной консистории в Кургане состоялся праздник трезвости на площади Троицкого собора [5]. Наиболее рациональное разрешение этого вопроса, указывали гласные, «проявилось бы в строительстве народного дома с читальней, концертным и гимнастическим залами. Но для города, как из соображений финансового, так и условий военного времени, это совершенно невыполнимо» [5, с. 3]. Поэтому городская управа, «признавая вопрос о народном развлечении – вопросом серьезным, в виде полумеры предлагает открыть городской кинематограф, используя для него существующее здание цирка» [6, л. 331]. В Тюмени до марта 1915 г. вообще не было никаких постановлений городской думы о мерах поддержания среди населения «трезвого настроения» и предоставлении ему разумных развлечений [7, л. 8]. В Тобольске построенное городом в целях предоставления обывателям развлечений здание народной аудитории было передано вместе с городской библиотекой попечительству о народной трезвости [7, л. 17].

29 марта 1915 г. на собрании уполномоченных г. Березова был поставлен вопрос об открытии в городе Народного дома, как «культурно-просветительного центра, чтобы могли получить разумные развлечения от своего угнетенного состояния как индивиды, так и вся масса», стоимость которого была определена в 12 тыс. руб. (7 тыс. руб. от Тобольского губернского попечительства о народной трезвости и 5 тыс. руб. от частных пожертвований «как с русского, так и инородческого населения Березовского уезда») [8, л. 2а, 9].

В начале 1915 г. в Красноярске состоялось открытие первого в Восточной Сибири «Дома просвещения», который был сооружен Обществом попечения о начальном образовании. Денежные средства на строительство были предоставлены как частными предпринимателями золотопромышленниками, так и городским самоуправлением. Строительство здания обошлось в 65 тыс. руб. [9]. В Красноярске Совет Общества

попечения о начальном образовании предоставил в городскую управу доклад о необходимости устройства в городе кинематографа для демонстрации картин общеобразовательного характера, библиотек-читален, лекций, спектаклей и проч. [10, с. 24]. Городская училищная комиссия поддержала Совет и предложила оборудовать зал в новой школе, для этих целей и было решено позаимствовать 1 тыс. руб. из средств книжного склада [10, с. 24; 11]. В Бийске на средства купца П. А. Копылова к лету 1916 г. был построен Народный дом, который стал центром общественной, культурной и просветительской жизни города. Здесь постоянно проходили концерты, театральные представления, устраивались общественные чтения и лекции [12, л. 23].

В Чите правление Общества народного дома, не имея собственного помещения, 7 июня 1915 г. приняло решение об открытии библиотеки-читальни, а также было готово рассмотреть вопрос об учреждении систематических научных курсов, устройстве лекций, чтений, муниципальных, драматических и др. кружков [13, с. 25; 14, с. 3]. В Бодайбо с 1914 г. существовало «Общество разумных развлечений», которое ставило своей целью обслуживать культурные потребности населения. 31 января 1916 г. состоялось торжественное открытие Народного дома, при котором впоследствии были организованы читальня, библиотека и кинематограф [14]. В Нижнеудинске вопрос о Народном доме был поставлен еще в середине августа 1916 г. и было решено принимать пожертвования в его пользу [15]. В дальнейшем было образовано первое в городе культурно-просветительное общество «Культура», которое способствовало организации Народного дома. В ноябре 1916 г. состоялось торжественное открытие Народного дома, первого в Иркутской губернии [16].

Библиотечная сеть в сибирских городах была представлена общественными организациями. В 1914 г. в Томской губернии на 8 098 селений было 250 народных библиотек, в том числе 223 при школах, в Тобольской губернии – 172, из них 139 при школах. А состояние библиотечного дела в этих губерниях считалось для того времени лучшим по сравнению с остальными частями Сибири [17, с. 322].

Широкое распространение в городе получили «народные чтения», воскресные школы, различные курсы для взрослых. Большую роль в их организации играли многочисленные общества: общество попечения о народном образовании, Омское благотворительное общество, общество просвещения и др. Не стояли в стороне от этого дела и «отцы города». Городской исполнительный училищной комиссией в 1914 г. был разработан долгосрочный план развития в Омске внешкольного образования, одобренный городской думой (в 1915 г. на реализацию этого плана выделили из городской казны 3 000 руб.) [18, с. 270]. При училищной комиссии образовалось особое совещание по вопросам внешкольного образования, в состав которого вошли представители всех городских просветительских обществ, деятельность которых дума считала «полезной». К числу последних были отнесены: общество просвещения, коммерческий клуб, общество самообразования и физического развития, общество трезвости и др. Главной задачей особого совещания являлась организация народных чтений, небольших районных народных библиотек и книжной торговли [18, с. 271].

В Тобольске, по словам местной прессы, в 1915 г. было открыто общество внешкольного образования, которое ставило своей задачей устройство научно-просветительных учреждений как для взрослых, так и для детей [19, с. 32]. В Минусинске в декабре 1916 г. на заседании комиссии по устройству народных чтений был поднят вопрос об объединении культурно-просветительных работ общественных организаций города в связи с недостаточностью средств на организацию этих мероприятий [20]. При этом город был культурным центром края. В нем были сосредоточены все культурные учреждения: театр, кинематограф, музей, а также издавалась газета «Минусинский край».

Иркутское городское общественное управление первой задачей в области внешкольного образования видело обеспечение взрослого и подросткового неграмотного

населения школьной грамотностью путем устройства сети вечерних школ по программе начальных, а также обеспечение грамотного населения библиотечными учреждениями и организацию цикловых лекций и чтений [21, с. 18]. В частности, в 1914 г. Иркутское общество по устройству народных чтений устраивало бесплатные общедоступные чтения и лекции, постановки спектаклей, вечеров и концертов, которые посетили 21,5 тыс. человек [21, с. 12]. В сентябре 1915 г. городской думой было выделено 4 тыс. руб. на устройство комиссией чтений, выставок, спектаклей, народных гуляний и т. п. [22, л. 56]. Также по инициативе Иркутского Отдела русского географического общества осенью 1914 г. была образована специальная лекционная комиссия, в которую вошли представители почти всех местных просветительных обществ. Перед комиссией была поставлена задача каждое воскресенье устраивать лекции на темы, связанные с войной [23, с. 16]. Параллельно развивалась сеть городских библиотек, которые также должны были способствовать заполнению досуга горожан. В Кургане, например, по состоянию на 1 августа 1914 г. в библиотеке было записано 240 человек [24]. В Иркутске насчитывалось 15 библиотек (при Восточно-Сибирском Отделе Императорского Русского географического общества, Обществе «Просвещение», Обществе приказчиков и др.), из которых только 3 были доступны для всего городского населения: городская публичная и две народные им. А. В. Потаниной (Нагорная и Глазковская) [21, с. 9]. Боготол был беден на культурно-просветительные организации. Единственная библиотека, принадлежащая железной дороге, не имела средств к существованию. К тому же широкие слои горожан не имели возможности пользоваться ею [25]. В Тобольске губернский комитет попечительства о народной трезвости на заседании 4 января 1917 г. принял решение об отпуске 2 тыс. руб. на оборудование здания музея в Тобольске [26, л. 5].

В целях содействия культурному развитию городского населения по инициативе Нижнеудинского городского головы Я. Н. Ходукина, инспектора высшего начального училища Н. А. Исаева и других лиц было образовано общество «Культура». Учрежденное общество должно было открывать и содержать учебные, воспитательные и общекультурные учреждения, как, например, школы различных типов и разрядов, детские сады, приюты, постоянные и временные курсы, библиотеки, читальни, музеи, клубы и т. д., устраивать различные собрания, спектакли, концерты, издавать и распространять периодические издания [27].

Старания со стороны местной власти в деле укрепления трезвости среди населения были поддержаны центральными органами власти. В частности, Министерство финансов в конце 1915 г. отпустило в распоряжение управляющего акцизными сборами Никольского 30 тыс. руб., которые должны быть распределены между различными культурно-просветительными организациями Иркутской губернии и Якутской области [28].

Колыванское городское управление сообщало Томской городской думе, что местное население «по своему образовательному и материальному положению воспользоваться внешкольным образованием и разумными развлечениями лишено возможности» [29, с. 24]. Это было связано, прежде всего, с отсутствием денежных средств для финансирования разного рода внешкольных мероприятий.

Определенный позитивный сдвиг в годы Первой мировой войны в решении городскими самоуправлениями социальных проблем был замечен в сфере общественного призрения. Если в довоенное время в сибирских городах оно ограничивалось работой нескольких богаделен, уплатой за подкидышей и др., то в годы войны на очередь были выдвинуты новые задачи: организация общественных работ, бесплатных столовых, детских приютов, ночлежных домов, бесплатной юридической и медицинской помощи, бюро труда и др. Но по своему характеру они ничем не отличались от подобных заведений частных лиц и благотворительных организаций. Поэтому особенностью деятельности городских самоуправлений в сфере призрения было стремление опереться на средства частной благотворительности и возложить непосредственную работу с населением на

общественные организации, сделав их своими низовыми органами. Это сыграло определенную положительную роль в расширении масштабов благотворительной работы в военный период. Тем не менее нищенство, бездомные дети и никому не нужные старики в городах Сибири, как и повсюду в России, были неотъемлемой частью городской жизни. Одна из газет Новониколаевска писала, что нищенство в городе – «довольно обычное явление» и мер против него почти не принималось. Богадельня, основанная в 1914 г. для престарелых и бесприютных людей и рассчитанная на 20 человек, содержит до 40 человек по преимуществу на средства пожертвователей [30, с. 103]. В Омске городская дума на заседании 3 мая 1916 г. постановила утвердить заключение городской управы по вопросу о необходимости постройки здания для женской богадельни, но осуществление этого проекта в данное время признала несвоевременным [31, л. 6].

Уже летом 1914 г. в Томске Обществом содействия физическому развитию были открыты дневные приюты для детей семей запасных в возрасте от 7 до 12 лет в районах Заозерье, Пески и Заисток [32, с. 28]. В Чите действовал приют для подкидышей, находившийся под опекой церковного братства Кирилла и Мефодия. С начала Первой мировой войны в приюте воспитывались не только подкидыши, но и грудные дети из семей воинов-фронтовиков. В 1916 г. на содержание заведения было израсходовано 10 139 руб. В начале 1917 г. в приюте воспитывался 51 ребенок. Подкидышей из них было 9 [33, с. 173–174].

Кинематограф имел огромное значение в культурной жизни городов. В Красноярске с началом войны группа гласных заявила о необходимости открытия городского кинематографа, т. к. частный кинематограф «преследует исключительно материальные выгоды» и ставит «такие картины, которые действуют на нервы, развивают низменные страсти и часто бывают циничны» [10, с. 56]. При этом группа гласных заявила, что без разницы, каким путем будет открыт городской кинематограф: путем покупки частного или устранением его. В итоге городская дума приняла к сведению эту информацию. В Кургане 5 августа 1915 г. после ремонта старого здания на месте бывшего электротeatра «Лиры» был открыт новый – «Весь мир», который должен был заполнить досуг местных жителей [34, л. 42].

В г. Тайге весной 1916 г. в здании железнодорожной школы была построена сцена для постановки местными любителями спектаклей, которые «посещались публикой очень охотно», т. к. это было единственное место для культурных развлечений. В его деятельности принимал активное участие и дамский кружок [35]. В Каинске, как отмечала местная печать, «не видно каких-либо попыток к общественным начинаниям в области культурного развития и разумным развлечениям, если не считать общественного собрания» [36].

Таким образом, отчасти из-за войны, отчасти в силу стеснения в средствах (главным образом вследствие затруднений с займами) городские власти оказались вынуждены воздержаться от осуществления намеченных ими ранее планов в социально-культурной сфере. Но было бы ошибочно рассматривать период Первой мировой войны как время застоя в деятельности органов городского самоуправления. Города устремили свое внимание преимущественно в сторону обслуживания нужд тыла, и поэтому городское дело выросло в дело большой государственной важности. В связи с этим вопросы, которые всегда являлись повседневными задачами обычной, мирной жизни и по существу несколько не были связаны с войной, приобрели совершенно особый военный колорит и особую, подчас чрезвычайную остроту. И это несмотря на то, что к началу 1917 г. общественность и печать повсеместно отмечали кризис в управлении городским хозяйством, неспособность цензовых гласных, заседавших в городских думах и представлявших крупный капитал, ставить и практически решать вопросы, выдвигавшиеся жизнью.

Развитие досуга было направлено прежде всего на удовлетворение хотя бы минимальных потребностей горожан в проведении свободного времени. Совместная деятельность городских властей с общественными организациями способствовала появлению в сибирских городах новых досуговых и культурных учреждений, которые стремились заполнить свободное время горожан различными мероприятиями просветительного и развлекательного характера. В годы войны во многих городах Сибири, вследствие запрета продажи спиртных напитков, появились общества трезвости, была организована сеть вечерних школ для взрослого населения, городские власти продолжали расширять сеть библиотечных и внешкольных учреждений, организовывать народные дома, а также способствовали появлению в городах кинематографа.

Литература

1. Городовое положение 11 июня 1892 г. со всеми к нему приложениями, узаконениями, касающиеся городских управлений, разъяснения по городским делам по март 1910 г. / сост. А. А. Колычев. СПб. : Тип. Э. Ф. Мекс, 1910. 178 с.
2. Государственный архив Курганской области. Ф. И-9. Курганская городская управа. Оп. 1. Д. 110. Л. 285.
3. Город и нужды края // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 7. С. 7–20.
4. Народное просвещение // Обзор Акмолинской области за 1915 г. Омск, 1916. С. 69–75.
5. Текущие события // Курганское слово. 1914. 29 августа С. 3.
6. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1166.
7. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1258.
8. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-193. Оп. 1. Д. 12.
9. В России // Русское слово. 1915. 31 января. С. 3.
10. Якушев И. А. Сибирское муниципальное обозрение // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1914. № 9–10. С. 22–40.
11. По Сибири // Сибирская жизнь. 1916. 9 ноября. С. 3.
12. Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Ф. 51. Оп. 2. Д. 7.
13. Якушев И. А. Сибирское муниципальное обозрение // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1914. № 7–9. С. 20–46.
14. Текущие события // Сибирская жизнь. 1916. 18 сентября. С. 3.
15. Текущие события // Сибирская жизнь. 1916. 28 августа. С. 4.
16. Текущие события // Сибирская жизнь. 1916. 20 ноября. С. 3.
17. Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. А-Ж. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1929. 546 с.
18. Миненко Н. А., Федоров С. В. Омск в панораме веков. Альбом. История города Омска в документах и фотоматериалах. Омск : ОПСБ, 1999. 352 с.
19. Город и нужды края // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 7. С. 30–44.
20. Текущие события // Сибирская жизнь. 1916. 3 декабря. С. 3.
21. Киржниц А. Д. Внешкольное образование в Иркутске и задачи городского самоуправления // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1916. № 1–2. С. 15–24.
22. Государственный архив Иркутской области. Ф. 70. Оп. 3. Д. 6222.
23. Хроники Сибири // Вестник Омского городского общественного управления. 1914. № 20. С. 10–31.
24. Текущие события // Курганское слово. 1914. 15 августа. С. 3.

25. Текущие события // Сибирская жизнь. 1916. 1 сентября. С. 4.
26. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-193. Оп. 2. Д. 1.
27. Текущие события // Иркутская жизнь. 1916. 4 марта. С. 3.
28. Текущие события // Сибирская мысль. 1916. 18 июня. С. 8.
29. Хроники Сибири // Вестник Омского городского общественного управления. 1915. № 22. С. 18–34.
30. Новосибирск. 100 лет. События. Люди: 1893–1993 / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск : Наука. Сиб. отд., 1993. 472 с.
31. Государственный исторический архив Омской области. Ф. 30. Оп. 1. Д. 31.
32. Якушев И. А. Сибирское муниципальное обозрение // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1914. № 8. С. 15–31.
33. Лобанов В. Старая Чита: документальный рассказ. Чита : Степанов М. А., 2001. 270 с.
34. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-353. Оп. 1. Д. 856.
35. Текущие события // Сибирская жизнь. 1916. 9 августа. С. 3.
36. Текущие события // Сибирская жизнь. 1916. 20 августа. С. 3.

УДК 94(47).084

*Иванов А. С.**Ivanov A. S.***РЕЖИМНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ (1930–1950-Е ГГ.):
БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ¹****SECURED IDENTITY OF THE SPECIAL SETTLERS (1930s–1950s):
BASIC CHARACTERISTICS**

В статье раскрываются ключевые характеристики идентичности спецпереселенцев. Автор приходит к выводу о существовании у репрессированных граждан комплекса представлений о принадлежности к объединенному особым статусом сообществу.

The article reveals the key characteristics of the identity of special settlers. The author concludes that the repressed citizens had a set of ideas about belonging to the specially united community.

Ключевые слова: идентичность, прокурорский надзор, режимное пространство, репрессии, спецпереселенцы.

Keywords: identity, prosecutor's supervision, secured space, repression, special settlers.

Базовыми документами, очертившими режимное пространство спецпоселений и их обитателей, являлись «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев» (от 25 октября 1931 г.) [1, с. 536–541], «Положение о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД» (от 7 февраля 1944 г.) [2, с. 400–403] и Постановление СНК СССР № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» (от 8 января 1945 г.) [3, с. 184], «Положение о спецкомендатурах НКВД» (от 8 января 1945 г.) [2, с. 447–448], которые сохранялись с незначительными изменениями.

Основным ограничением во всех указанных нормативно-правовых актах было лимитирование их свободного перемещения, поэтому основу режимной идентичности необходимо выводить из идентичности территориальной, которую современные специалисты определяют как комплекс представлений о принадлежности к территориальному сообществу; об общих интересах, возникающих в связи с местом проживания; об особой связи с территорией, которая имеет (или может иметь) административные границы, и с функционирующими в пределах данной территории политическими институтами. Территориальная идентичность опирается на культурную память и повседневные связи в прошлом, настоящем и будущем именно между людьми, проживающими на этой территории и воспринимающими образ территории как референтную систему ориентиров для выстраивания своих жизненных стратегий [4, с. 135].

Для выявления основных характеристик режимной идентичности нам необходимо дать характеристику нормативно-правовым актам, определяющим границы режимного пространства. Ключевым отличием «Временного положения» 1931 г. от «Правового постановления СНК» 1945 г. было отсутствие пункта, в котором говорилось о прикреплении спецпереселенцев к конкретному поселку и дому [1, с. 537]: его сменило предписание, запрещавшее покидать «район расселения, обслуживаемый данной

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства ХМАО – Югры в рамках научного проекта № 18-49-860012 p_a.

спецкомендатурой» [3, с. 184]. Чтобы покинуть район поселения, человеку требовалось получить временное «разрешение» на выезд за его пределы от периферийного надзирающего органа. В этом документе указывался срок поездки и пункт, где поселенцу разрешалось находиться [5, с. 202]. По прибытии в пункт назначения спецпоселенцы ставились на учет уполномоченным органом-акцептором по месту временного пребывания, о чем извещалась комендатура-донор. По возвращении к основному месту спецпоселения разрешение на право выезда у депортантов изымалось [5, с. 204].

Система сопротивлялась переходу от «подомового» к «порайонному» (район – компетенция одной комендатуры) закреплению спецпоселенцев. В начале 1950-х гг. при проверке законности действий спецкомендантов прокуратурой Тюменской области было установлено, что они без разрешения уходят из пункта поселения (деревни, села, города) в другие населенные пункты по своим личным делам. Коменданты усматривали в этом нарушение «правового» постановления СНК от 8 января 1945 г. [6, д. 1596, л. 145], которое, однако, воспрещало несанкционированные передвижения «лишь» за пределы «района расселения», обслуживаемого комендатурой [2, с. 447–448]. И. о. начальника отдела по спецделам А. Комочкин подтвердил, что запрет на несанкционированный выезд касается только оставления района поселения [6, д. 1596, л. 146]. От себя заметим, что подобного рода переписка показывает, что прокуроры на местах были очень плохо знакомы с содержанием нормативно-правовых актов, касающихся органов НКВД, МВД, МГБ, поскольку «Положение о спецкомендатурах НКВД» от 8 января 1945 г. указывало среди обязанностей коменданта выдачу «спецпереселенцам разрешений на право временного выезда *за пределы района поселения, обслуживаемого данной комендатурой, без права выезда из района*» [здесь и далее выделено нами. – А. И.] [2, с. 448].

Однако «разъяснения» Москвы не сняли всех вопросов. В январе 1954 г. прокурор Курганской области Д. Панков просил указаний о мерах, применяемых к спецпереселенцам, без разрешения комендантов переезжавших на постоянное место жительства в райцентры. Кроме того, его интересовало, что следует понимать под «районом расселения, административный ли район в целом, обслуживаемый данной комендатурой, или населенный пункт, где расселены спецпоселенцы» [6, д. 3736, л. 61]. Примечательно, что упомянутый А. Комочкин в ответе на первый вопрос однозначно указал на необходимость привлечения самовольно переселившихся поселенцев к уголовной ответственности за побег с места поселения, а от ответа на второй вопрос первоначально попросту уклонился [6, д. 3736, л. 62]. Это вынудило Д. Панкова направить повторный запрос с приложением жалобы спецпереселенца на неправомерные действия коменданта [6, д. 3736, л. 63]. Рассмотрение данного кейса затянулось. Лишь в конце марта и. о. начальника по спецделам дал довольно уклончивый ответ: в данном конкретном случае он не усмотрел оснований для привлечения спецпоселенца М. к ответственности за побег. При этом неправомерность уголовного преследования обосновывалась вынужденным характером перемены места жительства в пределах района (по вине правления колхоза), а не правом на перемещение внутри района поселения [6, д. 3736, л. 64].

На основании приведенных материалов мы можем выделить четыре ключевые характеристики режимного пространства:

1. Ограничения на перемещения «режимных» людей как основа для поддержания режима.
2. Существование режимного пространства на основании подзаконных актов, которые противоречили друг другу.
3. На всем протяжении своего существования пространство было окружено завесой секретности.
4. Пространственная пластичность и изменчивость режимных характеристик во времени.

Описав ключевые характеристики режимного пространства, перейдем к рассмотрению конкретных кейсов, определяющих содержание режимной идентичности. Рассматриваемые случаи были почерпнуты нами из источников личного происхождения (писем и воспоминаний) и периодики тех лет. Указанные материалы раскрывают состояние и содержание идентичности спецпереселенцев Остяко-Вогульска (с 1940 г. – Ханты-Мансийска) изучаемого периода.

Первый документ, на который мы обратим внимание, – заявление спецпереселенца Ярославцева Василия директору Самаровского леспромхоза о разрешении строительства дома в спецпоселке Перековка от 4 марта 1935 г.:

«Писал я заявление спецсектору Л[ес]П[ром]Х[оз]а о *прикреплении меня на место жительства к поселку Перековка*. Сегодня получил ответ на это заявление от Лугвина, чтобы *готовиться к переезду в Урманский (в поселке Урманский нет никого, вся семья здесь)*.

Еще обращаюсь к вам с этим вопросом. Работаю я здесь с мая месяца 1931 года по сие время. Работал на следующих работах: 1,5 года работал счетоводом во время строительства жилых домов ЛПХ, больше года – стройдесятником в ОРС'е, четыре месяца – за заведующего столярной мастерской Ширпотреба. Остальное время – на столярных, стекольных и плотничьих работах.

И, я думаю, что *здесь я могу быть более рационально использован на работах, чем в поселке*, и, проработав здесь, на производстве, почти 4 года, я привык и сжился с этой работой. И мне не хочется уезжать отсюда.

Я не знаю положение дела – нужны ли рабочие здесь леспромхозу или нет, *и будет ли кого из перевезенных семей леспромхоз прикреплять к поселку Перековка*. Если будут *прикреплять, то прошу прикрепить и меня*. Я знаю, что НКВД считает важным сельхозосвоение и прикрепление трудпоселенцев к поселкам. И я еще в сентябре 1934 года подавал заявление коменданту Устинову о разрешении мне строиться на поселке Перековка и ответа не получил.

Жить же в поселке и строить семейную жизнь вдали от производства и работ, к которым я привык, для меня нет смысла, поэтому мне и хочется прикрепиться к Перековке и работать здесь по своей квалификации. В Урманном же я буду выполнять черновые работы.

Прошу вас дать мне ответ на это заявление, *и если я нужен здесь, поставить вопрос о прикреплении меня здесь»* [7, д. 16, л. 7].

Стивен Коткин, анализируя ситуацию в Магнитогорске, рассуждал, как обитатели соцгородов учились «говорить по-большевицки» [8]. В данном источнике мы видим яркий пример языка «режимного» человека, который стремится соответствовать «большевицким» стандартам, принятым в официальном дискурсе. На «режимный» статус просителя и соответствующую самоидентификацию прямо указывает просьба «прикрепить к месту жительства» – «поселку Перековка». Спецпереселенец Ярославцев явным образом утратил правосубъектность, смирившись с навязанным (*принудительным*) статусом. Утрата гражданской правосубъектности указывает на *травматический характер* опыта репрессированных. Исходя из текста письма, мы также можем говорить об *имплицитном характере* режимной идентичности, поскольку В. Ярославцев «забывает» сказать о режимном характере поселения, к которому хочет «прикрепиться». Автор подразумевает, что адресату известно о статусе Перековки, которая входила в сеть спецпоселений Югры [9, с. 284–285].

Следующий источник – заявление спецпереселенца Власова Ивана, переведенного комендатурой из спецпоселка Заречный в поселок Остяко-Вогульск, руководству Самаровского леспромхоза о компенсации за дом от 10 апреля 1935 г.: «В настоящем прошу рассмотреть мое заявление и обратить самое серьезное внимание, так как я *прибыл в Остяко-Вогульск* из Мало-Атлымского производственного участка совместно с семьей

осенью 1934 по случаю переброски комендатуры. У меня был взятый дом в Мало-Атлымском участке в поселке Заречном, участком ЛПХ удержано из зарплаты за дом 397 рублей 97 копеек. *Здесь в поселке Перековка, идет строительство домов, и я в настоящее время строю себе дом, но нет средств, и поэтому я прошу выдать мне тесу на сумму 200 рублей, а остальную сумму деньгами. В случае невыдачи вышеуказанного, строительство вынужден прекратить, но, не доведя до такого случая, прошу дать содействие и результаты сообщить. Прошу не отказать»* [7, д. 16, л. 11].

Имплицитно указывая на свой режимный статус, Иван Власов пишет о «переброске комендатуры», подразумевая перевод спецкомендатуры НКВД из центра Остяко-Вогульска на его северную окраину – Перековку. В данном письме наиболее отчетливо проявляется *многоуровневый характер* идентичности спецпереселенцев. Идентичность автора *многослойна*: с одной стороны, он территориально идентифицирует себя как житель окружной столицы – Остяко-Вогульска, а с другой стороны, в режимном отношении ощущает себя в качестве трудпоселенца перековской спецкомендатуры, прося «ставить вопрос о закреплении» его там. В этом наложении территориально-пространственного и административно-режимного заключается одна из наиболее важных и характерных черт идентификации «режимных» людей.

Написанные в середине 1990-х гг. воспоминания бывшей спецпоселенки Марии Евлампиевны Ивановой дополняют картину:

«На Горном поселке мы прожили до 1937 года. Тут выяснилось, что нас не имели права выселять, и нам разрешили из поселка Горного переехать в поселок Остяко-Вогульск (ныне Ханты-Мансийск) без права выезда из него. ...Жить было негде – дом купить – не на что, и мои старшие братья с отцом построили (вернее вырыли) землянку. Мы в ней прожили 3 года, пока старшие братья не построили на окраине Остяко-Вогульска небольшой домик на две половинки... В Остяко-Вогульске мы были поставлены на учет в комендатуре, куда должны были ежемесячно ходить на отметку о том, что мы нигде не сбегали, что мы еще живы и живем там, где нам разрешили. Это делалось довольно долго. Всю жизнь, во всех анкетах и автобиографиях я должна была писать в графе «происхождение» – дочь кулака?! Как это было несправедливо и горько! С этим званием «дочь кулака» я и на пенсию пошла. Реабилитировали меня только в конце 1993 года.

В Остяко-Вогульске я поступила в 1937 году в педучилище, которое окончила в 1940 году. В нем же я познакомилась со своим будущим мужем, Ивановым Ильей Алексеевичем. Он тоже был выслан с семьей в Сургутский район, ему комендатура разрешила поступить в педучилище в 1936 году. Нас с ним отправили работать в маленькие школы Ларьякского района. Он уехал на работу в 1939 году в село Большой Ларьяк, я – в 1940 году, в Вампугольск (он находится на берегу Оби, напротив Нижневартовска, в то время это тоже деревня была, только побольше Вампугольска)...

Работали без выходных и отпусков (компенсаций за отпуск никто не платил, да мы и не знали и не думали даже, что может быть какая-то компенсация за отпуск или дополнительная плата за этот дополнительный, изнуряющий труд). Мы получали только одну, свою основную зарплату – и все. Мне даже северных не платили, так как я спецпереселенка и считалась местной. Так за все годы, что я проработала в Ханты-Мансийске, у меня не было северных...

И вот, летом 1943 года мы переехали в Ханты-Мансийск. Поселились у моего отца в половинке маленького дома, который мы в 1940 году построили сами... Илюшу устроили на работу сразу, в школу учителем начальных классов, а меня в детсад воспитателем, так как учительских мест не было. Я была согласна на любую работу, лишь быть ближе к хорошим врачам, особенно хирургам. Через 14 дней нашлось место в школе. У нас обоих были первые классы... Я в Ханты-Мансийске проходила в школу на работу в больших

кирзовых сапогах (валенки, хоть и старенькие, у меня украли *при переезде из деревни в Ханты-Мансийск*) да в зеленой стеганой телогрейке» [10, с. 110–115].

Воспоминания М. Е. Ивановой дают нам пример нарратива *спецпереселенца-горожанина*. Мария Евлампиевна полностью идентифицирует себя с городом Ханты-Мансийском, в котором она получила образование, заплатила немалую цену за переезд «из деревни» в Остяко-Вогульск – Ханты-Мансийск (вынужденная работа в детсаду, ограбление при переезде в город). Автор отчетливо осознает границу между деревней и городом, воспринимает нахождение в окружном центре как значительную привилегию, которая дает возможность быть ближе к качественному образованию, медицине и другим благам городской цивилизации. В то же время данный рассказ являет собой еще один пример идентичности, сформированной в рамках режимного пространства. М. Е. Иванова очень тяготеет искусственно встроенным властью в публичный дискурс ярлыком «дочь кулака». Так же как и авторы писем 1930-х гг., бывшая спецпоселенка в начале 1990-х гг., видимо, не осознанно пытается скрыть свой неполноправный статус. Локализуя свое местонахождение, М. Е. Иванова указывает местом проживания «северную окраину Остяко-Вогульска», ни разу не упоминая о Перековке и комендатуре. Рефлексируя над содержанием *коллективной* категории, «спецпереселенец» М. Иванова с горечью вспоминает о лишении ее «северных» по причине принадлежности к категории ссыльных крестьян. И действительно, из ответа Прокурора СССР А. Я. Вышинского (8 апреля 1939 г.) на запрос депутата Верховного Совета РСФСР Болотова о льготах для спецпереселенцев, работающих в отдаленных местностях, мы узнаем, что спецпереселенцы «как не прибывшие на Крайней Север в порядке перевода или найма из других местностей, а также как не прибывшие на Крайний Север по собственной инициативе, льготами не пользуются» [9, с. 41]. В этом документе отчетливо проявляется восприятие категории «спецпереселенец» как категории коллективной. Так ее воспринимали и власти, и представители «правого» населения, и сами ссыльные.

Указанные обстоятельства способствуют формированию устойчивой городской идентичности у спецпереселенцев. С одной стороны, порывая с поселком Перековка, автор тем самым разрывает связи с сельской местностью, а с другой стороны, тот факт, что спецпереселенец получал образование и работал в окружном центре, означал, что у него был пропуск, позволявший преодолевать пределы режимного пространства Перековки и не замечать его вовсе. Подобный тип идентичности представляется нам типичным для феномена, получившего в историографии наименование «режимная урбанизация» [11, с. 174]. Люди, обладавшие режимной идентичностью, и являлись ее ключевыми акторами.

Взгляд со стороны «правового» населения демонстрирует нам репортаж корреспондента П. Солдатова «О танцах» в газете «Сталинская трибуна» от 26 апреля 1941 г.:

«На бойких местах Ханты-Мансийска и Самарово 2-3 раза в неделю появляются афиши извещающие граждан о том, что в клубе *Рыбников*, клубе *Перековки* и *ДНС [Доме Народов Севера]* состоятся танцы.

Такие объявления не могут быть незамеченными, *Хантымансийцы и самаровцы*, которых лишь изредка балуют спектаклями и концертами, обязательно посещают вечера танцев» [12].

Из газетной статьи следует, что корреспондент «Сталинской трибуны» отлично осведомлен о существовании в черте Остяко-Вогульска поселка Перековка, но не выделял жителей Перековки как особую референтную группу. Уже накануне войны П. Солдатов безапелляционно относит обитателей спецпоселка к «Хантымансийцам».

Представители «правового населения» и спецпереселенцы ощущали, идентифицировали себя и территорию своего проживания по-разному. Для спецпереселенцев пространство современного Ханты-Мансийска было разделено на три

части: Перековка, Остяко-Вогульск и Самарово. В то же время для «правового населения» актуальным являлось разделение окружной столицы на Самарово и Остяко-Вогульск и, соответственно, идентификация жителей данного пространства как «самаровцев» и «Хантымансийцев». При этом жители Перековки в правовом пространстве оставались фигурой умолчания.

Особое значение имело закрепление спецпереселенцев за комендатурой, что приводило к формированию особой режимной идентичности. Работая на строительстве окружной столицы (рабочего поселка Остяко-Вогульска), они одновременно были прикреплены к спецпоселку Перековка. Преобразование Ханты-Мансийска в город (1950 г.) имело следствием появление смешанной поселково-городской идентичности, обусловленной режимными барьерами.

В государственной политике по отношению к спецпереселенцам мы видим важное противоречие. Власть стремилась, с одной стороны, «перековать» ссыльных крестьян и других спецпереселенцев, превратить в советских людей – строителей социализма; а с другой стороны, давая возможность строить соцгорода, властные органы и структуры ограничивали возможность их проживания в «крепостях» пролетариата, консервируя тем самым сельское сознание ссыльных, противодействуя «деревнезации» [13, с. 128] и «окулачиванию» городов. Особенно актуальной эта задача являлась в отдаленных местностях и национальных регионах, в которых центры национальной государственности соседствовали с режимными поселениями.

На основании анализа вышеуказанных источников можно выделить следующие базовые характеристики режимной идентичности:

- *коллективность* – структурируясь на индивидуальном уровне, режимная идентичность утверждалась через социальное взаимодействие, формировалась как коллективная идентичность;

- *имплицитность* – стремление носителей данного типа идентичности к ее сокрытию посредством создания «правильных» биографий, табуирования обсуждения репрессий в семье и даже отказа от родителей;

- *принудительность и искусственность (административная обусловленность)* – навязывание статуса спецпереселенца и режима спецпоселения силой административного принуждения;

- *травматичность* – носители идентичности (ссыльные/спецпереселенцы) стремились избавиться от режимного статуса, который обуславливал ее формирование, т. к. он заставлял их чувствовать себя в социальном и правовом плане неполноценными, травмировал их;

- *многослойность (многоуровневость)* – на базовом уровне идентификация спецпереселенцев осуществлялась на уровне осознания принадлежности к общему режимному статусу (мы все «ссыльные»), при этом в различных комбинациях она сочеталась с осознанием принадлежности к режимным (трудпоселенцы/спецпереселенцы – выселенцы и т. д.), социальным (спецпереселенцы – «бывшие кулаки»), этническим (спецпереселенцы – немцы, калмыки и т. д.), пространственно-временным и территориально-режимным группам репрессированных (ссыльные крестьяне; ссыльные 1930-х гг.; украинцы, высланные в годы войны; украинцы, высланные в послевоенные годы; жители «такого-то» трудпоселка; жители сельских поселений; горожане и т. д.).

Литература

1. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 2. М. : РОССПЭН, 2006. 1020 с.
2. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. документов. В 7 т. Т.5. Спецпереселенцы в СССР. М. : РОССПЭН, 2004. 824 с.

3. Ссылка калмыков: как это было : сб. документов и мат-лов. Т. I. Кн. 1. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1993. 264 с.
4. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1. М. : Российская политическая энциклопедия, 2012. 208 с.
5. Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Ссылка калмыков: как это было : сб. документов и мат-лов. Кн. 2. Элиста : Калм. кн. изд-во, 2001. 237 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф 8131. Оп. 32.
7. Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. 58. Оп. 4.
8. Коткин С. Говорить по-большевистски // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара : Самарский университет, 2001. С. 250–328.
9. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. Новосибирск : ЭКОР, 1996. 311 с.
10. Из воспоминаний Ивановой Марии Евлампиевны // Политические репрессии 1930–1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа : сборник документов. Ханты-Мансийск : ГУИПП «Полиграфист», 2002. С. 107–116.
11. Стась И. Н. Историческая урбанистика на Урале: научные школы и основные направления исследований // Вопросы истории. 2017. № 4. С. 168–175.
12. Солдатов П. О танцах // Сталинская трибуна. 26 апреля 1941 г. С. 2.
13. Левин М. Советский век. М. : Европа, 2008. 680 с.

УДК 332.122:338.45(091)(571.1/.5)

Тимошенко А. И.
Timoshenko A. I.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ В 1950–1980-Е ГГ.

INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF SIBERIA IN THE 1950s–1980s

Цель статьи – показать как индустриальное развитие Сибири в 1950–1980-е гг. было связано с ускоряющимся ростом темпов индустрии и движением её во всё более новые районы региона, где в интересах всего народнохозяйственного комплекса СССР осваивались ценные минерально-сырьевые и другие природные ресурсы. На основе исследования сделан вывод, что главным фактором роста сибирской индустрии являлся научно-технический прогресс.

The purpose of the article is to demonstrate how the industrial development of Siberia in the 1950s–1980s was associated with the accelerating growth of the industry and its movement to new areas of the region, where valuable mineral and other natural resources were exploited in the interests of the entire economic complex of the USSR. Based on the study, it is concluded that the main factor in the growth of the Siberian industry was the scientific and technological progress.

Ключевые слова: Сибирь, индустриальное развитие, природные ресурсы.

Keywords: Siberia, industrial development, natural resources.

В послевоенные годы продолжился сдвиг индустрии на восток СССР. В 1947 г. в городе Иркутске состоялась конференция по изучению производительных сил Иркутской области, на которой обсуждался широкий спектр проблем, связанных с комплексным освоением на индустриальной основе гигантского Восточно-Сибирского края. Поднимались вопросы развития не только промышленности, но и транспорта, лесного и сельского хозяйства, градостроительства, социальной сферы. Конференция имела одновременно научное и политическое значение, так как на её трибунах вырабатывались стратегические основы социально-экономического преобразования восточных регионов Сибири, богатых природными ресурсами. Решение Ангаро-Енисейской проблемы оценивалось как новый этап в движении производительных сил СССР в восточном направлении.

Конференция также признала своевременной постановку вопроса о разработке генерального плана развития экономики Восточной Сибири. Участники её также отметили, что в более отдаленной перспективе в пределах территории между Красноярском и Иркутском возможно создание нового «могучего промышленного комплекса на основе гидроэнергии рек Ангары и Енисея с масштабами энергопотребления, как минимум равными тем, которые достигаются современным использованием углей на Урале и в Кузнецком районе, но при эффективности труда в 2-3 раза более высокой» [1, с. 107].

Данные стратегические намерения были подтверждены решениями XIX и XX съездов КПСС, в которых акцент был сделан на развитие в Сибири отраслей энергетики, как гидравлической, так и тепловой, которые позволили бы сформировать в восточных регионах СССР целые комплексы энергоёмких производств. Решения XX съезда КПСС определили конкретные шаги по вводу в действие на Ангаре Иркутской ГЭС мощностью 660 тыс. киловатт; первой очереди Братской ГЭС, полная мощность которой составила 3 млн 200 тыс. киловатт; Новосибирской ГЭС на Оби мощностью 400 тыс. киловатт.

Планировалось также приступить к строительству Красноярской ГЭС на Енисее мощностью 3 млн 200 тыс. киловатт и Каменской ГЭС на Оби мощностью 500 тыс. киловатт [2, с. 443].

В 1956 г. вступила в эксплуатацию Иркутская ГЭС, готовилось к перекрытию русло Ангары в процессе строительства Братской ГЭС, были начаты подготовительные работы к возведению Усть-Илимской и Красноярской ГЭС. Изучение природных и минерально-сырьевых ресурсов Сибири в 1940–1950-е гг. выявили в регионе крупные месторождения угля, железных руд, сырья для алюминиевой промышленности. В 1956 г. на Ангаре открыто крупнейшее в мире Горевское месторождение полиметаллических руд, месторождения магнезитов, фосфоритов, каменной соли, редкоземельных элементов и других полезных ископаемых, что в целом позволяло наметить новые направления решения Ангаро-Енисейской проблемы. Основу проекта по-прежнему составляла гидроэнергетика. С учетом уникальных природных возможностей рек Енисея и Ангары проектировщики, как и в прошлые годы, намечали строительство нескольких гидроэлектростанций по всему течению.

К концу 1950-х гг. более пристально стали рассматриваться возможности строительства в регионе теплоэлектростанций на угле. Наиболее реальным для освоения в ближайшие десятилетия считался Канско-Ачинский угольный бассейн, находившийся в благоприятных природно-климатических и экономико-географических условиях Сибири. Здесь в конце 1950-х гг. было открыто крупнейшее в мире Березовское месторождение каменного угля с толщиной пластов до 70 м. Разведочные работы показали его совершенную уникальность. Неглубокое залегание мощнейших пластов позволяло вести здесь добычу наиболее эффективным открытым способом в больших размерах – до 1 млн т в год. В Канско-Ачинском бассейне к середине 1960-х гг. функционировали только два относительно крупных разреза (Назаровский и Ирша-Бородинский) с перспективой увеличения их мощности в дальнейшем примерно в два раза. Было принято решение о строительстве Назаровской ГРЭС с проектной мощностью в 1,4 млн кВт [3, с. 33–55, 63–66].

В процессе разработки семилетнего плана (1959–1965 гг.) акцент делался на развитие промышленности восточных регионов СССР. Для Сибири намечались высокие темпы разработки месторождений полезных ископаемых, лесных богатств и развитие на этой основе черной и цветной металлургии, химической и лесохимической промышленности, электроэнергетики на базе строительства мощнейших в мире ТЭЦ и ГЭС. В 1950-е гг. в качестве одного из приоритетных направлений развития промышленности Сибири рассматривалось производство черных и цветных металлов с учетом значительного роста производства электроэнергии в регионе. Правительство ставило задачу создания в Сибири третьей металлургической базы страны.

В 1957–1964 гг. в Иркутской области сооружался Коршуновский горно-обогадительный комбинат на ресурсной базе крупных месторождений железной руды в Восточной Сибири. По планам семилетки здесь же намечалось строительство крупного Тайшетского металлургического завода, который так и не был сооружен в силу различных обстоятельств. С пуском в эксплуатацию в 1964 г. Коршуновского ГОКа произведенный им железорудный концентрат стал поступать на Западносибирский металлургический комбинат в Кузбассе. Строительство новых предприятий, связанных с производством черных металлов, наращивание уже существующих мощностей значительно повышали роль Сибирского региона в увеличении индустриального потенциала СССР.

В годы семилетки большое капитальное строительство велось в цветной металлургии. В Ангаро-Енисейском регионе сооружались сразу три крупных завода по выплавке алюминия. 10 февраля 1962 г. первую продукцию выдал Иркутский алюминиевый завод, весной 1964 г. начал действовать Красноярский, который уже в 1965 г. вышел на проектную мощность и выпустил сверх планового задания сотни тонн алюминия высшего качества, сэкономив при этом более 30 млн кВт-часов электроэнергии,

десятки тонн глинозема, криолита и другого сырья. Сибирский алюминий с маркой Братского алюминиевого завода стал поступать в промышленность с июля 1966 г.

В 1950-е гг. центр цветной металлургии СССР неслучайно перемещался в восточном направлении и конкретно в Сибирь. В регионе активно велось энергетическое строительство, и он значительно опережал общесоюзные темпы роста энергетических мощностей. С 1950 по 1960 гг. производство электроэнергии в Сибири возросло с 8,2 до 38,9 млрд кВт/ч, то есть почти в 5 раз, тогда как по стране в целом только в 3 раза. Среднегодовой темп прироста в Сибири в годы пятой пятилетки составил 15,8 %, в шестой – 17,1 %, в то время как по СССР соответственно 13,3 % и 11,3 %. Удельный вес Сибири в государственном производстве электроэнергии только за 1950-е гг. увеличился с 9 до 13 % [4, с. 119].

Дальнейшее развитие получило сибирское машиностроение. В 1950-е гг. многие машиностроительные предприятия в Сибири были реконструированы, вошли в строй новые заводы, такие как Новосибирский турбогенераторный, Красноярский телевизорный, Омский комбайносорочный, Прокопьевский подшипниковый и др. Из года в год в регионе увеличивалось производство турбин, электровозов, котлов. Машиностроители Новосибирска выпустили мощные гидрогенераторы для Иркутской ГЭС и других электростанций. Кемеровский завод «Кузбассэлектромотор» стал крупнейшим в РСФСР поставщиком электромоторов мощностью до 100 кВт. В целом валовая продукция машиностроения Западной Сибири в 1958 г. составила 328 %, а в Восточной Сибири – 303 % к уровню 1950 г. Трёхкратное увеличение за короткий срок важнейшей продукции обрабатывающей промышленности свидетельствовало о заметном повышении её роли в экономике Сибири. Объём производства машиностроительной продукции Кузбасса с 1959 по 1965 г. увеличился в 1,9 раза [5, с. 162].

Ускоренное развитие в регионе получила химическая промышленность. На Барнаульском комбинате химических волокон в 1957 г. введен в действие цех искусственного волокна. В Красноярском крае на основном производстве искусственного шелка в 1959 г. получена высокопрочная шелковая нить, а также налажен выпуск автомобильного корда, капрона, целлофана и т. д. Началось строительство Братского лесопромышленного комплекса по производству целлюлозы, фурфурола и тарного картона, а также Байкальского целлюлозного завода. В 1960 г. закончилось сооружение первой очереди Красноярского целлюлозно-бумажного комбината мощностью 35 тыс. т целлюлозы в год.

Крупнейшим предприятием сибирской химической промышленности в первой половине 1960-х гг. являлся Новокемеровский химкомбинат, на котором производились азотные удобрения, капролактамы, смолы и другие продукты. Азотные удобрения в Кемерово также выпускались на азотно-туковом заводе, производство пластмасс сосредоточивалось на специализированном заводе «Карболит». Шинное производство развивалось на Омском шинном заводе, одном из крупнейших в стране. В 1960 г. вступил в строй Красноярский шинный завод, активно велось строительство Барнаульского шинного комбината. В итоге к 1970 г. основные производственные фонды химической промышленности Сибири выросли в 10,1 раза, а производство продукции – более чем в 5,3 раза [6, с. 39–42].

В 1950–1980-е гг. быстрыми темпами развивались лесная и деревообрабатывающая промышленность, легкая и пищевая отрасли. В результате увеличивались их основные производственные фонды и объёмы произведенной продукции. В целом за десятилетие (1955–1965 гг.) промышленность Сибири увеличила свои основные производственные фонды в 3 раза, а производство валовой продукции – более чем в 2 раза. В промышленном сегменте экономики динамичнее всего развивались электроэнергетика, химическая промышленность и машиностроение.

Вторая половина 1960-х и 1980-е гг. явились периодом ускорения темпов научно-технического прогресса. На промышленных и транспортных предприятиях, в строительстве широко использовались новая техника, более совершенные технологические схемы, внедрялись достижения робототехники, микроэлектроники, информатики. Научно-технический прогресс явился одним из главных факторов индустриального освоения Сибири в этот период, который был связан с крупномасштабным использованием различных природных ресурсов. В Сибирском регионе этой стратегической цели служила реализация крупных социально-экономических программ национального значения: Ангаро-Енисейской, Западно-Сибирской нефтегазовой, Байкало-Амурской, которые охватывали своим воздействием практически всю Азиатскую часть Российской Федерации.

Возрастание роли Сибири в народнохозяйственном комплексе страны происходило благодаря крупным капитальным вложениям в развитие экономики региона, которые требовались в условиях качественного преобразования производительных сил на новой технической и технологической основе. Сибирская индустрия в этот период развивалась за счет экстенсивных факторов и своих значительных природных возможностей, а также за счет нарастающих темпов интенсификации производства.

Комплексная механизация и автоматизация производственных процессов в промышленности Сибири внедрялись как при реконструкции и модернизации промышленных предприятий, так и при техническом оснащении вновь построенных заводов и фабрик. Примером практически полной механизации и автоматизации производства среди горнорудных предприятий Сибири в 1960–1970-е гг. может служить Коршуновский горно-обогатительный комбинат (КГОК), на котором производительность труда была самой высокой в отрасли. Она достигала почти 80 т горной массы на одного рабочего за смену. При этом руда добывалась открытым способом с использованием высокопроизводительных горных машин и доставлялась на фабрику в мощных думпкарах локомотивами специального горнопромышленного назначения.

При проектировании и строительстве обогатительной фабрики специалисты учли местные природные условия. Производственные объекты расположили на склоне горы в ступенчатом порядке. Железная руда проходила все стадии обогащения, поступая из одного отделения в другое под тяжестью собственного веса. При изготовлении железнорудного концентрата использовалась технология так называемого мокрого электромагнитного обогащения, осуществляемого с помощью автоматики и телемеханики. Ручной труд при этом полностью исключался. Коршуновский обогатительный комбинат ежегодно перерабатывал 12 млн т руды и производил до 5 млн т концентрата для металлургических заводов Сибири [7, с. 161].

Росла механизация открытых разработок угольных месторождений. Среди предприятий такого типа в Сибири выделялись разрезы Канско-Ачинского бассейна. Здесь в связи с формированием масштабного топливно-энергетического комплекса в 1980-е гг. проводилась большая работа по техническому перевооружению угледобывающих предприятий. На разрезах бассейна отрабатывались высокопроизводительные технологические схемы с помощью уникальных образцов горных машин: мощных роторных экскаваторов с высокой степенью концентрации добычных работ на одну единицу техники. Вскрышные работы осуществлялись драглайнами с размером ковша в сто кубометров.

На переднем крае научно-технического прогресса всегда находились предприятия военно-оборонного комплекса СССР. В Сибири в послевоенные годы наибольшее развитие получили производства, связанные с атомной промышленностью и ракетно-ядерными вооружениями, которые изначально создавались на основе самых современных научных и технических достижений. С 1960 г. и до конца советского периода в стране разработано несколько поколений газовых центрифуг при окружной скорости 400–500 м в

секунду, которые могли работать без ремонта не менее 15 лет и увеличивать производительность по обогащению урана примерно в четыре раза.

Даже на людей, знакомых с оборонными секретами, это производило впечатление. Например, министр атомной энергетики РСФСР В. Н. Михайлов, который посетил завод в Сибири, работавший на основе технологии газовых центрифуг, рассказывал, что «технология получения плутония, обработка этого очень токсичного материала делается в закрытых камерах. Недопустимо даже малейшее отклонение в технологии. На заводе по обогащению урана меня поразила чистота и порядок, и тишина! Никакого шума. А ведь в цехах стоят сотни тысяч центрифуг, и все они работают. Первое впечатление, что цех не действует. Но стоит положить руку на центрифугу, и ты чувствуешь её биение. Разве это не поражает!» [8, с. 113].

Таким образом, мы можем сказать, что индустриальное развитие Сибири вносило весомый вклад в экономику не только региона, но и всей страны. В послевоенные годы в регионе строилось много предприятий, но главными являлись, на наш взгляд, те, что были связаны с энергетикой, черной и цветной металлургией, химической и лесохимической промышленностью. Необходимо отметить и значимую роль оборонной промышленности, которая располагалась в центре Сибири и была практически недосягаемой для иностранных разведок.

Литература

1. Материалы конференции по изучению производительных сил Иркутской области (4–11 августа 1947 г.). М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1947. 341 с.
2. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза : стенографический отчет. М. : Политиздат, 1956. 441 с.
3. Тимошенко А. И. Рождение гиганта. КАТЭК: настоящее и будущее. Красноярск : Красноярское книжное издательство. 1988. 135 с.
4. Алексеев В. В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. 2. 1951–1970 гг. Новосибирск : Наука, 1976. 272 с.
5. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма / В. В. Алексеев [и др.]. Новосибирск : Наука, 1984. 375 с.
6. Савицкий И. М. Промышленные кадры послевоенной Сибири. Новосибирск : Наука, 1984. 239 с.
7. Комогорцев И. И. Промышленность и рабочий класс в период строительства коммунизма. Новосибирск : Наука, 1971. 310 с.
8. Савицкий И. М. Вклад оборонной промышленности Сибири в создание ракетно-ядерного щита СССР в годы холодной войны. 1946–1965. Новосибирск : Сибирское книжное издательство, 2011. 352 с.

УДК 658:69(091)(571.122)

Попок В. А.

Ropok V. A.

ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ПРЕДПРИЯТИЙ-ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ТРЕСТА «СУРГУТГАЗСТРОЙ»

FORMATION OF ENTERPRISES-DIVISIONS STRUCTURE OF THE TRUST “SURGUTGAZSTROY”

В статье рассматривается процесс формирования структуры предприятий-подразделений строительного треста «Сургутгазстрой» в 1965–1992 гг. Трест являлся одним из основных застройщиков города Сургута.

The article considers the formation process of the enterprises-divisions structure of the construction trust “Surgutgazstroy” in 1965–1992. The trust was one of the main developers of the city of Surgut.

Ключевые слова: строительное управление, строительномонтажный участок, нефтеразведочная экспедиция, нефтепромысловое управление, материально-техническое снабжение, управление производственно-технологической комплектацией.

Keywords: construction department, construction and installation site, oil exploration expedition, oilfield division, logistics, production and processing equipment division.

Нефть за Уралом искали еще в XIX веке, однако только в 30-е годы XX столетия в советской России заговорили о необходимости разведочных работ на этой территории. В 60-е годы информация об обширных запасах была подтверждена и начался бурный процесс развития региона [1, с. 12]. Основным застройщиком промышленных и социальных объектов в регионе выступал трест «Сургутгазстрой», созданный 12 февраля 1966 г. приказом № 159 Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР в г. Сургуте Тюменской области в составе Главтюменнефтегазстроя [2, с. 32]. Главной задачей и основной деятельностью треста изначально являлось обустройство нефтяных и газовых месторождений Среднего Приобья [3, с. 104].

В целях оптимизации темпов застройки трест «Сургутгазстрой» в начале своей деятельности произвел разделение на специализированные строительные управления (СУ), для каждого из которых были определены функции и структура работ. В ходе развития треста строительные управления видоизменялись: менялась их структура и функции. Каждое строительное управление имело свое административное здание, в котором был размещен штат сотрудников, а также гаражи с необходимой техникой. Цель исследования – выявить, как видоизменялась структура треста в течение всего времени деятельности.

Структура предприятий на начальном этапе становления треста отражена в таблице 1. Строительные управления делились на подразделения. Так, СУ-8 имело в своем составе три участка. Строительно-монтажный участок № 1 осуществлял строительство пионерной базы, Сургутской нефтеразведочной экспедиции (НРЭ), Сургутского техучастка, радиостанции и жилых домов в пос. За Саймой. Строительно-монтажный участок № 2 вел строительство объектов нефтепромыслового управления (НПУ) – «Сургутнефти», промыслово-геофизической конторы, «Тюменнефтегазразведки», объектов нефтегазовой промышленности на ДОКе, цеха арболитовых панелей. Участок № 3 представлял собой подсобно-вспомогательное производство, имел в своем составе

лесопильный цех на 2 пилорамы, столярный цех с механическим отделением, дизельную электростанцию и арболитовый цех. Участок № 3 производил продукцию для подразделений треста «Сургутгазстрой» [5, л. 445].

Таблица 1

Структура предприятий-подразделений треста «Сургутгазстрой» на 1 апреля 1966 г.
[4, л. 2; 2, л. 445]

Название организации	Место расположения	Функции СУ
СУ-8	поселок За Саймой, ул. Строителей	Строительство объектов жилья и соцкультбыта в черте города Сургута
СУ-9	г. Сургут	Строительство объектов жилья и соцкультбыта в черте города Сургута
СУ-10	пос. Нефтеюганск	Строительство объектов жилья и соцкультбыта в черте пос. Нефтеюганска
СУ-11	пос. Нефтеюганск; Центральный парк (12 км от Нефтеюганска); пос. Мушкино (62 км от Нефтеюганска)	Промышленное строительство в пос. Нефтеюганске; обустройство Усть-Балыкского и Юганского нефтяных месторождений

СУ-10, расположенное в пос. Нефтеюганске, на момент основания в своем составе имело три общестроительных участка; один ремонтно-строительный участок; отдел подсобных предприятий, включающий в себя растворно-бетонный завод, столярный и лесопильный цеха; отдел главного механика, включающий в себя мехмастерскую и кузнечный цех, работающие на собственные нужды. Кроме того, в составе управления находились база комплектации, погрузочно-разгрузочный участок со штатом рабочих в девяносто человек и жилищно-коммунальная контора, которая в 1967 г. была выведена в отдельную структуру [6, л. 335].

На балансе СУ-11 числились 5 строительных участков, три из которых располагались в черте поселка Нефтеюганска, а еще два – в отдалении. Участок № 3 базировался в Центральном парке Усть-Балыкского месторождения, в 12 километрах от пос. Нефтеюганска. Участок № 4 располагался в пос. Мушкино, в 62 километрах от Нефтеюганска. Также на балансе управления содержались растворобетонный узел на 2 бетономешалки и лесопильный цех с установленной пилорамой Г-65 [5, л. 445].

Материально-техническим снабжением (МТС) в системе Главтюменнефтегазстрой занималось управление МТС Главка, однако обеспечением отдаленных регионов, таких как Нефтеюганск, занималась контора материально-технического снабжения (КМТС), что приводило на начальном этапе к путанице и перебоям в доставке строительных материалов. Эта система показала свою неэффективность в первый же год деятельности треста «Сургутгазстрой», в чьем ведомстве находились строительные управления, расположенные в Нефтеюганске. Трест выдвинул предложение о передаче всех материальных фондов МТС Главка, что позволило бы сделать организацию обеспечения более эффективной [6, л. 367]. Предложение было принято в 1967 г.

В 1967 г. в работе и структуре треста произошли небольшие изменения. В последние месяцы началась реорганизация и выделение из системы СУ-9 структурных подразделений системы Мингазпрома. На базе строительного управления выделились с собственными программами, личным составом и материальными ресурсами подразделения, самостоятельно выполняющие хозяйственные задачи: СУ-8 и СУ-16 «Спецгазстрой» [6, л. 192].

Начиная с плана второго квартала, все промышленное строительство было передано СУ-8; СУ-9 была установлена специализация по строительству жилья, социально-бытовых и коммунальных объектов. Во внутренней структуре СУ-8 также произошли некоторые изменения: был создан третий участок строительных работ по возведению объектов

Мингазстроя за Саймой и создан участок отделочных работ [6, л. 193]. С баланса СУ-9 была выделена и перешла в непосредственное подчинение тресту «Сургутгазстрой» жилищно-коммунальная контора. Пилорама и столярный цех были выделены из системы СУ-9. Состоялось также разделение СУ-10 на самостоятельные строительно-специализированные организации. Из состава Управления выделились СУ-11 и СУ-17, до конца 1967 г. оставшиеся на прежнем материально-техническом обеспечении [6, л. 393].

Из обслуживающих хозяйств в 1966 г. на балансе СУ-9 находился отдел технического снабжения с участком погрузочно-разгрузочных работ, который производил прием и транспортировку всех поступающих в навигацию грузов, прибывающих в адрес треста «Сургутгазстрой». Наличие в хозяйстве СУ-9 этого участка мешало нормальной работе управления, так как отвлекало от решения основных задач как внимание всего руководящего аппарата, так и людские резервы. В силу этих причин, начиная с января 1967 г. данный участок было решено отдать в систему КМТС треста «Сургутгазстрой», что значительно облегчило работу СУ-9 и освободило его от не присущей строительной организации деятельности [6, л. 193].

К концу 1967 года при тресте был организован комбинат производственных предприятий (КПП) [7, л. 92].

В составе этого комбината были:

- 1) деревообрабатывающее предприятие (с цехами лесопиления и лесобиржи);
- 2) столярный цех с сушилкой;
- 3) цех строганых погонажных изделий;
- 4) цех арболитовых панелей;
- 5) завод сборных железобетонных конструкций и бетонных изделий (в нем цех керамзита, цех сборного железобетона и цех бетонных изделий).

СУ-10 и СУ-11 в том же году перешли под контроль «Нефтеюганскгазстроя», ввиду трудностей по осуществлению контроля над ними в «Сургутгазстрое», связанных со значительной удаленностью от головной организации.

В 1967 г. на основании приказов Министерства газовой промышленности от 9 декабря 1966 года № 185 и Главтюменнефтегазстроя от 28 апреля 1967 года № 97-а было решено организовать в составе треста «Сургутгазстрой» СУ-22 на базе строительных участков № 3, № 4 и СУ-9. СУ-22 было поручено выполнение отделочных работ на объектах жилищного и культурно-бытового строительства, а также общестроительных работ на объектах Мингазпрома в поселке Строителей. Вновь созданное управление приняло от реорганизованных участков основные средства, материальные ценности, документацию, инструменты и людские силы, а также объекты незавершенного строительства [8, л. 180]. Специализированное управление должно было стать исполнителем всей номенклатуры отделочных и специализированных работ, однако в первые годы им выполнялись только общестроительные работы и строительство объектов культурно-бытового назначения. В результате СУ-22 регулярно срывало установленные сроки, а СУ-8 и СУ-9 продолжали выполнять отделочные работы. Такая ситуация стала следствием неграмотной передачи объектов строительными управлениями № 8 и № 9. Возникшая путаница тормозила выполнение запланированного трестом объема работ вплоть до 1969 года [9, л. 193].

Постоянно растущий объем строительных работ и, соответственно, увеличение поставок строительных материалов потребовали выделения процесса материально-технического обеспечения треста в отдельное звено. На основании приказа Мингазпрома № 96 от 22 марта 1968 г. было создано Управление производственно-технологической комплектации треста (УПТК). Основными задачами УПТК являлись обеспечение объектов треста стройматериалами в соответствии с темпом и технологической последовательностью строительно-монтажных работ, а также своевременная и полная реализация выделенных тресту материальных ресурсов [10, л. 14].

Стремительное развитие районов нового промышленного освоения резко обострило проблему привлечения трудовых ресурсов в регион и их закрепления. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» от 11 сентября 1969 года указывало на необходимость создания капитальных, комфортных, обустроенных городов для проживания нефтяников на месте прежних деревянных и балочных вахтовых поселков [11, л. 168]. В соответствии с потребностью, трест «Сургутгазстрой» постепенно был переориентирован на строительство объектов городской инфраструктуры. С этой целью в 1968 г. на основании приказов Министерства газовой промышленности от 16 декабря 1967 года № 591 и Главтюменнефтегазстроя от 8 января 1968 года № 2 было решено организовать в составе треста «Сургутгазстрой» СУ-28, которое было сформировано на базе свабойного и строительного (№ 4) участков, принадлежавших СУ-8, а так же монтажного участка СУ-22. Задачей СУ-28 стало выполнение работ по Генподряду в городе Сургуте [12, л. 226].

С 1971 г. выделилось СУ-14, специализирующееся на производстве промышленных объектов [13, л. 64], а с апреля 1973 г. – СУ-15, занимающееся строительством инженерных сетей, магистральных улиц и благоустройством объектов [14, л. 83]. В начале своей деятельности вновь образованные управления имели массу организационных трудностей, однако план по подрядной работе выполняли. Интенсивное строительство и эксплуатация производственных, жилищных и культурно-бытовых объектов резко увеличили потребность города в очистных сооружениях для очистки канализационных сточных вод. Исходя из вышеизложенного и учитывая перспективу развития города, в целях мобилизации коллективов на выполнение поставленных задач по строительству в мае 1974 г. было организовано СУ-46 [15, л. 15], специализирующееся на строительстве объектов по инженерному обеспечению города и канализационных очистных сооружений. По своей структуре управление было разделено на 3 участка: № 1 вел работы по строительству хлебозавода и мясозавода, № 2 – по строительству базы МТС, автопрофилактория, инкубационного цеха рыбокомбината, № 3 – по строительству Сургутского Восточного промузла, водоснабжения и канализации [16, л. 169]. С 1974 г. было организовано СУ-50, осуществлявшее отделочные работы на объектах, строящихся трестом «Сургутгазстрой» [16, л. 197], а СУ-8 было разукомплектовано по другим строительным управлениям [16, л. 232]. Еще одним изменением структуры стало расформирование СУ-22 в 1973 г. [17, л. 183].

Таким образом, после всех преобразований, к концу первого этапа деятельности треста, его структура выглядела следующим образом (табл. 2):

Таблица 2

Структура предприятий-подразделений треста «Сургутгазстрой» на 1 января 1976 г.
[18, л. 2]

Название организации	Место расположения	Функции СУ
СУ-9	г. Сургут	Строительство объектов жилья и соцкультбыта в черте города Сургута
СУ-14	поселок Локосово	Строительство промышленных объектов, жилых и соцкультбытовых объектов в пос. Локосово и в радиусе 140 км от поселка
СУ-15	г. Сургут	Строительство инженерных сетей, магистральных улиц и благоустройство объектов в г. Сургуте, пос. Локосово и пос. Федоровском
СУ-28	г. Сургут	Строительство промышленных объектов в черте города Сургута
СУ-46	г. Сургут	Строительство объектов по инженерному обеспечению города и канализационных очистных сооружений

Продолжение таблицы 2

Название организации	Место расположения	Функции СУ
СУ-50	г. Сургут	Отделочные работы на объектах, строящихся трестом «Сургутгазстрой»
КПП	г. Сургут, пос. Локосово, пос. Советский	Производство строительных материалов на нужды треста «Сургутгазстрой»
УПТК	г. Сургут	Комплектация объектов треста стройматериалами в соответствии с темпом и технологической последовательностью строительно-монтажных работ, своевременная и полная реализация выделенных тресту материальных ресурсов

В 1976 г. СУ-28 было реорганизовано за ненадобностью, ресурсы распределены между другими строительными управлениями треста [19, л. 12]. А с 1978 г. организовано СУ-42, занимающееся строительством объектов «Миннефтегазстрой» и объектов собственного жилья. Больше на протяжении второго этапа никаких преобразований нами не отмечено. Структура треста к началу третьего этапа выглядела следующим образом (табл. 3):

Таблица 3

Структура предприятий-подразделений треста «Сургутгазстрой» на 1 января 1983 г. [20, л. 32]

Название организации	Место расположения	Функции СУ
СУ-9	г. Сургут	Строительство объектов жилья и соцкультбыта в черте города Сургута
СУ-14	поселок Локосово	Строительство промышленных объектов, жилых и соцкультбытовых объектов в пос. Локосово и в радиусе 140 км от поселка
СУ-15	г. Сургут	Строительство инженерных сетей, магистральных улиц и благоустройство объектов в г. Сургуте, пос. Локосово и пос. Федоровском.
СУ-42	поселок Барсово	Строительство объектов «Миннефтегазстрой» и объектов собственного жилья в черте г. Сургута и пос. Барсово
СУ-46	г. Сургут	Строительство промышленных объектов в черте города Сургута
СУ-50	г. Сургут	Отделочные работы на объектах, строящихся трестом «Сургутгазстрой»
КПП	г. Сургут, пос. Локосово, пос. Советский	Производство строительных материалов на нужды треста «Сургутгазстрой»
УПТК	г. Сургут	Комплектация объектов треста стройматериалами в соответствии с темпом и технологической последовательностью строительно-монтажных работ, своевременная и полная реализация выделенных тресту материальных ресурсов

Приказом Главка от 2 февраля 1987 г. № 39 тресту было передано СУ-83 треста «Лянторнефтепромстрой», которое занималось строительством объектов обустройства Лянторского месторождения. В том же году было расформировано по другим подразделениям СУ-46 [21, л. 1]. Итак, к концу третьего этапа структура треста имела следующий вид (табл. 4):

Таблица 4

Структура предприятий-подразделений треста «Сургутгазстрой» на 1 января 1992 г.
[22, л. 2]

Название организации	Место расположения	Функции СУ
СУ-9	г. Сургут	Строительство объектов жилья и соцкультбыта в черте города Сургута
СУ-14	поселок Локосово	Строительство промышленных объектов, жилых и соцкультбытовых объектов в пос. Локосово и в радиусе 140 км от поселка
СУ-15	г. Сургут	Строительство инженерных сетей, магистральных улиц и благоустройство объектов в г. Сургуте, пос. Локосово и пос. Федоровском
СУ-42	поселок Барсово	Строительство объектов «Миннефтегазстрой» и объектов собственного жилья в черте г. Сургута и пос. Барсово
СУ-50	г. Сургут	Отделочные работы на объектах, строящихся трестом «Сургутгазстрой»
СУ-83	г. Лянтор	Строительство объектов обустройства Лянторского месторождения
КПП	г. Сургут, пос. Локосово, пос. Советский	Производство строительных материалов на нужды треста «Сургутгазстрой»
УПТК	г. Сургут	Комплектация объектов треста стройматериалами в соответствии с темпом и технологической последовательностью строительно-монтажных работ, своевременная и полная реализация выделенных тресту материальных ресурсов

Таким образом, было выявлено, как менялась структура предприятий-подразделений треста и зачем создавалось каждое из строительных управлений. Мы можем сделать вывод, что окончательную структуру строительных управлений «Сургутгазстрой» выделил только к 1987 г., на протяжении всей деятельности меняя их вид и функции. Это связано с изменениями в темпах застройки, постепенным расширением географии деятельности треста и поступлением новых задач, для реализации которых необходимо было видоизменять структуру подразделений и их специализацию, то укрупняя, то уменьшая сами управления. А некоторые строительные управления попросту выполняли поставленную пред ними задачу и расформировывались за ненадобностью.

Литература

1. Стась И. Н. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е – начало 1990-х гг.). Сургут : Дефис, 2016. 258 с.
2. Стась И. Н. Рождение нефтяных городов Ханты-Мансийского округа в период нефтегазового освоения Тюменской области // Архитектура и строительство России. 2013. № 6. С. 31–40.
3. Прищепа А. И. Возрождение Сургута : вторая половина XX века. Сургут : Дефис, 2015. 238 с.
4. Архивный отдел Администрации г. Сургута (далее АОАГС). Ф. 72. Оп. 1. Д. 2.
5. АОАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5.
6. АОАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 4.
7. АОАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 9.
8. АОАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 8.

9. АОАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 17.
10. АОАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 323.
11. Государственный архив Тюменской области. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 901.
12. АОАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 12.
13. АОАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 46.
14. АОАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 102.
15. АОАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 159.
16. АОАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 119.
17. АОАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 99.
18. АОАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 140.
19. АОАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 200.
20. АОАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 391.
21. АОАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 394.
22. АОАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 411.

УДК658:625.7/.8(091)(571.1)

Веселов С. И.
Veselov S. I.

ТЕХНИЧЕСКОЕ ОСНАЩЕНИЕ АВТОДОРОЖНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1960–1970-Е ГГ.

TECHNICAL EQUIPMENT OF ROAD ENTERPRISES IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA IN THE 1960s–1970s

В статье анализируется развитие технического оснащения автодорожных трестов в период нефтегазового освоения Западной Сибири. В центре изучения находятся проблемы формирования парка дорожно-строительных машин и автомобилей в строительномонтажных организациях, а также их техническое усовершенствование в процессе эксплуатации.

The article analyzes the development of technical equipment for road trusts in the period of oil and gas development in Western Siberia. In the center of the study are the problems of formation of the park of road machinery and cars in construction and installation organizations, as well as their technical improvement in the process of operation.

Ключевые слова: техническое оснащение, автодорожное строительство, запасные части, дорожно-строительные машины, грузовые автомобили, снабжение, дорожная конструкция.

Keywords: technical equipment, road construction, spare parts, road machinery, goods vehicles, logistics, road structure.

Открытие крупных нефтегазовых месторождений на севере Западной Сибири и последующее становление крупного территориально-производственного комплекса явились мощным катализатором развития автодорожной отрасли. Её дальнейшее формирование было тесно связано с уровнем технического оснащения автодорожных трестов, осуществлявших строительство транспортных коммуникаций. От состояния обеспечения предприятий дорожно-строительными машинами и грузовыми автомобилями высокой проходимости зависели темпы транспортного освоения нефтегазоносных районов Западной Сибири. В условиях повсеместной заболоченности и обводненности территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов была необходима специальная дорожно-строительная техника и грузовые автомобили болотной модификации.

Постановление Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г. № 1208 «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области» направило на строительство автодорожных коммуникаций предприятия Государственного комитета по транспортному строительству СССР и поставило цель построить не менее 400 км внутривысоководных автодорог. Техническое оснащение строительномонтажных организаций осуществлялось по линии Госплана СССР, Совета народного хозяйства СССР и Совета Министров РСФСР.

В феврале 1965 г. предприятия Минтрансстроя СССР (Гострансстрой был преобразован в министерство) начали строительство автодорог на севере Западной Сибири. Первые результаты производственной деятельности строительных управлений треста «Тюменьдорстрой» показали, что для эффективной работы по освоению нефтегазовых месторождений были необходимы машины болотной модификации: бульдозеры, экскаваторы и тракторы на уширенных гусеницах, а также самосвалы на

арочных шинах повышенной проходимости. Кроме того, для местных условий объем выторфовывания болот исчислялся десятками тысяч кубометров, что обуславливало потребность в экскаваторах большой производительности с ковшом емкостью более 1 м³ грунта. Однако большинство имевшихся машин не удовлетворяли потребности дорожных строителей [1, с. 10].

В строительных подразделениях треста «Тюменьдорстрой» прослеживался усиленный расход бензина из-за тяжелых условий эксплуатации автомобилей в карьерах по свеженасыпанным грунтам. Сильное похолодание принуждало водителей не глушить автомашины (иногда круглые сутки), так как строительные управления треста не имели гаражей для стоянки техники. Эти особенности эксплуатации приводили к повышенному износу строительной техники в северных районах Западной Сибири. По этой причине дорожно-строительные машины треста выходили из строя раньше срока их плановой эксплуатации. Для своевременного ремонта требовались интенсивные поставки запасных частей [2, л. 92].

Во второй пол. 1960-х гг. трест «Тюменьдорстрой» неоднократно обращался в Минтрансстрой СССР в связи с проблемами обеспечения запчастями Тюменским отделением «Сельхозтехника» и объединением «Строймехзапчасть». Однако эта проблема оставалась нерешенной [2, л. 91]. К примеру, в 1967 г. трест нуждался в тракторных запчастях на 150 тыс. руб., а было получено от «Строймехзапчасть» всего на 30 тыс. руб. Особенно тяжелое положение сложилось в отношении машин иностранного производства. В частности, на польский экскаватор КМ-602 отсутствовали импортные запчасти [3, л. 112].

Расширение транспортного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири и создание новых подразделений приводили к росту количества дорожно-строительной техники. Из таблицы видно, что по сравнению с 1966 г. общее количество дорожно-строительных машин в тресте «Тюменьдорстрой» к 1968 г. возросло почти в 2,3 раза, автомобилей различной модификации – в 1,1 раза. В 1970 г. количество дорожно-строительных машин в тресте возросло в 2,6 раза; автомобилей различной модификации – в 1,6 раза. Таким образом, это свидетельствовало о повышении комплексной механизации строительно-монтажных работ (СМР) и снижении количества технологических процессов, выполняемых вручную управлениями треста.

Таблица

Рост количества автомобильного транспорта и дорожно-строительной техники в тресте «Тюменьдорстрой» в 1966–1970 гг.

Год	1966	1967	1968	1969	1970
Автомобили, в шт.	245	266	289	360	393
Дорожно-строительные машины, в шт.	95	130	224	237	251

Вместе с тем дорожные строители не выполняли директивные нормы выработки по экскаваторной и бульдозерной технике. Медленно осуществлялся перевод дорожно-строительных машин на двухсменную работу. В 1968 г. из 21 экскаватора на две смены работало 11 экскаваторов (52,4 %), из 24 бульдозеров – 14 (58,3 %) [4, л. 108].

Интенсивная деятельность в транспортном освоении нефтегазовых месторождений во многом зависела от своевременного проведения ремонтно-профилактических мероприятий в подразделениях автодорожного треста. В конце 1960-х гг. не улучшилось положение с обеспечением запчастями к автомобилям ЗИЛ-130. Например, в 1969 г. трест

«Тюменьдорстрой» закупил запчастей на 15 тыс. руб. при ежегодной потребности в запчастях на 95 тыс. руб. Затруднение вызывало отсутствие в хозяйствах треста оборудованных производственных помещений, особенно станочного и гаражного оборудования и центральной мастерской, что принуждало дорожных строителей выполнять ремонт автомобилей кустарными методами [5, л. 90].

Несвоевременное поступление запчастей приводило к простоям автомобилей в ремонте. Руководителям автобаз треста «Тюменьдорстрой» приходилось разрешать механикам снимать необходимые детали и узлы с автомобилей, ещё подлежащих восстановлению. Назначенный в 1969 г. начальником сургутской АБ-92 А. Г. Лоц вспоминал, что из 154 единиц автотранспорта, которые состояли на балансовом учёте, на 30 машинах было снято много деталей и узлов, а от 6 машин остались только государственные номера и технические паспорта [6, с. 45–46].

Капитальный ремонт дорожно-строительных машин трест «Тюменьдорстрой» осуществлял на ремонтно-механических заводах (РМЗ). Например, в 1970 г. автогрейдеры ремонтировались преимущественно Новосибирским РМЗ. Восстановление автокранов моделей К-61 и К-162 осуществлялось на Белгородском и Жигулевском РМЗ [7, л. 89].

Как свидетельствуют архивные документы, в конце 1960-х – нач. 1970-х гг. автодорожные организации обеспечивались в основном строительной техникой отечественного производства, которая зарекомендовала себя в северных условиях. Так, в 1971 г. на балансе Сургутского СУ-904 треста «Тюменьдорстрой» числились 35 строительных машин и механизмов: экскаваторы (Э-153, Э-652), бульдозеры (Д-493, Д-87), кусторезы (Д-174), тракторы (Т-100м и К-700), автогрейдеры (Д-144) и автокраны (К-61, К-162). Машины иностранного производства отсутствовали [8, л. 94].

С помощью этой техники дорожные строители выполняли уникальные на тот момент работы при возведении искусственных сооружений в районе Усть-Балыкского месторождения. В 1971 г. на автодороге Нефтеюганск – Сургут управление СУ-905 осуществляло укрепительные работы на мостовом переходе через Сингапайскую протоку, который постоянно подтоплялся паводковыми водами. Трест «Тюменьдорстрой» при участии Тюменского инженерно-строительного института принял решение укреплять откосы насыпи решетчатыми конструкциями из сборных элементов. Для этого пакеты элементов подавались автокраном К-161 к обочине насыпи. Весь комплекс работ выполнялся бригадой из 8 человек. Дорожные рабочие устраивали упор из бетонных плиток, производили окончательную планировку и уплотнение откосов, а также монтаж сборных конструкций. В итоге работы заканчивались омоноличиванием стыков бетонных конструкций насыпи мостового перехода [9, с. 16–20]. В результате применения новых методов укрепительных работ в строительстве автодорог заменялись трудоемкие конструкции, выполняемые из естественных материалов: дерна, плетневых заборов, каменной наброски в плетневых клетках.

Незаменимыми грузовыми автомобилями на этих работах являлись «КрАЗ» и «Татра», которые доставляли железобетонные конструкции к месту строительства автодорог [10, с. 4]. В 1969–1974 гг. грузовые автомобили «Татра» поставлялись из Чехословакии в СССР в различных модификациях. Для строек севера Западной Сибири чехословацкие инженеры и рабочие создали новую модель автомобиля-самосвала «Татра-148» (так называемую «сибирячку»). Эта модификация автомобиля могла эксплуатироваться при морозах -60 °С в условиях Крайнего Севера [11, с. 56].

В нач. 1970-х гг. строительными подразделениями треста «Тюменьдорстрой» также практиковалась технология укладки железобетонных плит ПАГ-14 с использованием крана К-161 грузоподъемностью 16 т, вместо крана К-123, менее эффективного при данной технологии. Применение крана К-161 позволяло снизить затраты труда на укладку 100 плит с 52,5 чел./часов до 51,0 чел./часов. По предложению рационализаторов Нижневартовского СУ-909, на базе автомашины КрАЗ-219 был изготовлен самоходный

агрегат, который выполнял операции по приготовлению пескоцементного раствора и подаче его в пазы швов [10, с. 5].

На протяжении пер. пол. 1970-х гг. в организациях треста «Тюменьдорстрой» прослеживалось неэффективное использование дорожно-строительной техники. Неудовлетворительно осуществлялся перевод основных дорожно-строительных машин на двух-трехсменную работу. В 1973 г. строительные управления допустили увеличение простоев технически исправных грузовых автомобилей. Ежедневно не использовалось 28 исправных автомобилей при острой нехватке автотранспорта на других участках строительства автодорог. Помимо этого, возрастал объём незавершенного строительства в подразделениях треста: по СУ-905 он составлял 20,2 %, СУ-920 – 20,8 %, СУ-926 – 27,2 %, а в СМП-553 – 74,1 % [12, л. 20].

В апреле 1974 г. на открытом партийном собрании треста «Тюменьдорстрой» начальник СУ-905 В. И. Марьин жаловался на то, что управление не пополнялось техникой, а объёмы строительства автодорог возросли в 2,7 раза. Однако парк дорожно-строительных машин управления в 1972 г. сократился на 8 машин (по сравнению с 1971 г.) и составил всего 50 машин. Это было связано с тем, что по результатам работы комиссии треста устаревшие и не подлежащие ремонту машины были списаны с баланса СУ-905. Впрочем, новой техникой СУ-905 комплектовалось медленными темпами. В 1973 г. поступила всего 1 машина, в 1974 – 2 машины, 1975 – 1 машина. Всего за три года было поставлено 4 машины. Таким образом, слабое обеспечение строительной техникой в СУ-905 сдерживало строительство автодорог на Правдинском, Усть-Балыкском и Мамонтовском месторождениях, а также в аэропорте г. Нефтеюганска. Любопытно, что в СУ-905 числилась техника, которая поступила ещё в 1965 г., когда управление базировалось в г. Урае. Так, в 1975 г. в СУ-905 имелось 9 дорожно-строительных машин (16,7 % от парка машин), которые эксплуатировались на протяжении 10 лет в различных климатических условиях [13, л. 130–137].

В середине 1970-х гг. началось применение хозяйственного расчета в транспортном строительстве. В его основе лежал бригадный подряд, который должен был способствовать повышению эффективности использования дорожно-строительной техники в автодорожных предприятиях Минтрансстроя. С 1974 г. трест «Тюменьдорстрой» перешел на новую систему планирования и экономического стимулирования. Первоначально новая организация работ получила развитие в строительных управлениях треста, осуществлявших непосредственное сооружение дорожного покрытия. Так, в 1974 г. сургутские дорожники СУ-904 комплексной бригады Г. А. Решетникова построили 12 км покрытия автодороги с оценкой «хорошо». Фактическая выработка бригады на этом объекте превысила 150 % [10, с. 11–12].

Однако бригадный подряд слабо использовался в организациях треста. Например, в 1974 г. в Нефтеюганском СУ-905 и Стрежевском СУ-917 работа дорожно-строительных машин была организована в одну смену, где руководство не придавало большего значения новым методам организации труда и применению бригадного подряда в автотранспортных предприятиях. Проверки автобаз треста «Тюменьдорстрой» показывали, что в тоннаже перевозимых грузов допускались приписки [12, л. 45, 80].

Одновременно с этим к 1975 г. уровень комплексной механизации в тресте «Тюменьдорстрой» при строительстве автодорог достиг 99 % [14, л. 241]. Поэтому в десятой пятилетке трест построил 612 км автодорог с твердым покрытием вместо 400 км автодорог. По сравнению с восьмой пятилеткой (1966–1970 гг.), когда было введено в эксплуатацию 156 км автодорог, их строительство возросло в 3,9 раза. Проблема нехватки грузового автотранспорта в тресте «Тюменьдорстрой» была решена при помощи аренды транспортных средств в других организациях. Так, в 1971–1975 гг. автодорожный трест осуществлял СМР своими механизмами только на 60 %, а остальные 40 % привлекались от нефтяников [15, л. 4].

В середине 1970-х гг. новым импульсом в развитии автодорожного строительства на севере Западной Сибири явилось формирование треста «Нижевартовскдорстрой». Его создание в январе 1976 г. значительно снизило нагрузку на трест «Тюменьдорстрой» и решило главную проблему оперативного управления отдаленными строительными организациями, расположенными в Нижевартовском нефтедобывающем районе и в п. Стрежевом [16, л. 39]. Новый автодорожный трест осваивал труднодоступные месторождения, что повышало пробег и износ дорожно-строительной техники в подразделениях. В 1976 г. невыполнение плана капитального ремонта грузового автотранспорта в управлениях треста «Нижевартовскдорстрой» привело к срыву строительства межпромысловых автодорог: Мегионское месторождение – Белозерное месторождение, Аганское месторождение – Покачевское [17, л. 160].

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1977 г. «О развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1977–1980 годах» перед Минтрансстроем СССР была поставлена задача ускорить строительство автодорог и ввести в постоянную эксплуатацию 740 км [18, л. 289 об.]. Министерству выделялись дополнительные фонды на дорожно-строительную технику и запчасти. Этим постановлением автодорожные тресты были переданы в состав нового главка – Главного управления по строительству автодорог в районах Урала и Западной Сибири (Главзапсибдорстрой). Согласно решению советского правительства первоочередной задачей нового главка являлось создание благоприятных условий повышения технической оснащенности автодорожных трестов [18, л. 286].

В 1977 г. Главзапсибдорстрой принял ряд организационно-технических мер, направленных на обеспечение подведомственных предприятий новой техникой. В течение 1977 г. парк дорожно-строительных машин треста «Нижевартовскдорстрой» основательно пополнился. Всего было получено от промышленности 46 единиц дорожной техники [19, л. 176]. Кроме того, в тресты и строительные управления направлялась строительная и автомобильная техника иностранного производства.

В мае 1977 г. трест получил 9 импортных бульдозеров марки Д-8К фирмы «Катерпиллер» (США): СУ-909 – 3 шт., СУ-917 – 1 шт., СУ-920 – 2 шт., СУ-941 – 3 шт. К работе на этой технике допускались только те машинисты, которые прошли обучение по обслуживанию и эксплуатации импортных бульдозеров. В каждом управлении был назначен инженер, ответственный за эксплуатацию и техническое обслуживание импортных бульдозеров [20, л. 106]. По поручению Главка в трест «Тюменьдорстрой» была направлена партия немецких автосамосвалов «Магирус-290» на строительство автодороги Тюмень – Тобольск. В 1976–1977 г. в автодорожных трестах Минтрансстроя, работавших на Севере Западной Сибири, возросло количество дорожно-строительных машин и автомобилей с 407 до 466 единиц [19, л. 179; 21, л. 155].

Улучшение технического оснащения трестов предоставило новые возможности дорожным строителям. Если в 1976 г. ими был построен 141 км автодорог [21, л. 143], то уже в 1977 г. было введено в эксплуатацию 174 км [22, л. 10], в 1978 г. – 213 км, в 1979 г. – 291 км, в 1980 г. – 350 км автодорог [23, л. 14]. Итак, в 1976–1980 гг. общая протяженность построенных автодорог составила 1 169 км.

Таким образом, в 1960–1970-е гг. в северных автодорожных организациях Минтрансстроя был сформирован солидный парк дорожно-строительных машин и грузовых автомобилей. Усиленное комплектование автодорожных трестов позволило ускорить строительство автодорог в 7,5 раз. Стимулирование рационализаторской работы администрацией трестов интенсифицировало деятельность рабочих по качественному улучшению дорожно-строительных машин и механизмов. Техническое усовершенствование машин сделало возможным более эффективное их применение в автодорожном строительстве нефтегазодобывающих районов Западной Сибири.

Литература

1. Ильин А., Шалыгин М. Началось строительство дорог в Тюменской области // Автомобильные дороги. 1966. № 5. С. 10.
2. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1952. Оп. 1. Д. 39а.
3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9538. Оп. 7. Д. 11.
4. ГАТО. Ф. 1952. Оп. 1. Д. 121.
5. РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 7. Д. 139.
6. Лоц А. Г. За весну я «оставил» там две пары ботинок // Сибирское богатство. 2009. №3. С. 45–46.
7. РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 7. Д. 176.
8. Архивный отдел Администрации г. Сургута (АОАГС). Ф. 100. Оп. 1. Д. 57.
9. Дурикин В. Т. Новый способ укрепления конусов и откосов земляного полотна автомобильных дорог: (Опыт трестов «Севкавдорстрой», «Центродорстрой» и «Тюменьдорстрой») М., 1975. 25 с.
10. Пушников К. М., Илясов Б. Ф. Строительство сборных автодорожных покрытий из плит ПАГ-14 в условиях нефтедобывающих районов Тюменской области: (Опыт работы треста «Тюменьдорстрой»). М., 1975. 12 с.
11. Данилов В. А., Макеев Д. А. Некоторые проблемы развития территориально-производственного комплекса в условиях Западной Сибири // Социально-экономические особенности комплексного освоения районов Севера Тюменской области. Тюмень : Изд-во ТГУ, 1977. С. 51–62.
12. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 2836. Оп. 1. Д. 4.
13. Отдел по делам архивов департамента по делам администрации г. Нефтеюганска. Ф. 23. Оп. 1. Д. 37.
14. ГАТО. Ф. 1952. Оп. 1. Д. 231г.
15. ГАСПИТО. Ф. 2836. Оп. 1. Д. 5.
16. РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 1613.
17. Архивный отдел Администрации г. Нижневартовска (АОАГН). Ф. 79. Оп. 1. Д. 23.
18. ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 835.
19. АОАГН. Ф. 79. Оп. 1. Д. 66.
20. АОАГН. Ф. 79. Оп. 1. Д. 35.
21. ГАТО. Ф. 1952. Оп. 1. Д. 263.
22. ГАТО. Ф. 1952. Оп. 1. Д. 299а.
23. ГАСПИТО. Ф. 2836. Оп. 1. Д. 6.

УДК 329.1/.6(091)(571.1)

*Кузнецова А. А.**Kuznetsova A. A.***К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ДИССИДЕНТОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1960–1980-Х ГГ.****THE QUESTION OF MAIN DIRECTIONS OF DISSIDENTS ACTIVITY
OF WESTERN SIBERIA IN 1960s–1980s**

В статье рассматриваются основные направления диссидентского движения, существовавшие в СССР и Западной Сибири: гражданское движение; национальные и религиозные течения; движения нонконформистов в сфере художественной культуры. Рассмотрены причины возникновения каждого из течений, а также формы и методы деятельности этих групп.

The article discusses the main directions of the dissident movement that existed in the USSR and Western Siberia: the civil movement; national and religious movements; non-conformist movements in the field of artistic culture. The reasons for the formation of each type of movement, as well as their forms and activities, are considered.

Ключевые слова: инакомыслие, диссиденты, Западная Сибирь, эмиграция из СССР, протестантские общины, свобода слова, свобода творчества.

Keywords: dissent, dissidents, Western Siberia, emigration from the USSR, Protestant communities, freedom of speech, creative freedom.

Политические и нравственные намерения, не совместимые с официальной идеологией, в массовом сознании и научной литературе обозначаются термином «инакомыслие» и ассоциируются чаще всего с советскими диссидентами, благодаря которым в середине 1960-х гг. зарождается правозащитное движение не только в центре, но и в провинции.

Во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. наиболее открыто и определенно несогласие с внутренней и внешней политикой КПСС выражала немногочисленная часть советских интеллектуалов и творческой интеллигенции крупных городов европейской части страны. Вместе с тем их критические взгляды и настроения получали гласную и молчаливую поддержку заметной части населения граждан не только в центре.

Существовало несколько типов диссидентского движения: гражданское движение; национальные и религиозные течения; движения нонконформистов в сфере художественной культуры.

В Западной Сибири все эти течения также существовали в той или иной степени. Так, гражданское движение (правозащитное) было представлено небольшой группой интеллигенции: частью преподавателей и студентов ведущих вузов. Одновременно с тем, что эта группа людей выражала несогласие с политическим курсом правительства СССР, они же выступали и в защиту права свободы творчества, мысли, печати. Преподаватель литературы гуманитарного факультета НГУ И. С. Гольденберг был лично знаком с Ю. М. Даниэлем. Он охарактеризовал его студентам как «честного и талантливого писателя», пострадавшего за литературное творчество. Во время занятий и внеаудиторных мероприятий со студентами Гольденберг многократно заявлял, что власти, привлекая писателей к уголовной ответственности, нарушали статьи Конституции СССР и Всеобщей декларации прав человека, которые гарантировали свободу распространения информации [1].

Наиболее громкое событие, связанное с правозащитной деятельностью в Западной Сибири, – это письмо 46-ти ученых Академгородка Новосибирска, выступивших в защиту четырех московских писателей-диссидентов против нарушения гласности в ходе судебного процесса над ними. После оглашения этого факта в зарубежных СМИ была развернута массированная политическая кампания: во всех учреждениях научного центра были проведены соответствующие мероприятия (партийные и общие собрания, заседания ученых советов), где «подписанты» подверглись осуждению, затем многим из них пришлось сменить место работы. Однако, с точки зрения самих авторов «письма», это было всего лишь робкое оппонирование власти и таких последствий для себя они не могли ожидать.

Кроме таких громких событий, как в Академгородке, существовала и другая форма проявления несогласия с властью: неформальные молодежные студенческие клубы, где велись дискуссии на политические темы. Иногда здесь высказывались довольно радикальные идеи, как, например, в Томском государственном университете.

Ввод советских войск в Чехословакию вызвал протесты инакомыслящих не только в Москве, где 25 августа 1968 г. на Красной площади состоялась сидячая демонстрация семи советских диссидентов, но и в Сибирской провинции. В ночь на 25 августа неизвестные оставили надписи на стенах Новосибирского Академгородка: «Варвары, вон из Чехословакии» [2]. Иногда в наиболее людных местах Новосибирска появлялись листовки с обращениями заклеить «оккупационный» характер действий советского руководства в Чехословакии [3]. В Томске также были установлены факты «идеологического несогласия» в отношении чехословацкой проблемы. В апреле 1969 г. на партийном собрании Томского педагогического института велось разбирательство по делу Г. А. Ферাপонтова – преподавателя иностранных языков. Он, регулярно прослушивая иностранное радио, объяснял отдельным студентам свои взгляды на проводимую в Чехословакии военно-политическую акцию. В конечном итоге преподавателя обвинили в искажении сущности советской интернациональной политики. В протоколе собрания сообщалось, что преподаватель «сравнивал действия советских солдат в Чехословакии с гитлеровскими» [4]. По предварительному решению ректората и партбюро преподавателя Г. А. Ферапонтова уволили из института.

Другое течение инакомыслящих в Западной Сибири было представлено национальными группами: немецким и еврейским населением. Их целью было покинуть СССР. Однако эмиграционная политика Советского Союза с самого начала его основания была достаточно жесткой: кто покидал страну, тот выглядел в глазах властей предателем родины.

Для немецкого и еврейского населения на территории СССР проблема эмиграции стояла особенно остро. На протяжении всей истории советского государства евреи были почти полностью лишены институтов национальной культуры (школы, прессы, кино, театра, синагоги и т. д.). Прослеживалась очевидная тенденция вытеснить их из культуры вообще: для евреев было чрезвычайно затруднено передвижение по карьерной лестнице в любой сфере деятельности. Также существовала негласная норма приема в столичные вузы для евреев, которая была вдвое ниже нормы, открыто соблюдавшейся в царское время [5, с. 172]. К слову сказать, данная ограничительная мера послужила причиной выезда евреев в провинциальные города с целью поступления в местные вузы, в том числе в Новосибирск и Томск.

Однако для региона Западной Сибири процесс массовой эмиграции евреев, как для других регионов РСФСР и республик СССР, не характерен. Нами было обнаружено всего несколько случаев, связанных именно с борьбой за право на эмиграцию из страны, которые вызвали общественный резонанс в СССР и за его пределами.

В Западной Сибири показательны примеры борьбы за эмиграцию еврейских семей из Новосибирска – Кочубиевских и Полтинниковых. Наиболее распространенными

формами еврейского движения за выезд из СССР стали петиции и открытые письма, демонстрации, голодовки.

Что же касается немецкого населения, то его численность на территории Западной Сибири в силу различных причин значительно превосходила еврейское. И желающих выехать на постоянное место жительства в капиталистические страны было заметно больше.

Причины, которые указывали в заявлениях о выезде лица немецкой национальности, желавшие покинуть СССР, были самые различные: наличие за границей членов семьи, желание соединить семью, помочь престарелым родителям, наследовать оставленное по завещанию имущество и другие ценности. Увеличению ходатайств о выезде за границу способствовало получение вызовов от родственников с указанием возможности быстрого получения жилья и высокооплачиваемой работы. Отдельных лиц привлекал «наивысший» уровень жизни на Западе, возможность заниматься частным предпринимательством. Наиболее замкнуты в общении и обижены тем, что после репатриации они не были возвращены к бывшему месту жительства, были люди старшего поколения. Находясь на спецпоселении, они иногда ощущали к себе враждебное отношение со стороны коллег по месту работы и соседей. Усилению эмиграционных настроений также способствовало отсутствие в некоторых регионах страны национальных школ, газет и журналов на немецком языке, культурных организаций и учреждений [6, с. 387].

Важно рассмотреть и другую причину, которая для многих немцев стала решающей в решении покинуть страну, – это религиозные притеснения. Отсюда в основном старались уехать члены религиозных групп протестантской веры, для которых легальная регистрация своих общин была осложнена большим количеством заведомо невыполнимых условий.

Эмиграционным настроениям способствовала и переписка с теми гражданами, которые уже покинули СССР. Управление КГБ контролировало граждан, которые переписывались с родственниками и друзьями за границей. В целом переписка была семейно-бытового или дружеского характера, но часто знакомые и родственники писали о лучших условиях жизни на Западе: хорошие квартирные условия, отсутствие очередей, обилие продуктов и промышленных товаров на прилавках магазинов, многочисленные льготы и пособия людям, приезжавшим на постоянное жительство в ФРГ из Советского Союза. Иногда с письмами присылали вырезки из газет Западной Германии о том, что в 1970 г. СССР и ФРГ заключили договоренность о разрешении выезда значительной части советских немцев. Но, невзирая на советско-западногерманский договор и международную разрядку, выезд из СССР в 1970-е гг. по-прежнему оставался закрытым, а желающих покинуть страну немцев не становилось меньше [7, с. 148].

Что же касается взаимоотношений немцев провинции и столичных диссидентов, то немецкие граждане поддерживали довольно тесные контакты с московскими правозащитниками. Московская Хельсинкская группа (МХГ) регулярно получала письма от этнических немцев. Письма советских немцев поступали и в Комитет защиты прав человека в СССР, в Литовскую группу «Хельсинки». А. Д. Сахаров постоянно выступал в защиту этнических немцев. В 1974 г. он обратился к канцлеру ФРГ Г. Шмидту, председателю СДП ФРГ В. Брандту, депутатам бундестага, а также к Н. В. Подгорному с просьбой посодействовать пересмотру «незаконного и жестокого приговора» осужденных в Эстонии немцев П. Бергмана, Л. Ольденбурга, Г. Фастома, В. Шульца и «организации материальной помощи семьям осужденных и лицам, пострадавшим за их желание выехать из СССР» [8].

Напрямую связанное с предыдущим течением, существовало также течение религиозных диссидентов, которые боролись за свободу совести. Прежде всего это протестантские секты, которые часто были вне закона, так как являлись незарегистрированными, а регистрация для них осложнялась большими препятствиями в

виде запретов на службы, религиозное воспитание детей, пропаганду своей веры, распространение религиозной литературы и прочее.

В Западной Сибири это течение было представлено евангельскими христианами-баптистами, адвентистами седьмого дня, свидетелями Иеговы, лютеранами, меннонитами, пятидесятниками. Эти группы оказались наиболее приспособленными к подпольной деятельности ввиду того, что протестантские нормы церковной жизни были значительно лояльнее, чем нормы верующих Русской православной церкви. Их собрания могли свободно проходить не только в церкви, но и в домах верующих, им не всегда требовалась религиозная утварь, они были практически независимыми от лидеров своей общины и имели наиболее активную жизненную позицию.

Главными методами борьбы протестантов стали письма к властям, заявления в различные инстанции с требованиями об освобождении верующих из тюрем, распространение религиозного самиздата, а также отказ подчиняться общественным правилам советского государства.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в среде инакомыслящих Западной Сибири существовало большое идейное разнообразие, но отличительным признаком инакомыслящих и в дальнейшем течения с закрепившимся за ним названием «движение за права человека» стала защита прав личности и требование соблюдения законов.

Литература

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 4. Оп. 34. Д. 714. Л. 108–109, 113.
2. Хроника текущих событий. Вып. 6. URL: <http://www.memo.ru/history/diss/chr/> (дата обращения: 05.02.2018).
3. ГАО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 714. Л. 68–69.
4. Центр документации новейшей истории Томской области (ОГКУ ЦДНИ ТО). Ф. 321. Оп. 10. Д. 25, Л. 207–209.
5. Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. М. : РИЦ «Зацепя», 2001. 382 с.
6. Армборст К. Эмиграция российских немцев в ФРГ в 1970–1987 гг.: основания и причины // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М. : Готика, 1998. С. 385–393.
7. Конев Е. В. Социально-политическая характеристика немецкого населения Кемеровской, Новосибирской и Томской областей в 1970–1980 годы // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.). М.: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2003. С. 146–153.
8. Хроника текущих событий. Вып. 45. URL: <http://www.memo.ru/history/diss/chr/> (дата обращения: 16.01.2015).

УДК 021(571.122)«1970/80»

Давыдова А. О.
Davydova A. O.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЧТЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ТРАССОВЫХ И ВАХТОВЫХ ПОСЕЛКОВ ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА В 1970–1980-Х ГГ.

ORGANIZATION OF READING FOR ROUTE AND SHIFT CAMPS RESIDENTS OF THE TYUMEN NORTH IN THE 1970s–1980s

В статье рассматриваются проблемы библиотечного обслуживания тружеников нефтегазовых месторождений в период промышленного освоения севера Западной Сибири. На основе исследования архивных и опубликованных документов описываются особенности организации чтения молодых специалистов, проживающих в трассовых и вахтовых поселках региона.

The article considers problems of library services for workers of oil and gas fields in the period of industrialization of the North of Western Siberia. Based on the study of archival and published documents the features of the organization of reading for young professionals living in route and shift camps of the region are described.

Ключевые слова: библиотеки, книга, чтение, трасса, вахтовый поселок.

Keywords: library, book, reading, route, shift camp.

Промышленное развитие Западно-Сибирского региона проходило в сложных условиях, на огромных, слабо обжитых территориях Тюменского севера. Это требовало от добытчиков нефти и газа особой формы осуществления трудового процесса вне места постоянного проживания работников – вахтового метода организации труда. К середине 1980-х гг. на севере Западной Сибири было обустроено свыше 100 вахтовых поселков, действовало 250 буровых комплексов и буровых бригад [1, л.17].

Для работы таким методом люди прибывали за сотни и тысячи километров на рабочие смены длительностью от одной до нескольких недель из разных регионов большой страны – Советского Союза, а также из вновь образованных новых городов региона. В основном это были молодые люди до 30 лет с высоким образовательным уровнем – на 1 тыс. человек приходилось 776 с высшим и средне-специальным образованием [2].

Многочисленные новоселы, находясь на вахте, испытывали трудности в организации свободного времени. Они работали на расстоянии многих десятков километров от поселений, где есть учреждения культуры. Исследования, проведенные в 1986–1988 гг. кафедрой политэкономии Тюменского индустриального института, показали, что в районах нового промышленного освоения Западно-Сибирского региона увеличение количества свободного времени обгоняет возможности его рационального использования. Величина свободного времени северян составляет примерно 40 часов в неделю, что фактически равняется недельному фонду рабочего времени. В такой ситуации как никогда была актуальна проблема организации досуга [3, с. 132].

Замкнутость пространства, ограниченного территорией небольшого трассового или вахтового поселка, влияла на содержание свободного времени. Анкетирование молодых рабочих в северных подразделениях Главтюменьгеологии, проведенное в 1980-е гг., показало, что в качестве первой причины, мешающей проводить досуг на вахте так, как хотелось бы, 54,6 % респондентов в возрасте до 25 лет указали отсутствие свежих книг,

газет и журналов. В условиях оторванности от «большой земли» чтение становилось самой распространенной формой проведения досуга [4, с. 88].

Организация чтения вахтовиков стала одной из основных задач местных библиотек. В своей работе они руководствовались постановлением коллегии Министерства культуры РСФСР, Госкино РСФСР, Госкомиздата РСФСР, президиумов ЦК профсоюза работников нефтяной и газовой промышленности и ЦК профсоюза работников культуры от 17.09.1981 г. «О состоянии и мерах улучшения культурного обслуживания трудящихся Тюменской области в свете решений XXVI съезда КПСС» [5, л. 82].

Процесс библиотечного обслуживания вахтовиков требовал от библиотекарей особого подхода. Вахтовые и трассовые поселки располагались в десятках и сотнях километров от сел и вновь образованных городов. Поэтому распространенной формой библиотечного обслуживания стала организация передвижных библиотек. К примеру, на трассе «Уренгой – Помары – Ужгород» в 1981 г. было организовано 30 передвижек от библиотек городов Нового Уренгоя и Надыма, а также села Лонг-Юганска. Эти библиотеки с числом книг в 1 500 экземпляров обслуживали 560 читателей вахтовых и трассовых поселков, находящихся на расстоянии от 22 до 200 км от населенных пунктов со стационарными библиотеками [6, л. 12].

Библиотеками города Сургута было организовано 62 передвижных библиотеки, обслуживающие по 25–30 читателей [7, л. 185]. Стремясь улучшить свою работу, библиотекари региона, обслуживающие жителей трассовых и вахтовых поселков, объявили социалистическое соревнование на лучшую организацию работы передвижных библиотек. Отметим, что вопросы о состоянии библиотечного обслуживания трассовых и вахтовых поселков северного Приобья регулярно рассматривались на заседаниях управления культуры Тюменского облисполкома [8, л. 83].

Усилиями библиотек для вахтовиков было организовано информационно-библиотечное обслуживание. Непосредственно по месту жительства библиотекари стремились информировать вахтовиков о новинках профессиональной литературы, предлагая им бюллетени и списки книжных новинок: «Строительство и эксплуатация газопроводов», «Для вас, водители», «Строителям газопровода». Библиотека имени журнала «Смена» и горком Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ) Нового Уренгоя организовывали читательские конференции с издательствами «Молодая гвардия», Средне-Уральским книжным издательством, редакцией журнала «Смена» [8, л. 50].

Совместно с горкома ВЛКСМ региона они организовывали проведение читательских конференций, а также творческие встречи. На трассе «Уренгой–Помары–Ужгород» состоялось более 500 встреч с поэтами и прозаиками Москвы, Свердловска, Барнаула, Темени и Новосибирска. В марте 1983 г. в гостях у вахтовиков побывала группа писателей во главе с секретарем Союза писателей РСФСР, редактором журнала «Неделя» Грибовым Ю. Т. [8, л. 52].

Библиотекари не только обслуживали читателей, но и участвовали в организации сбора книг для вахтовиков. Совместно с книголюбями и комитетами ВЛКСМ библиотеки Тюменского севера в начале 1980-х гг. собрали у населения и передали в дар трассовикам более 20 тыс. книг [1, л. 124].

Тюменская областная библиотека отправила библиотекам Нефтеюганска, Нижневартовска и Сургута 10 тыс. художественной, научно-политической литературы, изданий по искусству, подписной печатной продукции. До конца 1980 г. от Тюменской областной библиотеки вахтовики получили 40 тыс. экземпляров книг. Библиотекари государственных и профсоюзных библиотек поселка Игрим Березовского района направили сотрудникам компрессорной станции «Сосьва» 650 экземпляров книг [9].

Сбор литературы для трассовых библиотек в 1982 г. организовала и газета «Тюменский комсомолец». Редакция газеты обратилась к комсомольцам, молодежи

пионерам и школьникам области с предложением стать участниками Всесоюзной ударной комсомольской стройки по сооружению системы магистрального газопровода «Север Тюменской области – Центральные районы Европейской части СССР», собрав книги и журналы для жителей вахтовых и трассовых поселков. На страницах газеты были указаны адресаты – комитеты ВЛКСМ городов Нового Уренгоя и Надыма, поселка Березово. Редакция предлагала отправлять собранные библиотечки с пометкой «Для трассы» [10].

Вместе с тем жители трассовых и вахтовых поселков располагали небольшими личными библиотечками, а также имели возможность воспользоваться библиотеками предприятий. Однако выбор литературы в них был зачастую ограничен. В поселках проживали люди разных профессий: нефтяники, газовики, железнодорожники, строители. Трудились они в организациях разных ведомств. Количество предприятий в одном поселке порой доходило до десяти. Каждая организация предпочитала иметь небольшую библиотеку, иногда в отдельном помещении.

Доступ сотрудникам других ведомств в такую библиотеку был закрыт. Для того чтобы убрать эти ведомственные барьеры и расширить круг чтения жителей вахтовых поселков, потребовалось вмешательство руководства областных комитетов Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) и советских органов исполнительной власти. В 1981 г. под их руководством была создана Тюменская областная межведомственная библиотечная комиссия. В результате работы этой комиссии стали составляться комплексные планы библиотечного обслуживания нефтяников, газовиков, строителей, трудившихся в поселках на территории Нижневартовского, Сургутского, Надымского и Урайского районов. Планы были обязательными к выполнению для всех библиотек и ведомств. В результате этой совместной работы за 1981–1982 гг. библиотеки новостроек получили около 80 тыс. экземпляров книг, было организовано почти 3 тыс. пунктов выдачи и передвижных библиотек для обслуживания трудящихся на буровых установках и газопроводах [2].

Для улучшения культурного обслуживания новых жителей Западно-Сибирского региона, в том числе и библиотечного обслуживания вахтовиков, на Тюменском севере были созданы координационные центры, объединяющие учреждения культуры государственной сети, профсоюзов и различных ведомств. Они имели единый график выездов в трассовые и вахтовые поселки.

Вопросы культурного и библиотечного обслуживания были на контроле и у профсоюзов ведомств. Так, в феврале 1982 г. президиум Тюменского обкома профсоюзов работников нефтяной и газовой промышленности и коллегии Главсибтрубопроводстроя приняли совместное постановление «Об улучшении жилищных условий и культурно-массовой работы рабочих, занятых на строительстве магистральных газопроводов “Уренгой – Петровск”, “Уренгой – Новопсков”, “Уренгой – Помары – Ужгород” и компрессорных станций» [11, л. 18].

Таким образом, организацией чтения жителей трассовых и вахтовых поселков промышленного Западно-Сибирского региона занимались государственные и профсоюзные библиотеки, а также библиотеки всех ведомств, работающих на огромных территориях Тюменского севера. Благодаря их координированным действиям молодые нефтяники, газовики и строители региона были обеспечены книгами.

Литература

1. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф.1731. Оп.1 Д. 969.
2. Борохов В. Для вас, романтики // Советская культура. 26 ноября 1982. №95 (5623). С. 3.
3. Дурцева А. Г. «Индустрия досуга» Тюменского севера // Связь и отношения: проблемы Западной Сибири : тез. докл. науч. конф. (март 1990 г.). Тюмень, 1990. С. 132–134.

4. Савельев Д. И. Проблемы организации свободного времени молодых северян // Социально-экономические проблемы молодежи районов нового промышленного освоения. Тюмень, 1987. С. 86–89.
5. ГАТО. Ф.1731. Оп.1 Д. 947.
6. ГАТО. Ф.1731. Оп.1 Д. 902.
7. ГАТО. Ф.1731. Оп.1 Д. 880.
8. ГАТО. Ф.1731. Оп.1 Д. 947.
9. Богданова Р. Самая читающая публика // Тюменская правда. 7 сентября 1980. С. 4.
10. Книги для трассы // Тюменский комсомолец. 27 января 1982. С. 1.
11. ГАТО. Ф.1731. Оп.1 Д. 932.

Прищена А. И.
Prishchena A. I.

**ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНКИ ИСТОЧНИКОВ ПОБЕДЫ И ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ
СССР В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ОСОБЕННОСТЬ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

**EVOLUTION OF SOURCE EVALUATION OF VICTORY AND HUMAN LOSSES
OF THE USSR IN THE GREAT PATRIOTIC WAR
AS A FEATURE OF HISTORICAL KNOWLEDGE IN STUDY MATERIALS**

В статье анализируются выводы отечественной историографии относительно цены победы советского народа в Великой Отечественной войне и количества людских потерь в ней. Автор замечает, как на различных этапах развития СССР в зависимости от происходящих политических изменений в стране осуществлялась модернизация количественных данных о ее материальных и человеческих потерях. Особое внимание уделяется дискуссии о масштабах поставок вооружения и продовольствия союзников в ходе выполнения договора по ленд-лизу. Их оценки основываются на современных публикациях и неизвестных ранее исторических источниках, опровергающих традиционные выводы советской историографии.

The article analyzes the conclusions of the national historiography on the price of the victory for the Soviet people in the Great Patriotic War and the number of human losses in it. The author notes how at various stages of development of the USSR, depending on the ongoing political changes in the country, there was a modernization of quantitative data on its material and human losses. Special attention is paid to discussions on the scope of supply of weapons and food from the allies during the Lend-Lease policy. Their assessments are based on modern publications and previously unknown historical sources, which disprove the traditional conclusions of the Soviet historiography.

Ключевые слова: людские потери, военнопленные, репатриация, боевые действия, плен, тыл, демография, эмиграция.

Keywords: human losses, prisoners of war, repatriation, fighting, captivity, rear, demography, emigration.

Фрэнсис Бэкон в трактате «Новый органон» указывал на то, что познание действительности часто искажается «идолами» или «призраками» сознания: «идолами рода», к которым он относил ложные образы, присущие всем людям (субъективизм); «идолами пещеры», включающими индивидуальные пристрастия человека, привычки, особенности воспитания; «идолами площади или рынка», представленными различными значениями одних и тех же слов, и «идолами театра», т. е. верой в чужой авторитет, ложные теории, суеверия и т. п. [1, с.18–19].

Вероятно, наиболее часто эти «призраки» появляются в исторической науке. В отличие от естественных наук отношения субъекта и объекта исследования здесь складываются гораздо сложнее. Трудно сказать, что в этих отношениях является объективным. Субъективны сбор источников и предмет их исследования, приоритеты исследования и расставленные акценты, формулировка проблемы и выбор методологии, определяющей эвристику исследования. Множественность интерпретаций и точек зрения в историографии является следствием такой субъективности. Это делает неизбежным

утверждение плюрализма в исторической науке. Неустранима субъективность и при оценке цены победы советского народа в Великой Отечественной войне.

В исторической литературе продолжает оставаться дискуссионным вопрос о масштабах людских потерь в годы Великой Отечественной войны. В 1946 г. И. Сталин в интервью по поводу речи У. Черчилля в Фултоне заявил: «В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу около семи миллионов человек. ...в несколько раз больше, чем Англия, Соединенные Штаты Америки, вместе взятые» [2]. Эта цифра его устраивала, с одной стороны, как отражающая существенно больший вклад СССР в победу над фашизмом, с другой стороны, она не давала повода для обвинения его в стратегических ошибках, приведших советский народ к трагедии, потребовавшей от него невероятного напряжения человеческих сил, чтобы спасти Россию как самостоятельное государство.

До XX съезда КПСС, состоявшегося в 1956 г., эта цифра была аксиоматической и не являлась предметом обсуждения историков в политических условиях социализма и культа личности Сталина.

Ситуация в отечественной историографии стала меняться после XX съезда. Н. С. Хрущев в своем сенсационном докладе на этом съезде в эйфории разоблачения культа личности и либерализации политического режима объявил о том, что в годы войны потери СССР составили 20 млн человек [3].

В условиях перестройки и отказа от тоталитарной модели социализма М. С. Горбачев в 1987 году объявил о 27–28 млн погибших и пропавших без вести наших соотечественников [4].

Демократические изменения в СССР создавали новые благоприятные условия для работы историков. Объявленная методологическая свобода и новые условия работы в архивах создавали возможность обратиться к ранее закрытым документальным источникам изучения этой проблемы и ее свободному обсуждению. В период демонтажа социализма, последовавшего после 1991 г., наиболее авторитетным мнением о еще больших потерях СССР в войне стали публикации во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. министра обороны СССР маршала Д. Язова, который писал: «Будучи министром обороны, я издал указ для определения потерь Красной Армии и в целом Советского Союза» [5]. По его словам, было установлено, что потери Красной Армии в Великой Отечественной войне составили 8 млн 644 тыс. человек. Кроме того, около 27–28 млн человек составили потери гражданского населения. «По количеству уничтоженных в лагерях у нас нет данных, т. к. эта информация была уничтожена» [5], – сообщал Д. Язов. Он писал также о том, что на территории Западной Европы было завербовано много граждан Советского Союза, которые после окончания войны остались жить в этих странах, и высказал мнение, что «точно сказать, сколько советских граждан погибло в Великой Отечественной войне не возможно. Равно как нельзя сказать, сколько в результате этой войны советских граждан не родилось» [5].

В связи с отсутствием единой методологии и методики подобного рода подсчетов, в литературе находят отражение и другие мнения. «На поле боя погибло около 11,3 млн человек, ...около 6 млн человек оказались в плену, свыше 4 млн человек из них погибли, ...около 18,4 млн воинов получили ранения или заболели при исполнении служебных обязанностей», – пишут авторы учебника «Наше отечество. Опыт политической истории» [6, с. 427]. А. С. Барсенков и А. И. Вдовин, располагая, видимо, другими источниками, утверждают, что «к концу войны стала проблема репатриации на Родину 5 млн советских граждан («перемещенных лиц», включая военнопленных, узников концлагерей, «восточных рабочих», военнотружущих немецких формирований и т. д.). В соответствии с решениями Ялтинской конференции, до 1 марта 1946 г. было репатрировано 4,2 млн человек советских граждан, в том числе 2,7 млн гражданских лиц и 1,5 млн

военнопленных. «Невозвращенцы» составили так называемую «вторую волну эмиграции» [7, с. 98].

Многие из них потеряли трудоспособность, стали инвалидами. «В 1991 г. в СССР оставалось в живых около 6 млн фронтовиков, из которых 1 млн 100 тыс. человек являлись инвалидами» [5, с. 427].

Надо признать, что на этом драматическом фоне сегодня выглядят далекими от научной истины традиционные в свое время утверждения советской историографии о том, что война убедительно доказала преимущества социалистического строя и что «социалистический строй является не только лучшей формой организации экономического и культурного подъема общества в годы мирного строительства, но и формой мобилизации всех сил и средств на разгром врага в военных условиях» [8, с. 432]. В наши дни эта сомнительная версия трансформировалась в интересное утверждение о том, что в схватке двух тоталитарных режимов победил тот, который обладал большими командно-административными мобилизационными ресурсами. Несогласие с этим мнением находит косвенное отражение в тексте «Истории советского государства» Н. Верта, который обращает внимание на трансформацию сталинизма в сторону «консенсуального правления» и показывает значение некоторых, прошедших под влиянием поражений в первые годы войны, изменений в сталинской идеологии, которые выразились в реабилитации патриотических ценностей, сближении с Русской православной церковью, определенном смягчении политического и экономического режима для достижения победы в войне, принявшей по-настоящему отечественный характер [9, с. 285–286].

Громкие заявления о решающей роли «преимуществ социализма» в советской историографии соседствуют с умолчанием о реальной экономической и военно-технической помощи СССР со стороны его союзников по антигитлеровской коалиции. В упомянутой «Краткой истории СССР» этому важному вопросу истории Второй мировой войны посвящено два абзаца, смысл которых основывается на утверждении: «В западных буржуазных странах широко распространена версия, будто победа СССР над фашистской Германией и ее союзниками в значительной мере была предопределена английской и особенно американской помощью по ленд-лизу» [8, с. 432]. И далее без ссылки на какие-либо источники голословно утверждается: «Однако военные поставки союзников, особенно в 1941–1942 гг. – наиболее тяжелый для СССР период, – были весьма ограничены и не могли оказать решающего влияния на ход войны» [8, с. 432].

Однако известно, что в зафиксированных еще в 1963 году органами госбезопасности СССР беседах Г. К. Жуков утверждал: «...Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали... Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом и взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали! Разве мы могли бы быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью? А сейчас представляют дело так, что у нас все это было в изобилии» [10].

Очень решительно этот тезис отстаивает В. М. Бережков, когда заявляет: «Теперь легко говорить, что ленд-лиз ничего не значил. Он перестал иметь значение много позднее. Но осенью 1941 года мы все потеряли, и, если бы не ленд-лиз, не оружие, продовольствие, теплые вещи для армии и другое снабжение, еще вопрос, как обернулось бы дело» [11, с. 337]. Этот вывод В. М. Бережкова подтверждается цифровыми данными историков И. П. Лебедева [12, с. 27–29] и И. Бунича [13, с. 269].

Таким образом, наше обращение к анализу исторических оценок людских потерь СССР в годы Великой отечественной войны и объема поставок союзников по ленд-лизу позволяет говорить о двух вещах. Во-первых, о том, что основной догмат классической рациональности о вечном и универсальном характере научного знания коррелируется во

времени и не является таковым для всех исторических эпох. Во-вторых, сегодня в несравнимо большей мере выявляется значимость и неустранимость субъективной составляющей процесса познания, которая практически не учитывалась в классической трактовке рациональности.

Литература

1. Бэкон Ф. Сочинения в 2 т. Т 2. М. : Мысль, 1978. 592 с.
2. Интервью тов. И. В. Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля // Правда. 14 марта 1946.
3. Земсков В. Н. Священная война. О масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (в поисках истины). URL: <http://www.politpros.com/journal/read/?ID=1571> (дата обращения: 03.10.2018).
4. СССР в ВОВ потерял 27 млн человек. URL: <https://ria.ru/society/20030621/396829.html> (дата обращения: 07.10.2018).
5. Маршал Язов наносит сокрушительный удар по полностью одуревшим «совкам». URL: <https://ledokol-ru.livejournal.com/233211.html> (дата обращения: 02.10.2018).
6. Наше отечество. Опыт политической истории / Кулешов С. В. [и др.]. В 2 ч. Ч. 2. М. : Терра, 1991. 621 с.
7. Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938–2002. М. : Аспект Пресс, 2003. 832 с.
8. Краткая история СССР: От Великой Октябрьской Социалистической революции до наших дней. В 2 ч. Ч. 2. Ленинград : Наука, 1978. 744 с.
9. Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М. : Прогресс, 1992. 544 с.
10. Ленд-лиз. URL: www.ehorusia.com/new/node/95 (дата обращения: 05.10.2018).
11. Бережков В. М. Как я стал переводчиком Сталина. М. : ДЭМ, 1993. 400 с.
12. Лебедев И. П. Авиационный ленд-лиз // Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 27–29.
13. Бунич И. Операция «Гроза» или ошибка в третьем знаке. В 2 т. Т. 2. СПб. : Облик, 1994. 448 с.

URBI ET ORBI

УДК 027(571.122)(091)+023+929Жукова

Кондакова Л. Ю.

Kondakova L. Yu.

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ (О ДИРЕКТОРЕ СУРГУТСКОЙ ЦБС Н. В. ЖУКОВОЙ)

THE PORTRAIT ON EPOCH BACKGROUND (ABOUT N. V. ZHUKOVA, DIRECTOR OF THE SURGUT CLS)

Статья написана в связи с 40-летием Сургутской централизованной библиотечной системы и посвящена её директору Жуковой Надежде Васильевне, 38 лет трудовой жизни отдавшей развитию библиотечного дела г. Сургута.

The article is written due to the 40th anniversary of the Surgut Centralized Library System and devoted to the director Nadezhda V. Zhukova who dedicated 38 working years to the development of the librarianship in the city of Surgut.

Ключевые слова: история библиотек, библиотеки Сургута, Централизованные библиотечные системы, ЦБС, руководители учреждений, директора, централизация, автоматизация, персонал.

Keywords: library history, Surgut libraries, Centralized Library Systems, CLS, directors, centralization, automatization, personnel.

В 2017 году сургутские библиотекари отметили 40-летие со дня образования Централизованной библиотечной системы (ЦБС), которая сегодня является одним из ведущих учреждений культуры города. Муниципальные библиотеки ежегодно обслуживают более 50 тыс. пользователей – студентов, школьников, научных работников, служащих, пенсионеров; до 1 млн документов библиотечного фонда в год выдаётся на руки, проводится около 2 тыс. мероприятий. В статье речь пойдет о директоре Сургутской ЦБС Жуковой Надежде Васильевне, которая 38 лет посвятила библиотечному делу нашего города.

Начало ее деятельности пришлось на сложный период истории Сургута, связанный с освоением нефтяных и газовых месторождений региона. Надо было наращивать темпы библиотечного строительства, чтобы обеспечить книгами быстро возрастающее количество населения.

В первый раз я увидела Надежду Васильевну Жукову в 1978 году. Будучи методистом Тюменской областной библиотеки, она приехала в нашу центральную городскую библиотеку с очередной проверкой. В первую очередь, конечно, зашла к директору ЦБС Валентине Васильевне Кулеш, затем в методический отдел. Встретили её очень доброжелательно. Я же сидела в сторонке и занималась какой-то срочной работой. Однако она сразу привлекла моё внимание. Я увидела среднего роста девушку, одетую в пошитое трапецией пальто в ярко-коричневую крупную клетку, с распущенными по плечам очень густыми тёмными волосами. Что-то было в ней особенное – и в одежде, и во всём облике. Свой какой-то неповторимый стиль, серьёзное умное выражение лица, вдумчивые глаза, внимательное отношение к собеседнику. А в 1979 году по приглашению заведующей

Сургутским городским отделом культуры С. В. Липявко Надежда Васильевна приехала в наш город и начала работать в отделе обслуживания центральной городской библиотеки.

Можно отметить, что в этот период она тесно общалась с молодёжью, проживающей в общежитиях, проводила диспуты, читательские конференции, поэтические вечера. Это было далеко не просто, так как молодые люди, приехавшие на Север из крупных культурных и промышленных центров страны, имели высокий уровень образования, отличались широтой культурных запросов и интересов. Но даже это было не главное, тогда многие работали с молодёжными общежитиями. Главное, что она сумела создать ядро активистов, заразить любовью к литературе, лирической поэзии, пронести дружбу со многими через всю свою жизнь. В то время я уже работала заведующей методическим отделом, была наставником и учителем молодых библиотекарей, занимала на служебной лестнице более высокую ступень, чем Надежда Васильевна, но я никогда не позволяла себе в разговоре с ней лёгкого покровительственного тона, держалась уважительно. Это был лидер, в ней чувствовалась какая-то внутренняя сила.

В 1981–1982 гг. Надежда Васильевна работала методистом Сургутского городского отдела культуры. Уже тогда закладывались её личные знакомства, рабочие и творческие связи с руководителями различных учреждений и организаций города, которые с годами становились всё более разносторонними и плодотворными. В 1983 году Н. В. Жукова стала директором Сургутской ЦБС. На её плечи легло огромное и ответственное дело – руководство смешанной библиотечной системой, включающей 32 библиотеки города и района. Узнав об этом, я даже всплеснула руками: «Господи, ведь она девчонка ещё для такой работы, и помочь-то особенно некому, почти все сотрудники молодые». Но Надежда Васильевна уже тогда обладала деловой хваткой, гибкостью мышления, упорством и какой-то особенной мудростью.

Началась повседневная административная организационная работа. В первую очередь – развитие сети. А это означает необходимость подготовки вопросов об открытии новых библиотек на сессии горисполкома и райисполкома, предоставление расчётной документации, смет на техническое оснащение и комплектование фондов, прогнозов развития. И надо было убеждать, доказывать, искать аргументы. При этом проявлять понимание современных возможностей города, не унижаться, всегда сохранять чувство собственного достоинства.

Что бы сегодня ни говорили о прошлом, надо признать, что благодаря деятельности Н. В. Жуковой в 1980-е годы была открыта большая часть городских и детских библиотек. Библиотечная сеть была размещена рационально. В каждом микрорайоне имелась или городская смешанная библиотека, обслуживающая взрослое и детское население, или одна детская библиотека и одна городская для взрослых, а также профсоюзные и школьные библиотеки. Книжные фонды развивались в соответствии с государственным стандартом и запросами читателей. Улучшилась материальная база библиотек, централизованно заказывалось в области новое библиотечное оборудование, закупались мебель и технические средства. Кроме того, при её непосредственном участии решались важнейшие вопросы координации деятельности библиотек всех систем и ведомств, такие как развитие и упорядоченность библиотечных сетей города, комплектование и взаимоиспользование книжных фондов, организация обслуживания детей детскими и школьными библиотеками, взаимодействие библиотек в обслуживании коллективов Всесоюзных ударных комсомольских строек.

В 1980-е годы были заложены основные направления деятельности Сургутской ЦБС, укрепился кадровый состав учреждения, стала интереснее и содержательнее работа с читателями, и во всём этом чувствовалась рука Надежды Васильевны. Совершенствовали ли ведущие специалисты ЦГБ систему повышения квалификации кадров, отмечали ли юбилейную литературную дату, внедряли ли новые формы массовой работы – она была в курсе дела. Просматривала планы, программы, тексты, анализировала, вносила коррективы,

поддерживала лучшие начинания. Если она слышала от нас какое-то интересное предложение, то сразу улавливала суть, увлекалась, глаза у неё загорались, и мы начинали оживлённо, эмоционально всё обсуждать, спорить, фонтанировать идеями. Например, когда методисты и работники отдела обслуживания ЦГБ в 1984 году начали серьёзную работу по пушкинской тематике, она поддержала нас. Эти идеи живут и сейчас: дни целевых пушкинских программ, пушкинские праздники, пушкинский памятник, присвоение центральной городской библиотеке Сургута имени А. С. Пушкина.

При всей внешней строгости и сдержанности, диктуемой особенностью должности, во всём проявлялись её порядочность, такт, деликатность, доброжелательность. Она как-то быстро находила нужные слова и тон общения с сотрудниками, к её мнению прислушивались. Мы старались быть такими же, как она, – много читать, заниматься самообразованием, постоянно познавать что-то новое, выкладываться в полную силу в любом деле, гнать от себя равнодушие и лень. Так рождались понимание и общность интересов. Мы были весёлыми, неунывающими, брались за большие дела, не перекалдывая их на плечи коллег. Какие были прекрасные отношения в коллективе! Всегда теплота, дружество, взаимопомощь, которые переносились на всю библиотечную среду города Сургута.

В начале 1990-х годов начались процессы перестройки в библиотечной отрасли страны. Автоматизация, бурное развитие передовых информационных технологий резко изменили характер всей деятельности библиотек. Изменялись формы библиотечного обслуживания населения, политика формирования книжных фондов, характер обслуживания читателей, традиционные внутрибиблиотечные технологии, система подготовки кадров. Нам и в первую очередь нашему директору предстояло учиться работать в новых политических, экономических, социокультурных реалиях.

В 1996 году Центральная городская библиотека г. Сургута становится членом Международной федерации библиотек и библиотечных ассоциаций (ИФЛА) при ЮНЕСКО. Надежда Васильевна принимает участие в работе Ежегодных Генеральных Конференций ИФЛА, знакомится с постановкой библиотечного дела в зарубежных странах. В 1998 году мы вступили в Российскую библиотечную ассоциацию (РБА), что дало возможность изучить передовой библиотечный опыт отдельных городов и регионов России. Пришло понимание, что необходим современный подход к профессиональной подготовке персонала, и Надежда Васильевна претворила это понимание в жизнь. В результате большинство работников сургутских библиотек стараются получить высшее библиотечное образование, овладеть смежными науками. Ведущие специалисты являются слушателями и участниками всероссийских и международных библиотечных Форумов, научных и научно-практических конференций, семинаров, курсов, творческих лабораторий. В рамках РБА они знакомятся с библиотечным опытом городов Екатеринбурга, Томска, Новокузнецка, Омска, Перми. В порядке международного общения – с библиотеками Германии, Франции, США, стран Балтии и Финляндии.

Во второй половине 1990-х годов руководящее ядро ЦБС наполовину обновляется молодыми специалистами. Они возглавляют процессы автоматизации библиотек, создание информационных ресурсов, электронных каталогов, баз данных, электронных книжных коллекций, закладывают и развивают издательскую базу, совершенствуют краеведческую работу. В тот период центральная городская библиотека как никогда раньше сочетала функции массовой и научной библиотек. Работники ЦБС вели исследования по ранней истории сургутских библиотек, которые позднее вошли в книгу «Сургутские библиотеки: 100 лет истории», писали статьи в профессиональные научные издания, начали выпуск ретроспективных библиографических указателей и печатных пособий по краеведению, разрабатывали первые целевые программы и проекты, получали первые гранты.

Надежда Васильевна снова была в гуще, в центре этих событий и процессов. Руководила ими. Кроме того, развивала творческие связи с ведущими библиотеками,

музеями, литературными организациями, театрами России. В своих многочисленных поездках в Москву, Санкт-Петербург, крупнейшие города нашей страны и зарубежья она является лицом не только сургутских библиотек, но и нашего города, округа, России. Ведь многосторонние творческие связи не возникают сами по себе, многое зависит от человеческого фактора. Н. В. Жукова умеет общаться, выступать на любом уровне. Интерес к её личности пробуждает интерес к Сургуту, а знакомство с деятельностью и профессиональным потенциалом сургутских библиотек – желание строить с нами творческие отношения. Наверное, благодаря хорошим профессиональным связям сургутские библиотеки сделали резкий рывок вперёд в своём развитии во второй половине 1990-х годов.

Одно из главных дел жизни Н. В. Жуковой – строительство нового здания Центральной городской библиотеки (1998–2000 гг.). Со стороны нашего директора была затрачена колоссальная энергия – постоянный контроль над ходом строительных работ, привлечение спонсоров и дополнительных средств, командировки, переговоры с фирмами, поставляющими библиотечное оборудование, мебель, технику. В этом отношении стал удачным выбор фирмы DYTEC (Германия), с сотрудниками которой до сих пор сохранились деловые и дружеские отношения. Очень важно, что это большое дело получило понимание, поддержку и помощь мэра г. Сургута А. Л. Сидорова.

В конце 2000 года новое шестиэтажное здание библиотеки общей площадью 5 500 квадратных метров было введено в эксплуатацию. Оно сразу стало украшением Сургута, его визитной карточкой. Прекрасен его внешний облик. На самом высоком уровне выполнены планировка и дизайн внутреннего пространства, которое оснащено современным библиотечным оборудованием и техникой нового поколения. Большие рабочие площади позволили провести полную автоматизацию библиотечных процессов, расширить структуру центральной городской библиотеки, создать комфортные, условия труда и пользования библиотекой. В 2002 году Центральная библиотека им. А. С. Пушкина вошла в пятёрку лучших библиотек России, получив Диплом лауреата конкурса «Окно в Россию», проводимого газетой «Культура».

Центральная городская библиотека на сегодняшний день – одно из самых посещаемых учреждений культуры. Она неразрывно связана с жизнью города Сургута и интересами читателей. И дело не только в широкой информированности. У нас взаимная любовь. Читатели знают и любят свою главную библиотеку. Они в курсе всех её дел и событий, являются их участниками. Здесь они встречаются с известными прозаиками, поэтами, артистами театра и кино, деятелями культуры и литературы. Здесь проходят выставки печатной продукции края, пресс-конференции, презентации, научные семинары, бесплатные курсы, клубы по интересам, мастер-классы.

Н. В. Жукова – руководитель нового типа, высокого уровня, обладающий современными профессиональными знаниями, высокой работоспособностью и самодисциплиной, способностью мыслить концептуально и стратегически. Она сумела сплотить коллектив ЦБС, обеспечить коллегиальность управления системой на всех уровнях. Мы работаем по российскому стандарту качества. О каждом направлении деятельности можно написать целые страницы. Их ведут опытные высококвалифицированные специалисты, воспитанные Н. В. Жуковой. Надежда Васильевна – Заслуженный деятель культуры России, удостоена Медали А. С. Пушкина за вклад в распространение русского языка и русской литературы, отмечена персональной премией Департамента культуры и искусства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в области библиотечного дела им. Н. В. Лангенбах, знаком «За заслуги перед городом Сургутом». В июне 2014 года в торжественной обстановке Главой города Д. В. Поповым Н. В. Жуковой было вручено свидетельство о занесении её имени в Книгу Почета города Сургута. Всех наград и не перечислишь.

Надежда Васильевна Жукова – один из тех руководителей, которые в полной мере, без остатка отдают все свои силы, знания, способности служению библиотечному делу. Она – гордость нашего поколения. Мы, коллеги, испытываем к ней глубокое уважение.

НАШИ АВТОРЫ

Веселов Севостьян Игоревич – аспирант кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Veselov Sevostyan Igorevich – Postgraduate, Department of Russian History, Surgut State University

E-mail: veselov19920304@mail.ru

Давыдова Анжелика Олеговна – заведующий отделом изучения историко-культурного наследия и традиционных ремесел, историко-культурный центр «Старый Сургут»

Davydova Anzhelika Olegovna – Head, Study of Historical and Cultural Legacy and Traditional Crafts Department, Historical and Cultural Centre “Old Surgut”

E-mail: snezh-okl@yandex.ru

Задорожня Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Zadorozhnyaya Olga Anatolyevna – PhD (History), Associate Professor, Department of Russian History, Surgut State University

E-mail: zadorozhniaya.olga@yandex.ru

Иванов Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии, Сургутский государственный университет

Ivanov Aleksandr Sergeevich – PhD (History), Senior Lecturer, Department of World History and Archeology, Surgut State University

E-mail: 88d@bk.ru

Кондакова Любовь Юрьевна – библиограф, Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина, г. Сургут

Kondakova Lyubov Yuryevna – Bibliographer, Honoured Worker of Culture of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra, Pushkin Central City Library, Surgut

E-mail: gbibla@mail.ru

Кузнецова Анастасия Александровна – ассистент кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Kuznetsova Anastasiya Aleksandrovna – Assistant Professor, Department of Russian History, Surgut State University

E-mail: smirnova_aa@list.ru

Маленьких Максим Александрович – преподаватель истории, Иркутский технологический колледж

Malenkikh Maksim Aleksandrovich – History Lecturer, Irkutsk Engineering School

E-mail: Genrik42@yandex.ru

Попок Виктория Александровна – магистр истории, учитель истории, Сингапайская средняя общеобразовательная школа, ХМАО – Югра

Popok Viktoriya Aleksandrovna – Master of Science (History), Teacher of History, Singapai Secondary School, KhMAO – Ugra

E-mail: Vikki86RUS@yandex.ru

Прищепин Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор, почетный профессор Сургутского государственного университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Заслуженный деятель науки ХМАО – Югры

Prishchepa Aleksandr Ivanovich – Doctor of Science (History), Professor, Honoured Professor of Surgut State University, Honoured Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honoured Worker of Science of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra

E-mail: AIPrishchepa@yandex.ru

Солодкин Янкель Гутманович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, главный научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований, Нижневартровский государственный университет

Solodkin Yankel Gutmanovich – Doctor of Science (History), Professor, Department of Russian History, Leading Researcher Scientific Laboratory for Regional Historical Research, Nizhnevartovsk State University

E-mail: hist2@yandex.ru

Тебякина Арина Валерьевна – студент, Институт гуманитарного образования и спорта, Сургутский государственный университет

Tebyakina Arina Valeryevna – Student, Institute of Humanities and Sport, Surgut State University

E-mail: arinkatebyakina@mail.ru

Тимошенко Альбина Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской Академии наук, г. Новосибирск

Timoshenko Albina Ivanovna – PhD (History), Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

E-mail: timoshenkoai@ngs.ru

Томилов Игорь Сергеевич – младший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук

Tomilov Igor Sergeevich – Junior Researcher, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch Russian Academy of Sciences

E-mail: igor.tomilov.85@mail.ru

Чудаков Олег Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры народного декоративно-прикладного творчества, Краснодарский государственный институт культуры

Chudakov Oleg Valeryevich – PhD (History), Associate Professor, Department of Folk Arts and Crafts, Krasnodar State Institute of Culture

E-mail: chudakovov@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Статья и сведения об авторах должны быть представлены в разных файлах, которые передаются вложением в электронное письмо, отправленное по адресу: science.journals@surgu.ru. Название файла должно содержать фамилию автора (Иванов_статья.doc; Иванов_сведения.doc).

Все статьи проверяются на плагиат.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию статей, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса. Тип рецензирования – одностороннее слепое (анонимное) рецензирование (рецензент знает фамилии авторов, авторы не знают фамилию рецензента). По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи.

Редакция оставляет за собой право сокращения и редактирования статей. В случае направления рукописи на доработку исправленная статья (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через неделю. Недопустимо предоставление в редакцию статей, опубликованных ранее либо направленных в другие издания. Статьи, не соответствующие требованиям, не рассматриваются и не возвращаются. Авторы несут ответственность за оригинальность, объективность и обоснованность публикуемых материалов.

Для всех категорий авторов публикации бесплатны.

Все авторы должны предоставить **информацию о себе на русском и английском языках**:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- ученая степень (если есть);
- звание (если есть);
- должность;
- место работы (без аббревиатур);
- электронный адрес.

Образец оформления сведений об авторе

Иванова Анна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Сургутский государственный университет

Ivanova Anna Ivanovna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Surgut State University

E-mail: ivanova@mail.ru

В файле, содержащем информацию об авторе, также должны быть указаны:

- адрес с почтовым индексом;
- контактные телефоны;
- требуется ли печатная версия журнала (да/нет).

Образец

628412, Сургут, ул. Университетская, д. 7, кв. 32

89221234567

печатная версия журнала требуется

Объем статьи: от 10000 до 20000 печатных знаков (с пробелами), включая аннотацию, ключевые слова, библиографию и иллюстрации.

Структура статьи

1. Индекс УДК (по левому краю).
2. Фамилия (полностью), имя, отчество (инициалы) автора на русском и английском языках (полужирным курсивом, по центру).
3. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима) на русском и английском языках (прописными буквами, жирным шрифтом, по центру). Точка после названия не ставится.
4. Аннотация статьи на русском и английском языках (до 8 строк). Слово «аннотация» не пишется.
5. Ключевые слова (3-6 слов) на русском и английском языках.
6. Текст статьи (введение, основная часть, заключение).
7. Литература (пристатейный библиографический список источников, на которые автор ссылается в тексте).

Название статьи, аннотация, ключевые слова и сведения об авторах должны быть переведены профессиональным переводчиком.

Образец оформления статьи

УДК 37.012.3

Белоглазова Т.В., Ставрук М.А.

Beloglazova T.V., Stavruk M.A.

**РАЗВИТИЕ ЛИНГВОГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ
ПОСРЕДСТВОМ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ**

**STUDENTS' LINGVOHUMANITY CULTURE DEVELOPMENT
BY MEANS OF ACADEMIC MOBILITY**

В статье рассматривается формирование лингвогуманитарной культуры студентов через призму культурологического подхода. Особое внимание уделяется развитию социокультурной компетентности студентов, состоящей из социолингвистического, социально-психологического компонентов с учетом национально-специфических моделей поведения.

The relevance of this article is to consider the formation of lingvohumanity culture of students through the prism of cultural approach. Particular attention is paid to the development of socio-cultural competence of students consisting of sociolinguistic, socio-psychological components, taking into account specific national behavior.

Ключевые слова: лингвогуманитарная культура, академическая мобильность студентов, высшее образование, культурологический подход, лингвострановедческий компонент, коммуникативная деятельность.

Keywords: lingvohumanity culture, academic mobility of students, higher education, cultural approach, lingvoculture-study component, communicative activity.

Оформление статьи

Текст статьи набирается в текстовом редакторе Word, шрифт TimesNewRoman, кегль 12, интервал 1, абзацный отступ – 1,25 см, поля: верхнее 2,3 см, нижнее 2,4 см, левое 2,2 см, правое 2,2 см.

Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию. Использование цветных заливок и выделений не допускается. Все сокращения и аббревиатуры, кроме общепринятых, должны быть расшифрованы при первом упоминании. Единицы измерения даются в соответствии с Международной системой СИ.

На все таблицы, схемы и иллюстрации должна быть сделана ссылка в тексте с указанием их номера.

Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта, иначе при изменении границ страницы элементы могут смещаться. При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки, графики, диаграммы, фотографии должны быть только черно-белыми. При создании таблиц и диаграмм в Excel обязательно прилагается исходный файл в формате .xls.

Рисунки могут быть выполнены только в форматах .gif, .jpg, .tif.

В диаграммах должны быть подписаны оси координат (при наличии), указаны единицы измерения, объяснены все условные обозначения. В подписях рисунков шрифт 10, жирный, точки нет, выравнивание по центру. В примечаниях к рисункам и таблицам шрифт 10, обычный, выравнивание по ширине.

Библиографические ссылки в тексте статьи выделяют квадратными скобками, указывая номер источника в списке литературы (например, [2]). Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер источника и страницы, на которых помещен объект ссылки, сведения разделяют запятой: [10, с. 81]. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой: [1; 3; 14].

У каждой публикуемой научной статьи должен быть пристатейный библиографический список, содержащий сведения о других документах, цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи.

Источники приводятся в порядке цитирования.

На все источники, включенные в список литературы, должна быть сделана ссылка в тексте.

Образец оформления списка литературы

Литература

1. Ковшиков В. А., Глухов В. П. Психолингвистика: теория речевой деятельности : учеб. пособие для студентов педвузов. М. : Астрель ; Тверь : АСТ, 2006. 319 с. (Высшая школа).

2. Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. Л. Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и он-лайнных сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/>(дата обращения: 25.11.2006).

3. Карпов В. П. Освоение газовых и нефтяных ресурсов Ямала в 1960–80-е годы // Горные ведомости. 2007. № 12. С. 80–93.

Сведения о включенных в список литературы документах должны быть оформлены в соответствии с требованиями журнала.

Образцы оформления библиографических ссылок

10. Валукин М. Е. Эволюция движений в мужском классическом танце. М. : ГИТИС, 2006. 251 с.

8. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования : сб. науч. тр. / Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования ; под ред. А. Е. Марона. М. : ИОВ, 2007. 118 с.

12. Ефимова Т. Н., Кусакин А. В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. № 1. С. 80–86.

11. Лешкевич И. А. Научное обоснование медико-социальных и организационных основ совершенствования медицинской помощи детскому и подростковому населению г. Москвы в современных условиях : дис. ... д-ра мед. наук. М., 2001. 76 с.

7. Канарский Д. И. Успех как механизм конституирования социальной реальности (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2000. 23 с.

2. О рынке ценных бумаг : федер. закон Рос. Федерации от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 марта 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 11 апр. 1996 г. // Рос. газ. – 1996. – 25 апр.

1. О производственных кооперативах : федер. закон Рос. Федерации от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10 апр. 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 20, ст. 2321. – С. 4966–4979.

20. Приемопередающее устройство : пат. 2187888 Рос. Федерация. № 2000131736/09 ; заявл. 18.12.00 ; опубл. 20.08.02, Бюл. № 23 (II ч.). 3 с.

4. ГОСТ Р 7.0.4–2006. Издания. Выходные сведения. Общие требования и правила оформления. М., 2006. II, 43 с. (Система стандартов по информ., библи. и изд. делу).

Библиографическая ссылка на издание, имеющее более трех авторов

5. Логинов С. И., Басова О. Н., Ефимова Ю. С., Гришина Л. И. Физическая активность человека как фактор адаптации к условиям Югорского Севера // Физиологические механизмы адаптации человека : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 26 октября 2010 г. Тюмень: Лаконика, 2010. С. 34–36.

Фамилии авторов такого документа приводятся в том порядке, в котором они перечислены в исходном тексте.

Библиографические ссылки на электронные ресурсы

1. Дирина А. И. Право военнослужащих Российской Федерации на свободу ассоциаций // Военное право : сетевой журн. 2007. URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/2149> (дата обращения: 19.09.2007).

9. О жилищных правах научных работников [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 авг. 1933 г. (с изм. и доп., внесенными постановлениями ВЦИК, СНК РСФСР от 1 нояб. 1934 г., от 24 июня 1938 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографические ссылки на архивные документы

15. Гушин Б. П. Журнальный ключ : статья // ПФА РАН. Ф. 900. Оп. 1. Ед. хр. 23. 5 л.

7. Розанов И. Н. Как создавалась библиотека Исторического музея : докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки РСФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л.14.

12. Гребенщиков Я. П. К небольшому курсу по библиографии : материалы и заметки, 26 февр. – 10 марта 1924 г. // ОР РНБ. Ф. 41. Ед. хр. 45. Л. 1–10.

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
№ 4 (40)
2018

Подписано в печать 17.12.2018 г. Дата выхода в свет 25.12.2018 г.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 10,6. Уч.-изд. л. 6,4.
Тираж 80. Заказ № 153.

Оригинал-макет подготовлен в редакции журнала
«Северный регион: наука, образование, культура»
(3462) 762-988

Отпечатано в Издательском центре СурГУ.

Адрес учредителя, издателя и типографии:
бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»,
628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1.
Тел. (3462) 76-31-79.

Цена свободная.